

П-856
30

П-856

ISSN 0320-9393

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК

30

« ИСКУССТВО »

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ОРДЕНА ЛЕНИНА ЭРМИТАЖ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК

Под редакцией
академика Б. Б. ПИОТРОВСКОГО

30

«ИСКУССТВО»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1990

ББК 63.4л6
А87

*Печатается по решению Ученого совета
Государственного Эрмитажа*

Редактор Я. В. Доманский

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СССР

А 0504000000—022 1-89
025(01)-90
ISSN 0320—9393

7111810

© «Искусство», 199

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данный выпуск «Археологического сборника» Эрмитажа приурочен к 225-летию юбилею музея. Он и сам по себе оказался юбилейным — тридцатым. Такой «двойной» юбилей дает повод для подведения некоторых итогов долгого существования сборника.

Первый его выпуск вышел в свет в 1959 году. В предисловии к нему говорилось о задачах предпринимаемого нового серийного издания: публиковать хранящиеся в музее материалы по истории культуры, результаты полевых работ и исследования по тем или иным вопросам археологической науки. С тех пор прошло три десятилетия, огромный период в истории Эрмитажа, в развитии советской археологии. Сборник занял определенное место в системе соответствующих советских изданий как авторитетный печатный орган, отражающий изучение культур древних народов, существовавших в основном на территории СССР, их истории и их искусства. Сборник отражает успехи и сложности поступательного пути отечественной археологической науки, на его страницах нашли место описания многочисленных памятников материальной культуры, исследованных с применением тех методов, подходов к материалу, которые были в данный момент присущи науке, ее плодотворным направлениям*.

Естественно, в «Археологическом сборнике» представлены научно-исследовательские труды прежде всего сотрудников Эрмитажа, работающих над археологическими собраниями, хранящимися в музее. Публикации этих коллекций занимают существенную часть выпусков сборника всех лет его существования. Это очень важный раздел. Публикации материалов живут долго, долго не стареют, без них немислимо движение нашей науки вперед.

* Указатель статей, опубликованных в вып. 1—10 АСГЭ, см. в вып. 10 (1969 г.); опубликованных в вып. 1—20 — в вып. 20 (1979 г.). В настоящем выпуске (с. 121—123) читатель найдет указатель статей, опубликованных в вып. 21—30.

С другой стороны, вопросы самого различного характера стали предметом рассмотрения в сборнике. Это исследования и сугубо археологического содержания, и по частным и более широким проблемам древней истории, и искусствоведческой направленности, и работы историографические, источниковедческие, а также методические и теоретические разработки. Хронологический диапазон этих трудов огромен: от ранних этапов палеолитического периода до эпохи средневековья. В различных выпусках сборника мы видим, например, такие статьи: «Дополнения к методике обработки нижнепалеолитических памятников» (вып. 10), «О взаимодействии среднепалеолитических культурных единиц на территории Юго-Запада СССР» (вып. 25), «Первый Васильевский мезолитический могильник» (вып. 1), «Неолитическое свайное поселение на Усвятском озере» (вып. 13), «К вопросу о памятниках полтавского типа» (вып. 5), «Поселение скифского времени у с. Долиняны в Днестровском Правобережье» (вып. 19), «Хронологическое соотношение Пазырьских и Семибратних курганов» (вып. 28), «К вопросу о дате сооружения Чертомлыкского кургана» (вып. 22), «Полихромные изделия гунигского времени из погребений Нижнего Поволжья» (вып. 10), «Обувь и другие кожаные изделия из Старой Ладоги» (вып. 7), «К вопросу о топографии древнего Пскова» (вып. 6) и т. д., и т. п.

Авторский коллектив вышедших выпусков «Археологического сборника» велик. Здесь не только сотрудники Эрмитажа, но и их многочисленные коллеги из различных археологических центров Советского Союза. Все вместе взятые опубликованные исследования производят внушительное впечатление как своей совокупностью, так и (во всяком случае, большая их часть) основательностью проделанной работы.

Конечно, по-прежнему задачей сборника, как эрмитажного издания, остается предельное внимание к введению в научный оборот

хранимых музеем обширных археологических материалов. Это дело нелегкое, ибо коллекции памятников материальной культуры непрерывно возрастают, пополняются. Как и ранее, в Эрмитаж поступают древности из многих районов работ отечественных археологических экспедиций. Все усиливается собственная раскопная деятельность музея. Число экспедиций возросло и достигает почти двух десятков. Соответственно возрос поток «оседаемых» в сте-

нах Эрмитажа археологических предметов, собраний значительных и важных древних памятников культуры и искусства.

К сожалению, объем соответствующих изданий музея увеличивается не столь решительно. Это налагает особую ответственность на такое издание, как «Археологический сборник» Эрмитажа — в сложившихся условиях продолжать выполнять задачи, обрисованные еще в предисловии к выпуску I.

И. В. КАЛИНИНА, Е. А. УСТИНОВА

ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ОРНАМЕНТОВ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ—ЭНЕОЛИТИЧЕСКОЙ КЕРАМИКИ УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА

В археологии принят географический принцип наименования выделяемых этнокультурных общностей, реже они получают название по характерному признаку материальной культуры. Для неолита—энеолита лесной и лесостепной зоны Евразии керамика является «наиболее выразительным элементом культуры» [10, с. 14]. Наряду с такими этнокультурными общностями, как, например, восточно-уральская (обско-уральская), западно-уральская (волго-камская), выделены: ямочно-гребенчатая, гребенчатая, гребенчато-накольчатая, гребенчато-волнистая и т. д. В перечисленных названиях отражен один из признаков керамики — форма элементов орнаментальных композиций.

В известной работе «Русская доисторическая керамика» В. А. Городцов предложил классификацию элементов орнамента, разделив последние на семейства, роды и виды. По В. А. Городцову, «основанием деления служат орудия или инструменты, которыми воспроизводились элементы. Способ применения тех или других из них положен в основу характеристики семейств, общие или типовые формы самих орудий — в основу деления на роды, характерные или видовые особенности каждого из них в воспроизведении элементов орнамента — в основу деления на виды. Таким образом, изучение инструментов и орудий орнамента выдвинуто на первый план...» [9, с. 616]. Классификация В. А. Городцова развития не получила.

В настоящее время археологи отдают предпочтение классификации элементов орнамента по их форме. Морфологическая классификация имеет ряд преимуществ: форма оттисков известна, в отличие от формы орнамента и способов орнаментации, которые далеко не всегда ясны; для сравнения по техно-

логическим признакам нельзя использовать опубликованные материалы с других памятников, так как по фотографиям, не говоря уже по рисункам, невозможно выявить интересующие признаки. Тем не менее форма некоторых элементов орнамента сложна для описания. Например, «волна», прочерченная палочкой, отличается от «волны», прочерченной гребенчатым штампом, а «волна», выполненная протягиванием, от «волны», выполненной отступанием штампа. Считать ли эти разновидности вариантами одного элемента или самостоятельными элементами? У археологов не возникает сомнения в том, что это разные элементы, если перечисленные элементы совместно не встречаются. В этом случае требуется обозначить, придумать название для каждого элемента. Задача это непростая и тем будет она сложнее, чем ближе по форме элементы друг другу.

Элементы получают название по ассоциации их формы с тем или иным предметом: так оковы «гусенички», «арочки», «лесенки» и т. п. Один и тот же орнамент называли «псевдореволюционным», «ложношнуровым», «ложногребенчатым» в зависимости от того, усматривал ли исследователь в форме оттисков аналогию с оттисками веревки или с гребенчатыми с косой нарезкой штампами. Некоторые названия весьма популярны, другие в настоящее время не употребляются. Археолог вынужден пользоваться имеющимися в его распоряжении терминами, которые нивелируют наблюдаемые особенности формы оттисков — система терминологии становится тормозом для более углубленного изучения материала. С другой стороны, само по себе введение новых названий не способствует усовершенствованию системы терминологии, поскольку остаются невыясненными взаимосвязи отдельных форм элементов орнамента друг с другом.

Принцип названия элементов по их форме соблюдается не всегда. Общеприняты термины «шагающая гребенка» и «отступающая палочка», которые, наряду с «наколами треугольной, овальной палочкой», «разреженной гребенкой», обозначают определенную форму оттисков, их расположение относительно друг друга, а не форму орнамента и приемы нанесения орнамента. Так, для поселения Бобрыкино II выделены «элементы орнамента: горизонтальная линия, зигзаг... реже „шагающая гребенка“» [27, с. 20]. Для керамики стоянки Ново-Кусково отмечены: «отступающая палочка», лунки, ямочки, резные линии» [19, с. 36—43]. «Для керамики Екатерининской стоянки... типичны гладкая «качалка» и отпечатки зубчатого штампа» [16, с. 69]. На керамике поселения Кокуй I «среди узоров встречаются прямые, волнистые и зигзаговые пояски... шагающий штамп гребенчатый или гладкий в горизонтальном или вертикальном направлениях» [7, с. 16, 12—13]. На поселении Мурат «сосуды с прочерченным волнистым орнаментом, нанесенным в сочетании с оттисками «отступающей палочки», округлой или четырехугольной формы» [18, с. 147]. На керамике кротовской культуры «орнамент наносился либо разреженным гребенчатым штампом, либо гребенчато-отступающей техникой, реже насечками, полулунными вдавливаниями» [21, с. 54—55].

При морфологическом подходе технологический анализ элементов орнамента оказался подчиненным задаче формальной классификации. Пример тому классификация орнаментов зауральской керамики неолита-бронзы Н. П. Кипарисовой [14, с. 7—24]. Н. П. Кипарисова выделяла разновидности орнаментов: 1) по форме элементов — линии, волнистые линии, мелковолнистые линии, оттиски гребенчатого штампа, штрихи, нанесенные палочкой; 2) по форме орнамента — «гребенчатая волна» и «волна, выполненная палочкой», «линии палочкой» и «линии двойной палочкой»; 3) по способу нанесения — линии прочерченные и линии, прочерченные с периодическим нажимом («струйчатый орнамент», «отступающая палочка»). В ряде случаев разновидности одного и того же способа нанесения орнамента отнесены к разным орнаментам: орнаменты № 7 и № 8 и орнаменты № 10 и № 11. При морфологическом подходе способ орнаментации настолько тесно слит в сознании с формой элементов орнамента, что стилистически возможной оказывается фраза: «Возникает и достигает большого развития орнаментация «ложной гребенкой»... Иногда этот способ (выделено нами.— Авт.) смешивают с «псевдодверочным» орнаментом (выделено нами.—

Авт.), но он отличается от «псевдодверочного» большей свободой исполнения, не так правилен, обычно и палочка применяется более крупная» [14, с. 7].

Несмотря на приблизительность, расплывчатость терминов, по фотографиям и рисункам археологи «узнают» орнаменты, о которых идет речь. Но все изъятые терминологии дают о себе знать в полной мере при решении историко-культурных вопросов. Н. П. Кипарисова называла орнамент развитого неолита лесного Зауралья гребенчато-волнистым, так как «большая часть керамики... с горизонтальными зонами прочерченных «гребенкой» волн, взаимопроникающих разнозаштрихованных треугольников, с рядами «шагающей гребенки» и т. д.» [14, с. 9]. В. М. Раушенбах, неоднократно подчеркивая, что волнистые элементы узоров наносились палочкой с тонким острием или гребенчатым штампом, тем не менее выделяла группы керамики «с элементами орнамента — волнистыми и нанесенными техникой отступающей лопаточки» и «украшенную различными вариантами оттисков гребенчатого штампа» [24, с. 55—66]. Волнистые узоры и оттиски гребенчатых штампов характеризуют, по В. М. Раушенбах, типологически разные группы керамики. В. Ф. Старков относит керамику «к типу волнисто-гребенчатой», поскольку прочерченные узоры сочетаются с орнаментом, выполненным при помощи гребенчатого штампа». При этом он указывает, что «прочерченные узоры наносились гладким прочерчиванием и техникой отступающей палочки» [29, с. 46, 66]. Таким образом, гребенчато-волнистая керамика у Н. П. Кипарисовой и одноименная группа керамики, выделенная В. Ф. Старковым, не сопоставимы друг с другом. По Р. С. Габяшеву, на неолитической керамике Нижнего Прикамья «прочерченная техника... представлена... в единичных случаях длинными прямыми или волнистыми линиями» [6, с. 42]. В литературе можно встретить «прочерченный волнистый орнамент» [18, с. 147] и «волнисто-прочерченный орнамент» [2, с. 162]. В. Н. Чернецов называл зауральскую керамику «гребенчато-струйчатой» [31, с. 26]. В. М. Раушенбах употребляла термины «струйчатые», «струйчато-волнистые», «волнистые» элементы орнамента как синонимы [25, с. 10, 16; 24, с. 55]. По В. А. Городцову, струйчатый орнамент «характеризуется параллельными, слабо извивающимися линиями, прочерченными зубчатым чеканом» [9, с. 639] (выделено нами.— Авт.). В. Н. Чернецов также полагал, что «слегка волнистые, с переменным нажимом линии струйчатого типа наносились гребенчатыми штампами» [33, с. 28—30] (выделено нами.— Авт.). А. П. Окладников же называл

струйчатым «орнамент в виде узких желобков, проведенных округлой на конце палочкой, которую вели, не отрывая ее конца от глины, но ритмически надавливая через известные промежутки» [23, с. 19] (выделено нами.— Авт.). Н. П. Кипарисова считала, что «если черта с периодическим нажимом и колебаниями в стороны проводится только с легким приподнятием палочки, то получается мелковолнистая линия, которую... называют «струйчатым» орнаментом» [14, с. 16] (выделено нами.— Авт.).

Каковы объективные причины столь путаной терминологии? Почему археологи не могут «договориться» называть однозначно определенные виды орнаментов? На примере двух терминов — «волнистый» и «струйчатый» — очевидно, что за каждым термином в скрытом виде присутствует неодинаковое представление об орудиях и способах выполнения данного орнамента. Показательно, что упомянутые авторы, придерживаясь принципа морфологической классификации элементов узоров, тем не менее отражают свое понимание технологии орнаментации. Выделены следующие способы орнаментации: «прием шагающей гребенки» [25, с. 10]; орнаментация «качалкой», главным образом гребенчатой и реже гладкой» [33, с. 38]; способ «шагающей гребенки» [28, с. 98]; метод «отступающей палочки» [27, с. 18; 29, с. 46, 53, 94]; прием «отступающая лопаточка» [33, с. 47]; прочерчивание округлой затупленной палочкой; прочерчивание гребенкой [32, с. 47]; метод или прием гладкого прочерчивания [28, с. 46, 53, 82, 94].

Названия «шагающая гребенка» и «гребенчатая качалка» свидетельствуют о разных реконструкциях исследователями способов нанесения данного орнамента. Отдавая предпочтение термину «отступающая палочка» или «отступающая лопаточка», археологи стремятся более точно отразить в названии предполагаемую ими форму орнамента.

Таким образом, в рамках морфологической классификации вызрели предпосылки перехода к технологическому анализу орнаментов. На наш взгляд, помимо отмеченных трудностей имеется еще одна причина, почему технологический подход до сих пор не занял самостоятельную позицию по отношению к морфологическому. Реконструкция способов орнаментации включает в себя знания об инструментах и способе работы ими. Орнаменты для керамики — сравнительно редкая находка на археологических памятниках. И все-таки уже имеется серия орудий, признаваемых всеми археологами за штампы для керамики, — это каменные, реже костяные, керамические, из створок раковины *Unio* зубчатые (гребенча-

тые) штампы. Они хорошо известны археологам, нередко зубчатые штампы публикуются вместе с отпечатками их на пластине. Определить на фрагментах гребенчатой керамики способ получения оттисков — задача вполне реальная. Другое дело — орнаментация накольчатой керамики. Орнаменты «палочка», «лопаточка» не найдены. Ставя перед собой задачу технологической классификации орнаментов накольчатой керамики, приходится решать уравнение с двумя неизвестными.

В основе нашей работы — метод экспериментального моделирования. Исследуемая керамика предварительно была разделена на две группы: орнаментированная зубчатыми и незубчатыми орудиями.

Способы орнаментации зубчатыми орудиями

Экспериментальные орнаменты изготовлены из плиток сланца и песчаника Р. С. Минаяном, из трубчатой кости и раковины *Unio* — С. В. Хавриным и соответствуют археологическим со стоянок Хуторской, Бор I, оз. Грязного, Муллино, Шигирского торфяника. Орнаменты обозначены буквами для идентификации с выполненными ими орнаментами (рис. 1). Археологические штампы использовались в качестве контрольных.

Всего определено восемь способов орнаментации зубчатыми орудиями (рис. 2). В выборе названий руководствовались применяемыми археологами терминами. Способы орнаментации характеризуются кинематикой движения орудия и его положением относительно поверхности сосуда.

I. *Штампование* — получение оттисков при перпендикулярном положении штампа к поверхности. У штампов с дугообразным краем пропечатываются только центральные зубцы (рис. 3: I). В литературе это — «отдельные оттиски штампа».

II. *Прокатывание* штампа по дуге рабочего края при перпендикулярном положении его к поверхности. Если при штамповании оттиски одинаковые, то при прокатывании различаются по длине, изгибу. При штамповании перегородки между отпечатками зубцов штампа углублены по сравнению с поверхностью сосуда, при прокатывании перегородки между отпечатками зубцов на одном уровне с поверхностью сосуда (рис. 3: II).

Отмечаемые исследователями на сосудах «длинные и короткие оттиски» соответствуют приемам штампования и прокатывания.

III. *Шагание* — движение штампа при очередном развороте его на одном и другом конце. Выполнялось штампами с прямым рабочим краем (рис. 3: III).

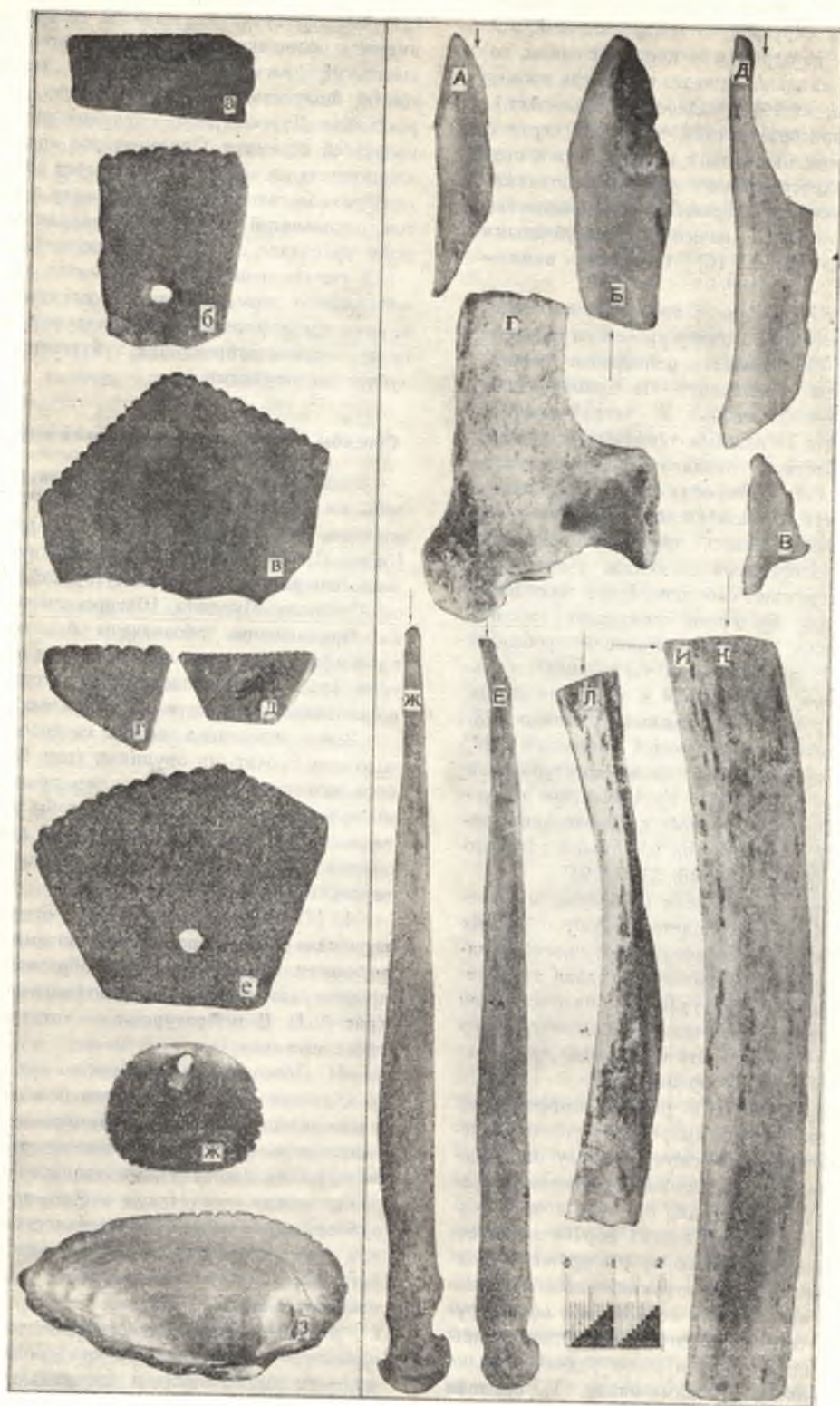

Рис. 1. Экспериментальные орнаменты

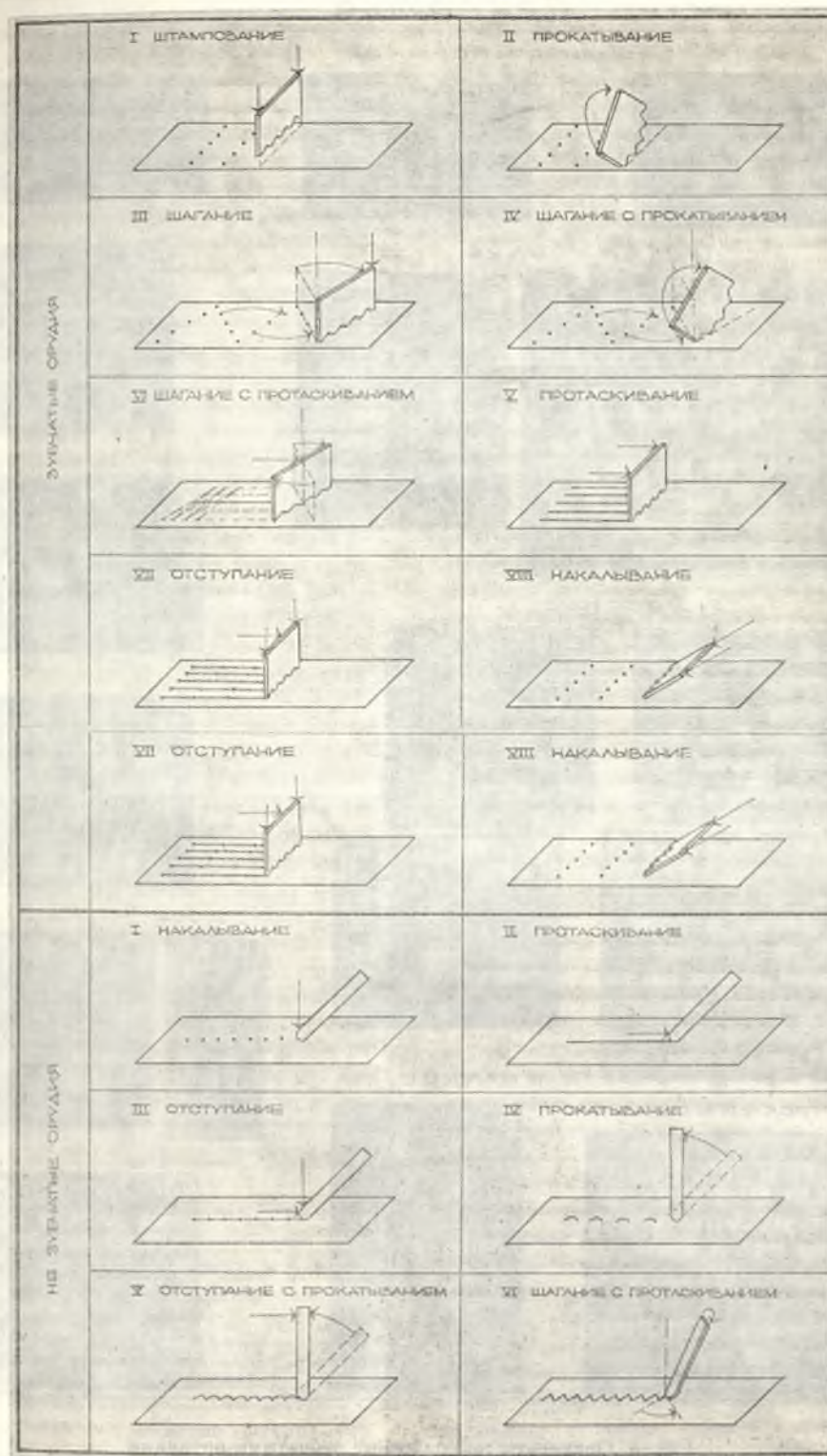

Рис. 2. Способы орнаментации

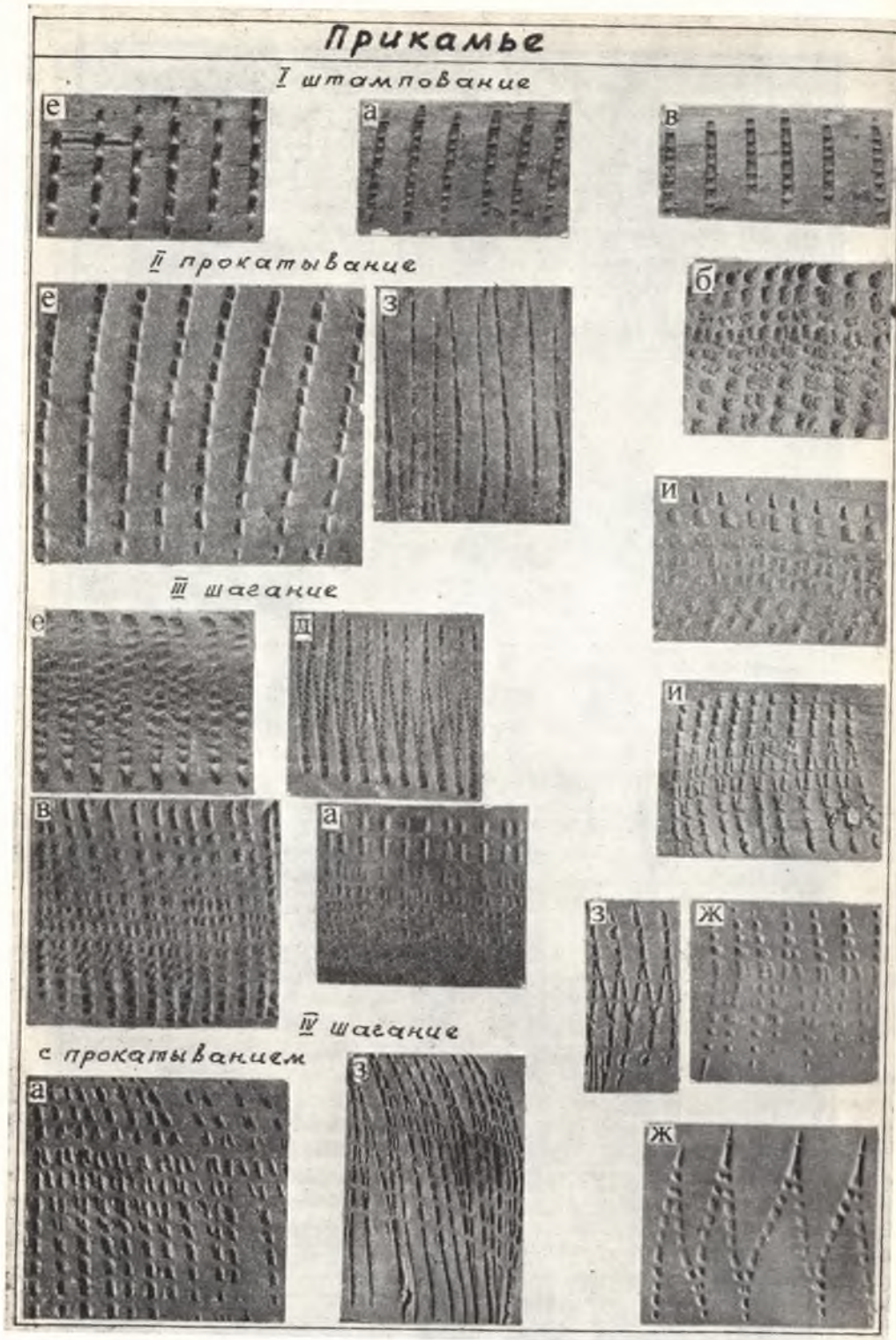

Рис. 3. Орнаменты, выполненные зубчатыми орудиями

По Д. Н. Эдингу, «штамп после нажима одним концом удерживался на сосуде, а другим переносился на новую точку, после чего следовал новый нажим» [34, с. 13]. По К. В. Сальникову, «путем передвижения штампа таким образом, что он не отнимался совсем с поверхности сосуда, а поочередно переносился то один, то другой конец его» [26, с. 32]. По А. Я. Брюсову, «длинным зубчатым штампом в виде зигзага из часто поставленных, почти соприкасающихся длинных полос» [4, с. 152]. По В. М. Раушенбах, «оттиски, соприкасающиеся лишь в своих вершинах» [25, с. 10, рис. 4: I].

IV. Шагание с прокатыванием. Шагание отличается от шагания с прокатыванием: в первом случае верхние и нижние зубцы штампа пропечатываются глубже, во втором — все зубцы пропечатываются одинаково. При шагании ряд сближения, как и весь орнаментальный пояс, ровнее, чем при шагании с прокатыванием. Д. Н. Эдинг отмечал, что «неравномерная длина отдельных зубцов зигзага... говорит за применение плоской округлой гальки или костяной пластинки» [34, с. 13] (рис. 3: IV).

Прием орнаментации соответствует «зубчатой качалке» В. Н. Чернецова. По О. Н. Бадеру — «шагающая гребенка, наносившаяся прокатыванием округленного штампа, с поворотом его на концах линий» [1, с. 20].

V. Протаскивание — движение штампа без отрыва от поверхности с равномерным нажимом. Для работы пригодны штампы из прочных пород камня или кости с относительно длинными зубцами. При протаскивании удаляется слой глины, штамп при этом изнашивается (рис. 3: V).

По Н. П. Кипарисовой, это — «волнистые линии, прочерченные гребенчатым штампом («гребенчатая волна»)» [14, рис. 1: 1, 2]; по В. М. Раушенбах — волнистый орнамент, выполненный «протягиванием гребенчатого штампа с несколькими зубцами» [25, с. 20]; по В. Н. Чернецову — «прочерчивание гребенкой» [32, с. 47].

VI. Шагание с протаскиванием. Для нанесения орнамента требуется значительное усилие, штамп необходимо удерживать в положении, перпендикулярном орнаментируемой поверхности.

По Н. П. Кипарисовой, данным способом выполнялась «шагающая гребенка» [14, с. 7, рис. 1: 7, 8] (рис. 4: VI).

VII. Отступление — движение штампа без отрыва от поверхности с периодическим нажимом (рис. 4: VII).

По Н. П. Кипарисовой, «слепа гребенка» — линия, прочерченная гребенчатым штам-

пом со слабо заметными зубчиками [14, с. 8, рис. 1—12]. По В. Н. Чернецову, «прием нанесения узора... отступающая гребенка или зубчатая лопаточка» [32, с. 47]. По В. Ф. Генингу, Р. Д. Голдиной, оттиски «двузубого или трехзубого гребенчатого штампа... в технике отступающей палочки» [7, с. 40].

VIII. Накальвание — получение оттисков при наклонном положении штампа к поверхности (рис. 4: VIII).

По В. Ф. Старкову, «тип орнамента в виде отступающей гребенки» [29, с. 160].

Способы орнаментации незубчатыми орудиями

После того, как нами были изготовлены деревянные аналоги и ими получены орнаменты, соответствующие археологическим образцам, стало ясно, что в качестве орнаментира не могла быть использована случайная палочка, щепка и т. п. Во-первых, при всем многообразии накольчатой керамики на громадной территории ее распространения орнаменты отличаются устойчивостью, повторяемостью. Во-вторых, деревянный орнаментир должен быть не только определенной формы, но и тщательно обработан — даже незначительные заусеницы на его поверхности препятствуют получению требуемых оттисков, и при работе по влажной глине дерево «мочалится». Однако в коллекциях деревянных предметов из торфяниковых стоянок, в которых представлены не только крупные, но и мелкие предметы, вплоть до наконечников стрел, деревянные орнаменты отсутствуют.

Вслед за деревянными были исключены каменные орнаменты. Степень изученности каменного инвентаря такова, что археологи обращают внимание не только на отщепы, но и на так называемые «отходы производства». Успехи трасологического изучения каменных орудий не оставляют сомнения в том, что в поле зрения исследователей не могли не попасть орнаменты для керамики. Остаются костяные.

В раздел костяных орудий попадают лишь те, на которых имеются преднамеренные сколы, пропилены, либо отчетливо заметна сложенность. В музейных коллекциях, кроме заведомо орудий, имеются грифельные кости, рога, бабки, зубы (чаще клыки), лопатки животных. Остальные кости хранятся отдельно от археологического материала и, как правило, с годами утрачиваются. Нас же заинтересовали «кухонные отбросы», прежде всего ребра, трубчатые кости: естественная форма их обломков при раскалывании и разрушении. В ходе экспериментального моделирования выяснилось, что последними наносились известные

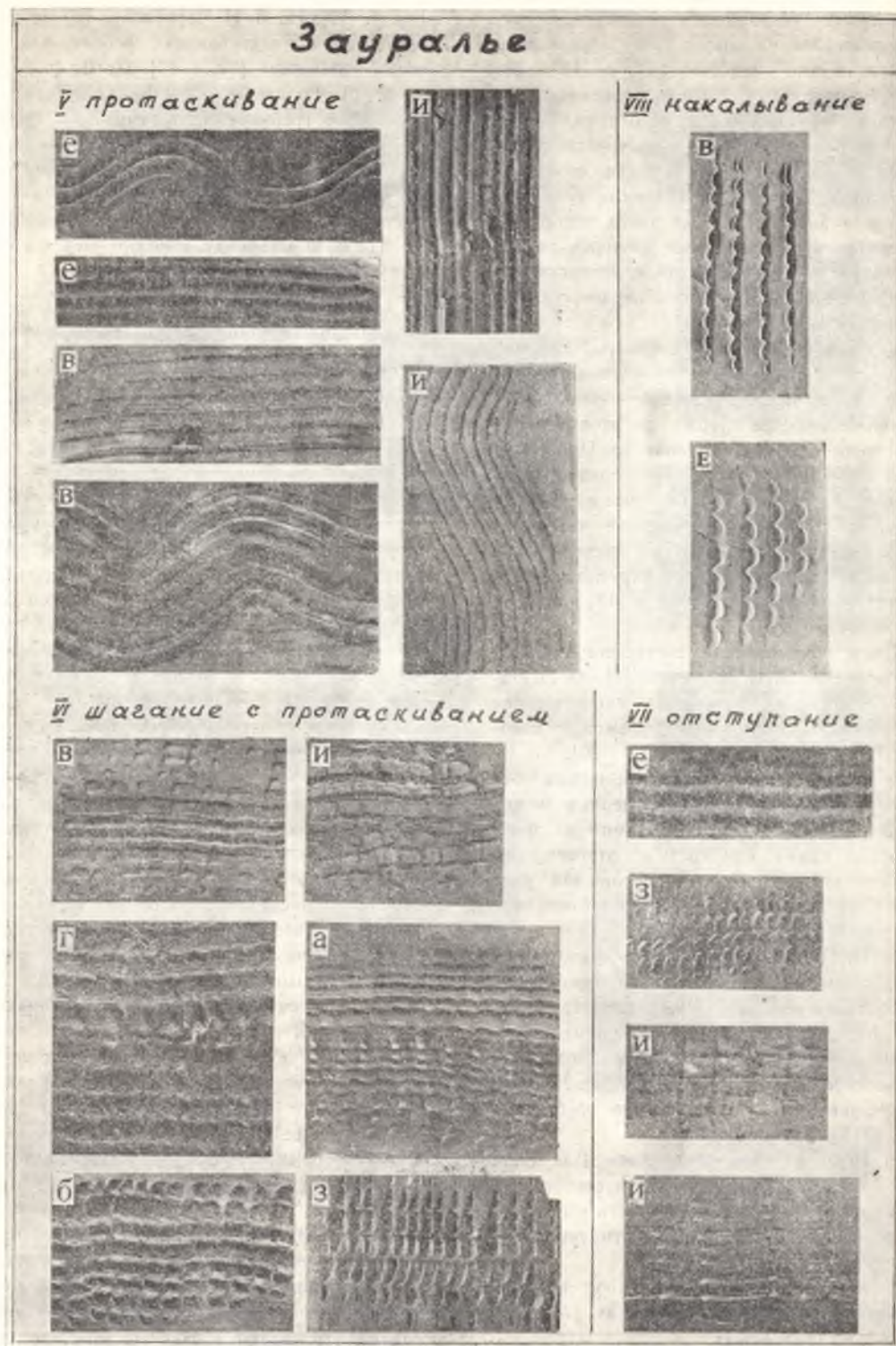

Рис. 4. Орнаменты, выполненные зубчатыми орудиями

орнаменты: в Среднем Поволжье — «разреженный орнамент... из мелких клиновидных и ячеистых оттисков» [30, с. 52], «наколы острой треугольной палочкой» [6, с. 42]. Рабочей поверхностью орнаментов являлись приостренные грани ребер и острые грани сколов. При орнаментации зауральской керамики (орнаменты «отступающая палочка», «ложный шнур» и т. д.) также использовались ребра, трубчатые кости. Но здесь роль рабочей поверхности орнаментов выполняли торцы ребер, обломки трубчатых костей, орнаменты наносились иными способами. Заметим, что из всех видов орнаментов костяные наиболее пригодны для работы по глине: все имеющиеся на поверхности неровности, выщерблины сглаживаются, кость в процессе работы полируется.

Всего определено шесть способов нанесения орнаментов костяными орудиями (рис. 2).

I. *Накалывание* — получение оттисков острой гранью кости. Положение орнамента по отношению к поверхности сосуда под углом 45° – 60° (рис. 5: 1).

Р. С. Габяшев выделил наколы, образующие сплошные линии; наколы в виде пунктирных линий; одиночные наколы [6, с. 42].

II. *Протаскивание* конца орнамента по поверхности.

По В. М. Раушенбах, «узор протягиванием острой палочки» [25, с. 20]. По О. Н. Бадеру, «прочерченный линейный орнамент... наносился тупым концом палочки» [1, с. 20] (рис. 5: II).

III. *Отступление* при положении орнамента под углом около 30° к поверхности сосуда (рис. 6: III).

Первый вариант выполнялся обломками трубчатых костей. При нанесении орнамента кость обращена к сосуду внешней поверхностью (рис. 6: III, Д).

По Н. П. Кипарисовой, орнамент «отступающая палочка» — «линия, образованная непрерывно движущейся по поверхности сосуда палочкой при периодическом нажимании на нее; в этой линии каждый «штрих» соединен с соседними» [14, с. 16, рис. 1: 5]. По В. Н. Чернецову, «прием нанесения узора «отступающая лопаточка», которую проводили, не отрывая от поверхности, так что получилась слегка вдавленная ступенчатая полоска» [32, с. 47].

Второй вариант выполнялся концом грифельных костей (рис. 6: III, Е, Ж).

Иногда обозначается термином «размочаленная палочка» [8, с. 12].

Третий вариант экспериментально выполнен приостренными обломками костей, имеющих на конце выщерблину. При нанесении орнамента кость обращена к сосуду внутренней

поверхностью (рис. 6: III, А). В Верхонском могильнике найдена костяная «узкая длинная (12,5 см) пластина с раздвоенным концом». По мнению А. П. Окладникова, «этим штампом могли наносить орнамент на глиняные сосуды и... на бересту» [22, с. 89, рис. 54: 10]. Несмотря на примитивность «доработки» подобных орнаментов, не исключена возможность выявления в будущем их естественных прототипов.

В литературе встречаются термины «раздвоенная палочка» [33, с. 28; 8, с. 12; 29, с. 96], «двузубая палочка», «расщепленная палочка» [15, т. 1, с. 37].

IV. *Прокатывание* выполнялось торцами ребер, локтевых и трубчатых костей (рис. 6: IV).

По В. Ф. Старкову, «отпечатки гладкого штампа в виде дуг, расположенных в один, два или три ряда» [29, с. 151, табл. XXVII: 10, 11, XXVIII: 5, XXIX: 3, 13, 14].

V. *Отступление с прокатыванием* выполнялось торцами ребер, локтевых костей (рис. 5: V).

В литературе известен под названием «орнамент липчинского типа». П. А. Дмитриев отнес его к группе печатных, к отделу веревочных [11, с. 67, рис. 6: 15]. По Е. М. Берс, «керамика, орнаментированная так называемым ложным шнуром... «липчинского типа»» [3, с. 194]. По В. М. Раушенбах, «когда отдельные вдавления лопаточки отстоят на некотором расстоянии друг от друга... они производят впечатление... псевдоверевочного» [25, с. 10]. По В. Ф. Старкову, липчинский орнамент — «это поздняя разновидность приема «отступающей палочки», когда узоры наносились не всей шириной инструмента, а под очень острым углом» [28, с. 98, рис. 1—4; 29, с. 149]. По М. Ф. Косареву, на липчинской керамике «псевдошнуровой орнамент... выполнялся техникой отступающей насечки, ряды которой образовывали линии, напоминающие отпечатки шнура» [16, с. 37]. По Н. П. Кипарисовой, орнаменты «псевдоверевочный» и «ложная гребенка» — рисунок из штрихов, нанесенных палочкой [14, с. 8; р. 1—10, 11]. По Р. С. Габяшеву, «узор в виде ложногребенчатых и ложноверевочных оттисков» — это «наколы квадратной и овальной палочкой» [6, с. 44].

VI. *Шагание с прокатыванием* выполнялось торцами обломков трубчатых костей (рис. 6: VI).

По В. Н. Чернецову, М. Ф. Косареву — «гладкая качалка» [33, с. 38; 16, с. 69]; по А. Ф. Мельничуку, Л. В. Пономаревой, «качалка» — это «прочерченный «шагающий узор»» [20, с. 45].

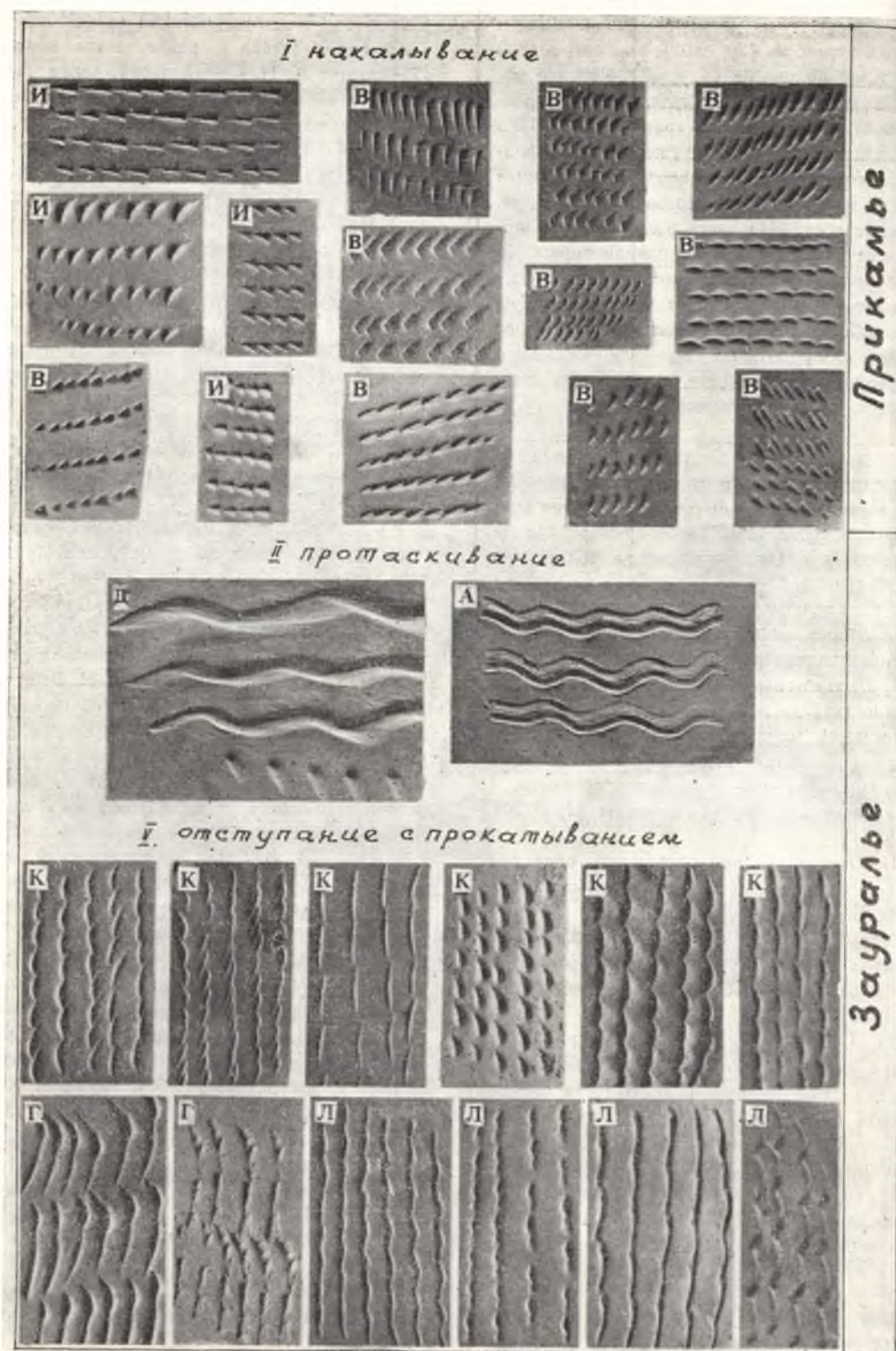

Рис. 5. Орнаменты, выполненные незубчатыми орудиями

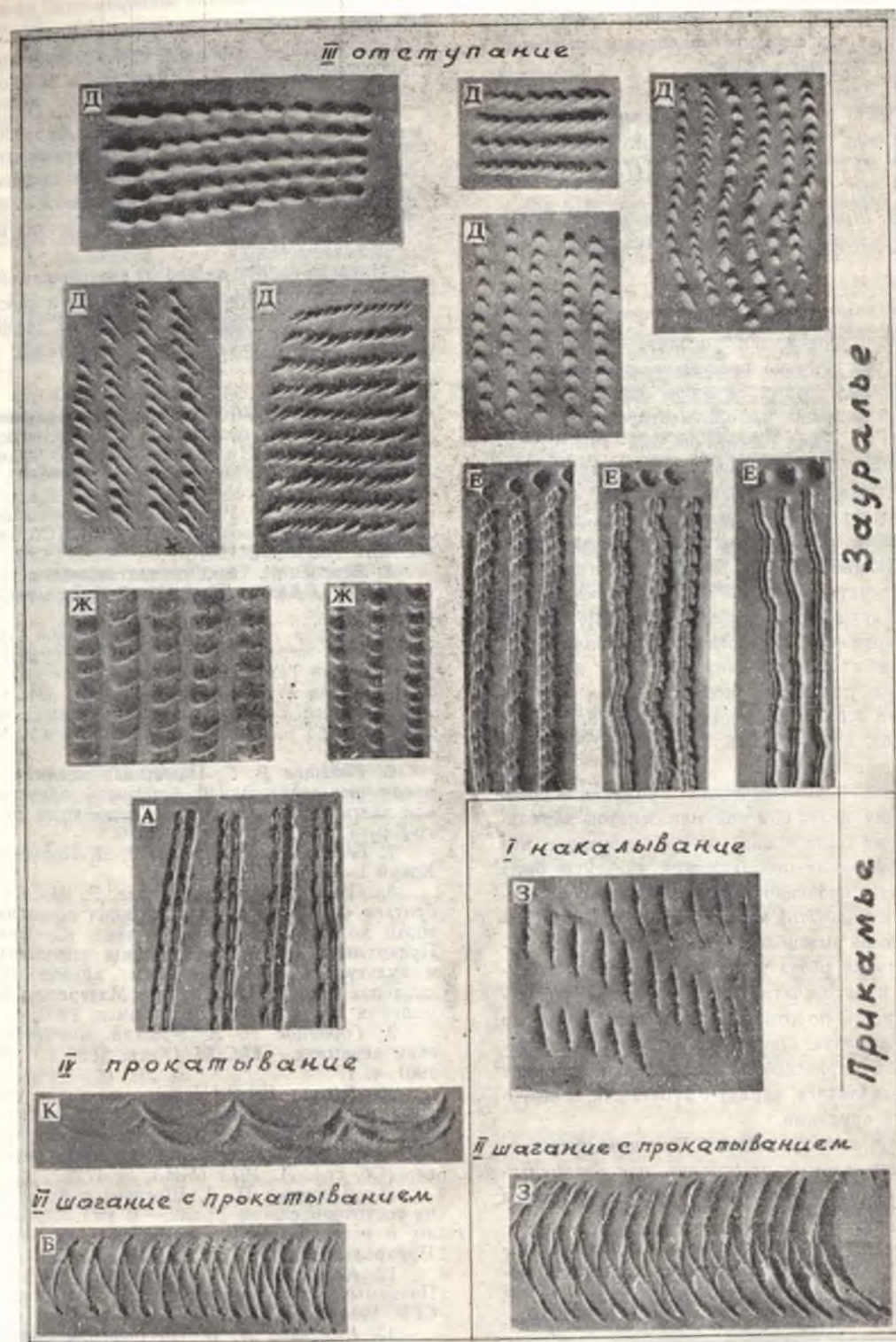

Рис. 6. Орнаменты, выполненные незубчатыми орудиями

Кроме рассмотренных костяных, в качестве орнаментов использовались створки раковины *Unio*. Орнамент наносился следующими способами (рис. 6).

1. *Накальвание* (рис. 6: I).

По А. Х. Халикову, прочерченные короткие линии [30, с. 52]; по Л. Я. Крижевской, И. В. Калининой — насечки [17, с. 108; 13, с. 24—30].

II. *Шагание с прокатыванием* (рис. 6: II). Соответствует орнаменту «качалка».

На протяжении неолита—энеолита в уральском регионе прослеживается локализация рассмотренных способов орнаментации и соответствующих им орнаментов.

На камской неолитической гребенчатой керамике орнамент наносился штампованием, прокатыванием, шаганием, шаганием с прокатыванием (реже). Использовались зубчатые штампы из уплощенных галек, сланцевых плиток. По мнению О. Н. Бадера, «судя по четкости отпечатков штампы делались из камня или кости, вряд ли из дерева» [1, с. 20]. Однако на основании технологического анализа мы пришли к выводу, что костяные зубчатые штампы получают распространение в Прикамье и в более северных районах [5, рис. 17: 14, табл. VIII: 4, XI: 6, 8, 10, XII: 2, 6] позднее — с эпохи металла.

Иной технологической традиции — орнаментация волго-камской накольчатой керамики. Нами было высказано предположение, что трансформация неолитической культуры была связана с проникновением в Прикамье населения с накольчатой керамикой [12, с. 33—35] — как теперь выяснилось, использующего для орнаментации рёбра и трубчатые кости. Гребенчатая и накольчатая керамика сохраняют самобытность по отношению друг к другу до конца неолита. Однако на энеолитической керамике — гаринской и флажковой — орнамент уже выполнялся, наряду с зубчатыми, и незубчатыми орудиями.

Еще одну традицию в Прикамье представляет керамика «с насечками», при орнаментации которой применялись створки раковины *Unio* [13, с. 24—30].

В Зауралье разные по орнаментам группы керамики рассматриваются как этапы восточноуральской неолитической культуры. В технологии орнаментации зауральской керамики определены не все разновидности зубчатых орнаментов. Для некоторых применявшихся здесь способов орнаментации (протаскивание, шагание с протаскиванием, отступление) эффективны штампы только из твердых пород

камня или, как показали эксперименты, из кости. Между тем на поселении Юрьино IV найден малоприспособленный керамический штамп. Дальнейшего изучения требуют и гладкие орнаменты.

В Зауралье, как и в Прикамье, выявлены сосуды, орнаментированные верхней челюстью мелких хищников. Более детальное заключение о видовом составе животных возможно будет лишь после определения всего состава использованных костей.

Начатая работа далека от завершения. Но и сейчас уже несомненно, что орудия и способы орнаментации являются одним из дифференцирующих этнокультурных показателей.

1. *Бадер О. Н.* Стоянки Нижнеиздешевская и Боровое озеро I на р. Чусовой.— В кн.: Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. М., 1951, т. 3 (МИА, № 22).

2. *Бадер О. Н.* Уральский неолит.— В кн.: Каменный век на территории СССР. [Сб. ст.] М., 1970 (МИА, № 166).

3. *Берс Е. М.* Позднеэнеолитическое погребение на р. Аять в Среднем Зауралье.— СА, 1976, № 4.

4. *Брюсов А. Я.* Предки народов Зауралья.— В кн.: По следам древних культур: От Волги до Тихого океана. М., 1954.

5. *Буров Г. М.* Древний Синдор. (Из истории племен Европ. Сев.-Востока в VII тысячелетии до н. э.— I тысячелетии н. э.). М., 1967.

6. *Габяшев Р. С.* Памятники неолита с накольчато-прочерченной керамикой приустьевой части Камы.— В кн.: Из археологии Волго-Камья. [Сб. ст.] Казань, 1976.

7. *Генинг В. Ф., Голдина Р. Д.* Поселение Кокуй I.— ВАУ, 1969, вып. 8.

8. *Генинг В. Ф., Гусенцова Т. М., Кондратьев О. М. и др.* Периодизация поселений эпохи неолита и бронзового века Среднего Прииртышья.— В кн.: Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Зап. Сибири. Материалы совещания 25—31 мая 1970 г. Томск, 1970.

9. *Городцов В. А.* Русская доисторическая керамика.— ТАС-XI (Киев, 1899 г.). М., 1901, т. 1.

10. *Гурина Н. Н.* Некоторые общие вопросы изучения неолита.— В кн.: Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны европейской части СССР в эпоху неолита. [Сб. ст.]. Л., 1973 (МИА, № 172).

11. *Дмитриев П. А.* Шигирская культура на восточном склоне Урала.— В кн.: Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. М., 1951, т. 2 (МИА, № 21).

12. *Калинина И. В.* О сосуществовании в Прикамье двух неолитических культур.— СГЭ, 1984, [вып.] 49.

13. *Калинина И. В.* Позднеэнеолитическая керамика I Саузовского поселения.— АСГЭ, 1984, [вып.] 25.

14. *Кипарисова Н. П.* О культурах лесного Зауралья.— СА, 1960, № 2.

15. *Ковалева В. Т., Устинова Е. А., Хлобыстин Л. П.* Неолитическое поселение Сум-

панья IV в бассейне Конды.— ВАУ, 1984, вып. 17.

16. *Косарев М. Ф.* Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М., 1974.

17. *Крижевская Л. Я.* Неолитические поселения на северо-востоке Башкирии.— СА, 1962, № 2.

18. *Матюшин Г. Н.* Стоянка Мурат на оз. Узгун-Куль.— СА, 1965, № 1.

19. *Матющенко П. И.* Неолитическая стоянка у д. Ново-Кусково на Чулыме.— В кн.: Вопросы археологии и этнографии Западной Сибири. Томск, 1966 (УЗ ТГУ, № 60).

20. *Мельничук А. Ф., Пономарева Л. В.* Неолитическая стоянка Чашкинское озеро VI.— В кн.: Проблемы изучения каменного века Волго-Камья. [Сб. ст.] Ижевск, 1984.

21. *Молодин В. И.* Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск, 1977.

22. *Окладников А. П.* Верхоянский могильник — памятник народов Сибири. Новосибирск, 1978.

23. *Окладников А. П.* К изучению неолита Восточного Приуралья в Западной Сибири.— В кн.: Первое Уральское археологическое совещание, Молотов, 1947 г.: Автореф., тез. докл. и общие постановления. Молотов, 1948.

24. *Раушенбах В. М.* К вопросу о датировке новых памятников эпохи неолита и бронзы в Среднем Зауралье.— АЭБ, 1964, т. 2.

25. *Раушенбах В. М.* Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы. М., 1956 (ТГИМ, вып. 29).

26. *Сальников К. В.* Древнейшие памятники истории Урала. Свердловск, 1952.

27. *Сальников К. В.* Южный Урал в эпоху неолита и ранней бронзы.— АЭБ, 1962, т. 1.

28. *Старков В. Ф.* Кошкарво I — многослойный памятник неолита и бронзы в Среднем Зауралье.— СА, 1970, № 1.

29. *Старков В. Ф.* Мезолит и неолит лесного Зауралья. М., 1980.

30. *Халиков А. Х.* Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969.

31. *Чернецов В. Н.* К вопросу о месте и времени формирования финно-угорской этнической группы.— Тез. докл. и выступлений сотр. ИИМК, подготовл. к Совещанию по методологии этногенетич. исследований. М., 1951.

32. *Чернецов В. Н.* К вопросу о сложении уральского неолита.— В кн.: История, археология и этнография Средней Азии. [Сб. ст.] К 60-летию со дня рождения С. П. Толстова. М., 1968.

33. *Чернецов В. Н. и др.* Древняя история Нижнего Приобья. М., 1953 (МИА, № 35).

34. *Эдинг Д. Н.* Горбуновский торфяник: Предвар. очерк археол. работ 1926—28 гг.— МИТО, 1929, вып. 3, полумтом 1.

Г. И. СМЕРНОВА

ПАМЯТНИКИ ТИПА КИШИНЕВ—КОРЛАТЭНЬ В ДНЕСТРО-СИРЕТСКОМ МЕЖДУРЕЧЬЕ И ГРУППА БЕЛЕГИШ II В ЮГОСЛАВСКОМ ПОДУНАВЬЕ

Фракийский гальштат на юго-западе СССР представлен двумя родственными группами памятников, одна из которых, называемая ныне Гава—Голиграды, локализуется в западных областях УССР; другая, известная под названием Кишинев—Корлатэнь,—в лесостепной зоне Молдавии (рис. 1). Памятники последней стали известны только в послевоенные годы, когда начались планомерные археологические исследования как на территории МССР, так и в сопредельных областях Румынии (Молдова). В отдельную локальную группу в рамках культуры фракийского гальштата их выделила А. И. Мелюкова, впервые обратившая внимание на отличия молдавского керамического комплекса от голиградского.

Вначале эту группу обозначали «тип Кишинев—Лукашевка» или «кишиневский тип» для МССР и «группа типа Корлатэнь» для румынской Молдовы. Ныне большинство исследователей широко пользуется объединяющим термином «группа Кишинев—Корлатэнь», в то время как Б. Хенсель называет их «группой каннелированной керамики Молдовы».

Круг особенностей керамики кишиневских памятников по сравнению с голиградскими был определен еще в начале 60-х годов [10, с. 40]. Он сводился к следующему: отсутствие характерного для голиградской керамики приема оформления края сосудов в виде фестонов или лепестков, широкое применение в группе Кишинев чарок с полусферическим туловом, с умбоном на дне и с высокой петельчатой ручкой, фактически неизвестных в голиградском керамическом комплексе, а также некоторые отличия в орнаментации и в приемах обработки поверхности кухонной посуды.

В дальнейшем, по мере более углубленного изучения характерных признаков голиградской и кишиневской керамики, круг этих осо-

бенностей был несколько расширен В. Л. Лапушняном [4, с. 123]. Он дополнил их перечень за счет следующих признаков — отсутствие в составе кишиневского керамического комплекса таких видов тонкостенной голиградской посуды, как чаши-вазы с выступающими плечиками и прямой шейкой, вазочки на полой ножке и корчаги разных типов, и таких приемов орнаментации, как волнистый узор, нанесенный гребенчатым штампом, и волнистые каннелюры. Характерные для ранней гаво-голиградской керамики следы расчесов на поверхности сосудов также не встречаются на кишиневской посуде.

Перечисляя особенности керамики кишиневской группы, В. Л. Лапушнян упустил еще одну существенную черту, на которую обращали внимание другие исследователи [34, S. 96]. Имеется в виду такая специфическая особенность кишиневско-корлатэньских корчаг, как парное расположение выступов-упоров в вертикальной плоскости на выступающей верхней части тулова. Правда, и этим дополнением перечень отличий между голиградской и кишиневской керамикой нельзя закрыть. Но прежде чем его продолжить и внести некоторые уточнения, считаем целесообразным дать характеристику состава и основных особенностей керамического комплекса группы Кишинев—Корлатэнь, используя все накопленные на сегодняшний день источники.

Возможности исчерпывающей характеристики по-прежнему ограничены из-за фрагментарности найденного преимущественно на поселениях материала. Как известно, могильники этой группы, где в основном и встречены целые сосуды, единичны и к тому же малочисленны по количеству открытых в них погребений [29, p. 734—736, fig. 3; 5, с. 101—104, рис. 6, 7; 42, p. 122]. Все это естественно за-

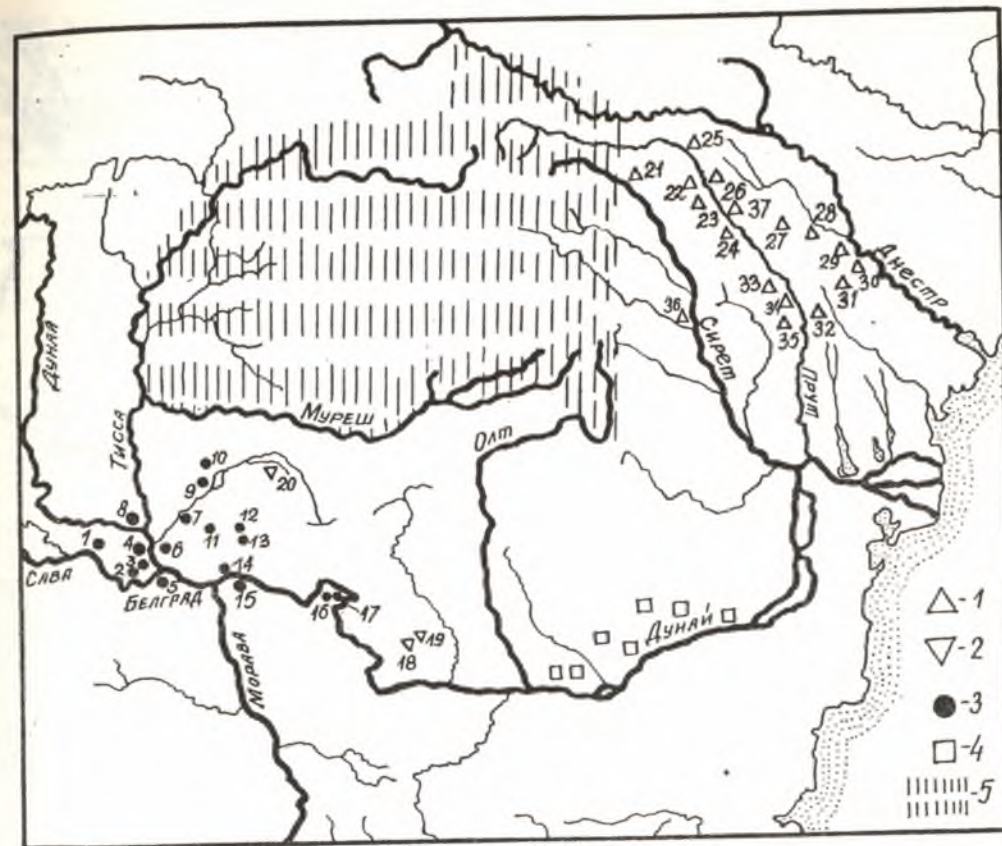

Рис. 1. Карта распространения памятников белегишского круга

1 — группа памятников типа Кишинев—Корлатэнь; 2 — памятники типа Выртоп—Плопшор; 3 — группа Белегиш II; 4 — памятники Мунтении; 5 — гаво-голиградская культурная общность
1 — Гомолава; 2 — Яково — Экономика Сава, 3 — Сурци, 4 — Белегиш, 5 — Белгард—Карабурма, 6 — Панчево—Рафнерия, 7 — Опово—Белы Брег, 8 — Попов Салаш, 9 — Кручени, 10 — Бобла, 11 — Иландза, 12 — Ваттина, 13 — Вршен, 14 — Дубовац, 15 — Жито Брдо, 16 — Мала Врбница, 17 — Ваюга, 18 — Выртоп, 19 — Плопшор, 20 — Суслани, 21 — Корлатэнь, 22 — Трушешти, 23 — Андриешени, 24 — Кукорень, 25 — Тринка (Изворуллу Лука), 26 — Ни, 27 — Мыдрешты, 28 — Лукашевка, 29 — Загайканы, 30 — Балабанешты, 31 — Кишинев, 32 — Ханск Варатик, 33 — Трифешти, 34 — Данешти, 35 — Заподени, 36 — Пръвешти, 37 — Костешты VII

трудняет выделение всех типов и форм посуды, входящих в состав керамического набора группы Кишинев—Корлатэнь.

Объединяя характеристики керамического комплекса, данные в 70-е годы Б. Хенселем для группы каннелированной керамики Молдовы, и А. И. Мелюковой, а затем В. Л. Лапушняну для кишиневского этапа культур фракийского гальштата лесостепной Молдавии [8, с. 137, рис. 5; 10, с. 37—40, рис. 15—16; 28, S. 109, Taf. 41, 42, IV; 4, с. 62—76, табл. 11а, б, в] и дополняя их за счет неиспользованных этими исследователями материалов и новых находок [2, с. 82—84, рис. 25, 26; 6, с. 58—64, рис. 2, 3; 13, с. 77—87, рис. 2—9], попытаемся дать общее представление о керамике типа Кишинев—Корлатэнь.

Набор лощеной столовой посуды традиционен: это корчаги, черпаки, миски, кубки или

кубки-чаши. Для основной разновидности корчаг характерно высокое коническое горло с широким воротничкообразным венчиком и округлое или биконическое сравнительно низкое тулово. Они представлены рядом вариантов, различающихся профилировкой корпуса — мягкой, плавной у одних, и резко очерченной за счет биконического тулова и четких граней между отдельными частями сосуда у других (рис. 2: 6, 8, 10, 17, 18). Их специфической особенностью является парное расположение выступов-упоров в вертикальной плоскости на выступающей верхней части корпуса (рис. 2: 17, 18). При этом горло украшалось горизонтальными, а верхняя часть тулова косыми, реже вертикальными каннелюрами, а иногда гирляндами из каннелюр (рис. 2: 6, 8, 10, 17, 18). Некоторые сосуды этого вида лишены выступов-упоров, но на них нередко сохранялась орна-

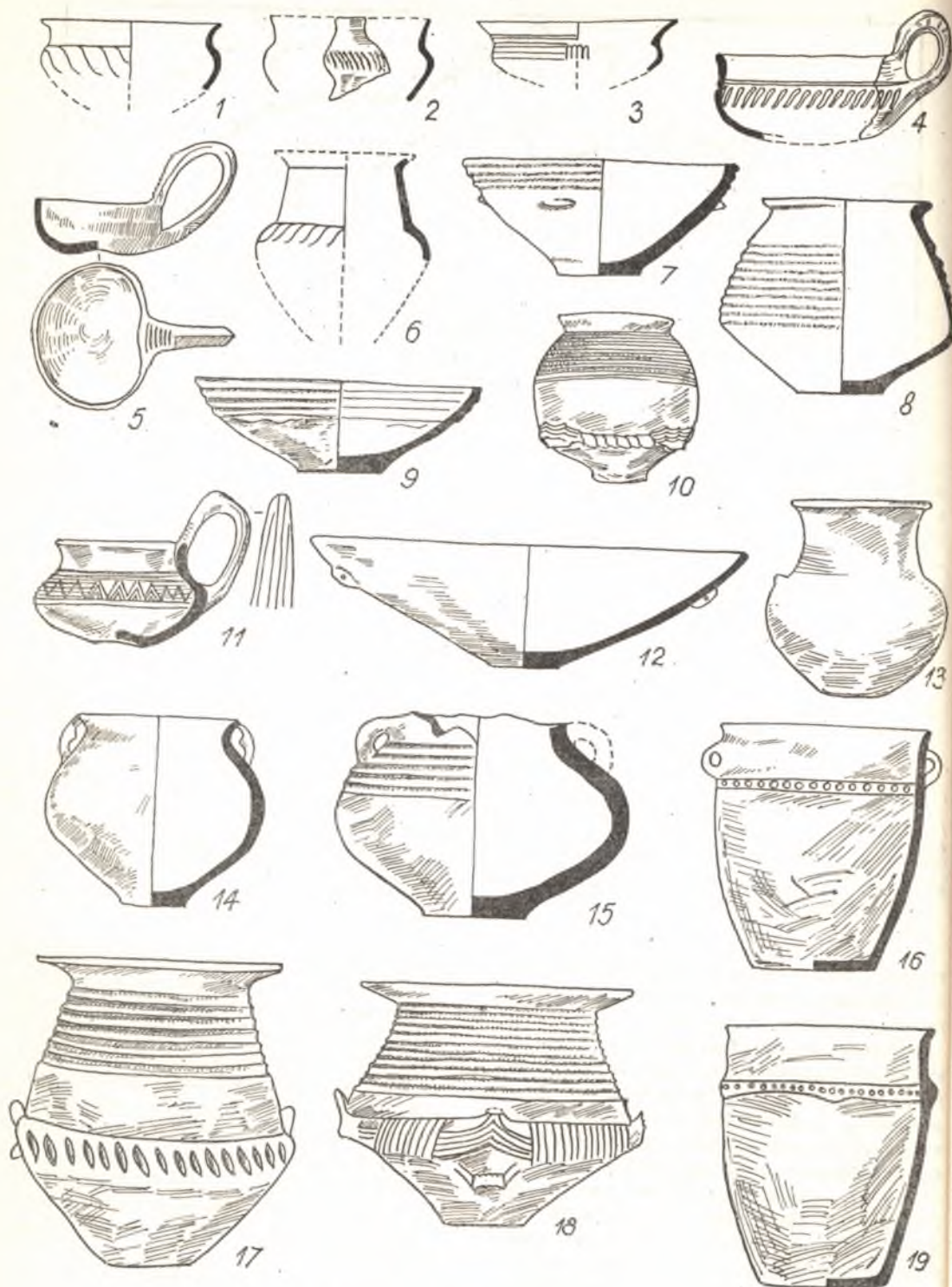

Рис. 2. Керамика группы Кишинев—Корлатэнь

ментация в виде косых каннелюр только на тулове или в виде горизонтальных каннелюр только на горле (рис. 2: 6, 8).

Другая разновидность корчаг — сосуды с цилиндрическим, точнее, с близким к цилиндрическому профилем горла, вероятно, также присутствовали в этом наборе.

Совсем малочисленную группу образуют корчаги, имеющие сравнительно короткую шейку, иногда с отогнутым краем, и округло-биконическое тулово. Они снабжены петлевидными ручками, соединяющими плечики с горлом, и украшены по плечикам горизонтальными рядами каннелюр (рис. 2: 14, 15).

Пожалуй, сейчас ничего другого о разновидностях корчаг данной группы нельзя сказать. Подчеркнем лишь, что для внутренней поверхности кишиневских корчаг красно-оранжевый цвет почти не характерен в отличие от соответствующего вида посуды в культуре Гава—Голиграды [16, с. 22].

Среди черпаков преобладают изящные сосуды с низкой полусферической чашечкой, снабженной петлевидной ручкой (рис. 2: 5). Узкое днище часто имеет вид вогнутого умбона. У этих сосудов, как правило, орнаментировалась только ручка: поясом из горизонтальных каннелюр у основания, нередко сочетающихся с узором из косых или продольных каннелюр на остальной части ручки.

Кроме этой формы, специфичной для группы Кишинев—Корлатэнь, известны черпаки другого профиля. Они имеют глубокую чашечку с выделенным венчиком и выступающим округлым туловом. Ручка у одних из них высокая, орнаментирована каннелюрами так же, как на черпаках первого типа (рис. 2: 11). Ручка других менее высокая и без декора. У черпаков с гладкой ручкой украшалось тулово — вертикальные или косые каннелюры на плечиках (рис. 2: 4) [4, рис. 20; 13, рис. 3: 2—4; 9: 2].

В целом обе разновидности черпаков со всеми их характерными особенностями не известны в голиградском керамическом наборе.

Следующая категория керамики представлена мисками, наиболее многочисленными среди столовой посуды. Ведущей разновидностью является миска округлоконической или пиалобразной формы, со слегка загнутым внутрь краем. Для группы Кишинев—Корлатэнь весьма специфична не форма этих мисок, а характер их декора. Многие из них украшены поясом горизонтальных каннелюр, нанесенных на внешнюю верхнюю часть сосуда. Этот орнаментальный мотив нередко сочетался с округло-коническими шишечками-упорами, размещенными чуть ниже пояса из каннелюр (рис. 2: 7, 9, 12) [10, с. 37—39, рис. 15: 18, 19,

22—23, 28; 42, рис. 2: 1, 3, 4, 6; 28, S. 109, Taf. 41: 1, 2, 3, 8; IV: 5—7, 9, 10; 4, с. 73, рис. 21, табл. 11а: 28—30].

Особую подгруппу конических мисок с ровным или косо срезанным краем образуют своеобразные сосуды с прямыми стенками, украшенными как внутри, так и снаружи рядами горизонтальных каннелюр, сочетающихся с наружной стороны с выступами-ушками [10, с. 37, рис. 15: 29—31].

Другая категория мисок, малочисленная и известная только по фрагментам, представлена сосудами с округло-коническим корпусом и широким отогнутым наружу краем. Для них характерен декор в виде вертикальных каннелюр, нанесенных на внутреннюю поверхность сосуда, или в виде горизонтальных и косых каннелюр на внешней стороне сосуда (рис. 2: 1, 3) [28, S. 109, Taf. IV: 11, 12; 4, с. 76, рис. 22: 1].

Последнюю группу тонкостенной лощеной посуды образуют разнообразие кубки-чашки [11, рис. 2: 1, 2, 8; 42, рис. 3: 1, 3; 28, S. 109, Taf. IV: 3, 4]. Одни из них сближаются по форме с вышеописанными черпаками, имеющими высокий венчик с отогнутым краем и округлое тулово. Среди них встречаются кубки, декорированные по тулову косыми каннелюрами, а иногда — глубоко прочерченным узором (рис. 2: 2). Другие имеют округло-биконическую форму и прямой венчик, слегка наклоненный внутрь. Выше выпуклой части тулова размещались петельчатые ручки-ушки [42, Fig. 3: 1].

О характерных формах и признаках посуды кухонного назначения можно судить в основном по ее фрагментам. Судя по всему, бытовал один вид кухонного горшка с прямыми стенками и краем венчика, без выделенной шейки и тулова. Различаются сосуды с вертикально поставленным краем и со слегка разведенными наружу краями [2, рис. 26: 8, 15—17]. Эта форма горшка повторяется во всех раннегалльских культурах с каннелированной керамикой, включая культуру Гава—Голиграды (рис. 2: 16, 19).

Что касается некоторых приемов обработки поверхности кухонных сосудов и их орнаментации, точнее, соотношения отдельных видов орнамента, то наблюдаются определенные отличия от гава-голиградского керамического комплекса. Так, поверхность кухонных сосудов обычно шероховатая, а в некоторых случаях носит следы глубокого вертикального заглаживания пальцами, изредка принимающего вид широких мелких каннелюр [10, с. 39, рис. 16: 12; 4, с. 66]. Такой прием обработки поверхности не характерен для керамики типа Гава—Голиграды. Господствующим видом декора

горшков кишиневского круга являлся валик, расчлененный пальцевыми вдавлениями или зашипами. Место расположения валичкового налета на посуде разное, но преобладают валички, размещенные на несколько сантиметров ниже края венчика [2, рис. 26; 8, 15—17; 10, с. 39, рис. 16; 15, 18; 4, с. 66—67, табл. II а: 1, 2; 6, рис. 3: 22—29; 13, рис. 2: 4, 5: 2]. Кроме того, на горшках встречаются выступы-упоры, расположенные либо на корпусе, либо под венчиком, или включенные в линию налета. Известны также петлевидные ручки, прикрепленные под краем.

Из данной характеристики кишиневской группы, проводившейся сравнительно с голиградской, явствует, что перечень различий между посудой этих групп шире перечисленных в свое время А. И. Мелюковой и позже дополненных В. Л. Лапушиным.

В первую очередь, отличия выступают в бытовании разных по типу черпаков (рис. 2: 4, 5, 11 ср.) [16, рис. 3: 10, 11, 18, 28] и в отсутствии в кишиневской группе некоторых видов посуды, которые присущи голиградскому набору, и наоборот. Например, среди кишиневской посуды нет широко раскрытых конических мисок и глубоких чаш с цилиндрической шейкой, края которых оформлялись в виде четырех—пяти лепестков (лопастей) [16, рис. 2: 5, 6, 9, 13, 19]. В свою очередь, в голиградском комплексе не известны кубки и конические миски, украшенные внутри или снаружи рядами горизонтальных каннелюр и имеющие выступы-ушки (рис. 2: 7, 9). Различия наблюдаются в орнаментации столовой и кухонной посуды, а также в характере размещения выступов-упоров. Так, на кишиневских конических мисках явно преобладает декор в виде полосы из горизонтальных каннелюр с внешней стороны (рис. 2: 7, 9). В голиградском наборе господствуют конические миски с косыми каннелюрами по краю, а декорировка мисок горизонтальными рядами каннелюр не известна [16, рис. 2: 8, 23, 3: 8, 25]. Далее, для кишиневских кухонных горшков господствующим является валичковый декор (рис. 2: 16, 19). На голиградских горшках валик появляется поздно [16, с. 28—29, рис. 3: 2]. При этом на протяжении всего периода существования голиградских памятников выступы-упоры преобладают над валичком.

О парном размещении упоров в вертикальной плоскости на тулове кишиневских корчаг уже говорилось, поэтому ограничимся констатацией, что такая группировка выступов голиградским сосудам не свойственна.

И наконец, несколько бросающихся в глаза различий технологического порядка. Речь идет о своеобразном оранжево-красном цвете

внутренней поверхности голиградских корчаг и о наличии следов расчесов на наружной стороне лощеной посуды и горшков кухонного назначения. То и другое менее свойственно кишиневской керамике. Для нее более характерно равномерное заглаживание пальцами наружной поверхности кухонных горшков.

Фиксируя различия в керамическом материале, отметим, что по другим категориям вещевого инвентаря и украшений специфику проследить довольно трудно. Вместе с тем необходимо констатировать единство погребального обряда у носителей культур Гава—Голиграда и Кишинев—Корлатэнь. Общим для них является кремация умерших, последующее захоронение остатков кремации в урнах и грунтовый характер могильников. Другими словами, кладбища этих двух групп населения — типичные поля погребальных урн, широко известные в эпоху раннего гальштата в зоне Карпато-Подоунавья [3, с. 52—71, 115—131].

Итак, несходство сравниваемых групп памятников проявляется главным образом в керамике. Возникает вопрос: что же обусловило это несходство? С нашей точки зрения, основные причины, вызвавшие его, кроются в генезисе этих раннегальштатских групп, появившихся в Прикарпатье и в Днестро-Сиретском междуречье на месте расселения носителей культуры Ноа из разных областей Карпато-Подоунавья, где по особенностям керамической продукции выделяется несколько вариантов культуры полей погребальных урн.

Пришлый характер обоих вариантов культуры фракийского (каннелированного) гальштата в рассматриваемом регионе не вызывает сомнений ни у кого из специалистов [8, с. 137—140; 10, с. 40, 46; 11, с. 62; 15, с. 63—66; 19, с. 116, 117; 39, с. 1—8; 16, с. 18—32]. Но если для населения голиградской группы нами конкретно называлась первоначальная область их расселения — Верхнее Потисье, то для кишиневско-корлатэньских племен вопрос об их прародине до недавнего времени оставался открытым. В 60-х годах, занимаясь проблемой происхождения голиградских памятников, мы высказали предположение о возможной прародине кишиневской группы. По нашему мнению, она должна находиться юго-восточнее области формирования культуры Гава, т. е. южнее верхнетисского региона, охватывающего северо-восток Венгрии и прилегающие районы Северо-Западной Румынии [18, с. 29—30].

В 70-е и в начале 80-х годов в трудах советских ученых, в той или иной мере касавшихся памятников кишиневского типа, вопрос о родине их предков не получил развития.

В. Л. Лапушиным ограничился лишь ссылкой на неконкретное высказывание Г. И. Смирновой относительно возможной области расселения родоначальников этой группы [4, с. 122, 123]. Не уточняя эту область и А. И. Мелюкова [9, с. 59; 12, с. 17; 7, с. 226].

Б. Хенсель, обобщивший первым все накопленные материалы по группе каннелированной керамики в румынской Молдове, также не затрагивал вопроса путей ее формирования. Из его отдельных высказываний вытекает, что на широкой равнине Молдовы эта группа сформировалась на месте культуры Ноа под западным влиянием культур каннелированной керамики конца бронзового века [28, S. 113].

Определенный прогресс в изучении проблемы происхождения группы Кишинев—Корлатэнь намечился в работах А. Ласло [34, S. 93—96; 33, p. 181—187]. В поисках прародины памятников каннелированного гальштата в Молдове, четко разделенных им на две группы (Гава—Голиграда и Корлатэнь), он также пришел к заключению, что область их формирования находилась за пределами территории, занятой культурой Ноа [34, S. 92, 93]. Не предлагая окончательного решения вопроса об истоках памятников типа Кишинев—Корлатэнь, к его разгадке он подошел значительно ближе, чем другие исследователи. Рассматривая керамические материалы этой группы, он впервые выделил специфичный для нее тип биконических корчаг, горло которых украшено горизонтальными каннелюрами, а плечики — косыми каннелюрами, сочетающимися с двумя рядами выступов-упоров. Сославшись на работы С. Фолтини, где дана сводка урн типа псевдовилланова из Восточной Венгрии и югославского Подоунавья, четко разделенных на две группы — Гава и Печика (поздняя фаза), А. Ласло приводит прямые аналогии выделенным корчагам с парными выступами в группе Печика — поздняя Ваттина. По Ласло, это культуры поздняя Ваттина и Дубовац, распространенные в Воеводине, Славонии, на севере Сербии и в прилегающих к названным областям Югославии районах Юго-Восточной Венгрии и румынского Баната [34, S. 96] (рис. 1).

Вслед за А. Ласло поиски корней керамики типа Кишинев—Корлатэнь были продолжены нами в 1980 г. во время знакомства с раннегальштатскими коллекциями в музеях Белграда, Вршаца, Панчево. В 1985 г. мы впервые высказались относительно генетической близости группы Кишинев—Корлатэнь с памятниками типа Сурчин—Белегиш—Дубовац в югославской части Подоунавья, конкретизировав тем самым наше прежнее предположение о прародине этой группы [17, с. 47]. Тогда

нам пришлось сослаться на некоторые еще не изданные материалы из новых раскопок некрополей в области югославского Баната (восточная часть Воеводины) и Северо-Восточной Сербии. В настоящее время вернуться к этому вопросу более углубленно позволяют появившиеся публикации новых комплексов и находок. Благодаря им круг аналогов кишиневской керамике можно расширить за счет других видов посуды, ранее вообще не привлекавшихся исследователями для сравнения.

Но прежде чем перейти к параллелям кишиневским керамическим материалам, дадим общее представление о группе Сурчин—Белегиш—Дубовац.

Раннегальштатская группа каннелированной керамики, названная Сурчин—Белегиш—Дубовац, была выделена в 60-е годы после систематических исследований плоского некрополя в окрестностях Белегиша [24, с. 163; 23, с. 15; 44, S. 85—88]. Все урновые могильники типа Белегиш (например, Сурчин, Карабурма II и др.) представляют собой непрерывно действовавшие кладбища от эпохи средней бронзы до раннего гальштата включительно [24, с. 163—180; 46, s. 220; 43, s. 9—108]. Группу Сурчин—Белегиш—Дубовац составляют погребения с каннелированной керамикой, характеризующие позднюю фазу функционирования названных некрополей. Эта заключительная фаза определяется полной сменой урн с углубленным, нередко инкрустированным узором на урны, украшенные каннелюрами. При этом на материалах каждого из перечисленных некрополей четко прослеживается прямая эволюция формы урн и отдельных элементов их пластического «декора» (к примеру, переход от выступов и трубчатых ручек, размещенных в два ряда, к парнорасположенным выступам-упорам; промежуточная стадия между ними — ложные трубчатые ручки).

Продолжение и дальнейшее развитие местных традиций в группе Сурчин—Белегиш не исключает однако участие в ее формировании культур пришлых. По мнению Н. Тасича, в генезисе памятников типа Сурчин—Белегиш приняли участие местные культуры (Ваттина—Дубовац—Жуто Брдо), с одной стороны, и соседние, точнее, продвинувшиеся сюда с севера носители культуры полей погребальных урн, с другой [41, S. 110—113].

Таким образом, раннегальштатская группа каннелированной керамики в югославском Подоунавье (иначе Сурчин—Белегиш—Дубовац) соответствует поздней фазе одноименных некрополей, которые в своей ранней фазе входят в круг культур Ваттина—Дубовац—Жуто Брдо. Поэтому не случайно и вполне правомерно, что, кроме понятия «тип Сурчин—

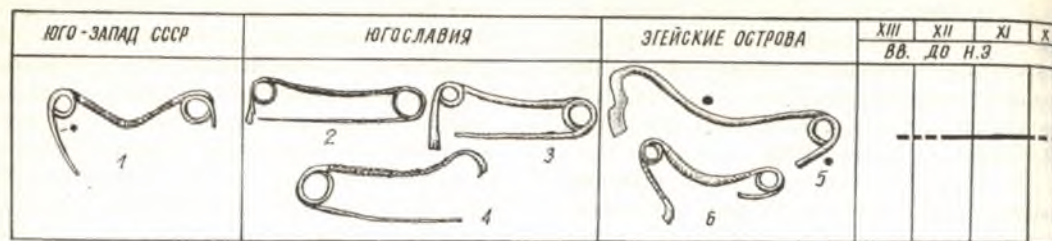

Рис. 3. Фибулы (сравнительная таблица; масштаб разный)
1 — Лукашевка; 2, 4 — Мала Врбица; 3 — Ваюга—Песак; 5 — Кавуси; 6 — Кидония

Белегиш—Дубовац», исследователи применяли для их обозначения термин «поздние Ваттина—Дубовац».

Этими названиями не исчерпывается перечень наименований рассматриваемого круга памятников. Например, имея в виду богатый набор посуды из грунтового некрополя Кручень в румынской части Баната, идентичной керамическим материалам из Северной Сербии, С. Моринц предлагает для обозначения этих памятников термин «культура Кручень—Белегиш» [37, р. 503; 36, р. 40—45]. Уточним, что в это понятие, по представлению С. Моринца, входят две фазы развития одной культуры, первая из которых характеризуется керамикой с врезной или имитирующей шнур орнаментацией, а вторая — каннелированным декором с пережитками орнаментальных приемов первой фазы. Отсылая читателя к соответствующей главе книги С. Моринца, где излагается история исследования культуры Кручень—Белегиш и дана характеристика этой группы, столь по-разному называемой, подчеркнем, что в нашей работе идет речь о круге памятников каннелированного гальштата [36, р. 40]. В последнее время группу памятников с каннелированной керамикой Н. Тасич предложил называть Белегиш II [21, с. 99, 156], что более точно отражает ее культурное соответствие поздней фазе развития таких долго действующих некрополей, как Сурчин, Белегиш, Дубовац, Карабурма II, Кручень и ряда других. Далее этим обозначением будем пользоваться и мы.

Кроме уриовых погребений с каннелированной керамикой, открытых в пределах некрополей, где преобладают захоронения культуры Ваттина—Дубовац, в последнее десятилетие открыты новые плоские могильники, не содержащие или почти не содержащие погребения досурчин-белегишского горизонта. Исследованы они Л. Буквичем в Воеводине (Опово—Белы Брег и Панчево—Рафинерия), а также А. Премк и М. Вукманович в Сербии — в районе Железных Ворот (Ваюга—Песак и Мала Врбица—Ливаде) [1, с. 43; 14, с. 111].

С нашей точки зрения, эти чистые могильники группы Белегиш II с определенной долей условности можно относить ко второй ступени развития этой группы.

Возраст группы Белегиш II из-за отсутствия выразительного металлического инвентаря в погребениях и его малочисленности окончательно не определен, вернее требуют уточнения ее рубежи. Обычно нижняя хронологическая граница определяется в пределах конца периода VrD — начала NaA₁, т. е. рубежом XIII—XII вв. до н. э. Верхний предел этих памятников, совпадающий, по данным К. Вински-Гаспарини, с экспансией в междуречье Савы, Дравы и Дуная культуры Вал из Задунавья и вытеснением отсюда группы Белегиш II, приходится на 2-ю половину XI в. до н. э. (1050—1000 гг.), т. е. на период перехода от ступени NaA к NaB [41, S. 113; 46, с. 22, 23, 199, 206, 207; 43, s. 148—156].

Для определения возраста рассматриваемой группы памятников играют большую роль находки смычковых фибул в закрытых комплексах, каковыми являются погребения в Ваюге и в Малой Врбице [1, с. 44, 45, сл. 1—3; 14, с. 112, сл. 99b]. Две двухспиральные застезки имеют слегка прогнутую спинку, притом дужка одной из них (погребение № 1 в Малой Врбице), как у лукашевской фибулы, украшена резным узором (рис. 3; 1—3). Третья фибула из погребения № 2 в Малой Врбице, по нашему мнению, повторяет схему двух первых, отличаясь от них тордированной дужкой. Конец дужки с приемником обломан, но, судя по ее изгибу, можно допускать наличие на месте слома второй петли (рис. 3: 4).

Нам уже приходилось заниматься хронологией этого типа смычковых фибул в связи с датировкой двухпетельчатой провололочной застезки с прогнутой спинкой из Лукашевского поселения, относящегося к группе Кишинев—Корлатэнь [17, с. 46, 47, рис. 5: 5]. Сопоставив лукашевскую фибулу с фибулами типа Ig, по Е. Салуна-Сакелларакис, характеризующимися асимметричной дужкой, мы определили основное время ее бытования серединой XII—XI в.

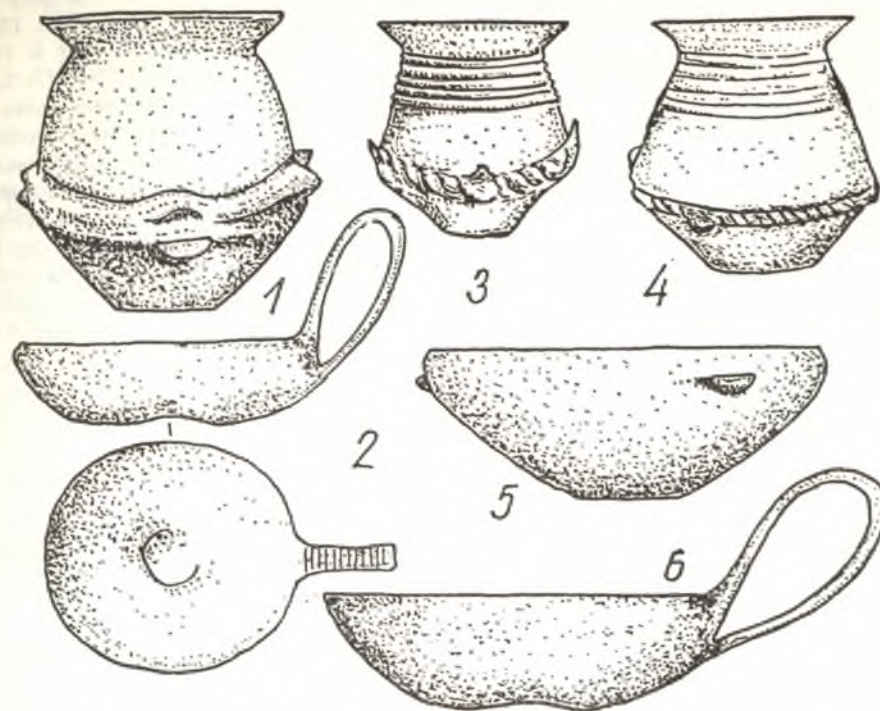

Рис. 4. Керамика группы Белегиш II (из погребений в Малой Врбице)

до н. э., подчеркнув, что позже X в. до н. э. застезки этого типа существовать не могли. Не так давно с удовлетворением узнали, что параллельно с нами к подобным сопоставлениям прибег Г. Коссака, пришедший к тем же выводам о времени провололочных фибул с вогнутой дужкой из поселений у ст. Змейская и Лукашевка [31, S. 99—102].

Вернуться к хронологии фибул этого типа побуждает работа М. Вукманович, посвященная вышеописанным застезкам из погребений возле Ваюги и Мала Врбица, которые она относит ко времени не ранее NaA₁ (точнее, около 1100 г.) и не позднее рубежа II—I тысячелетий до н. э., т. е. к XII—XI вв. до н. э. [1, с. 46, 47]. Напомним, что ранее одну из этих фибул (погребение № 1 в Ваюге) мы, вслед за Р. Васичем, ошибочно сопоставляли со смычковыми застезками из Велеснице (старое название Корбово) и Лукьяновки, характеризующимися дужкой, непараллельной ножке [45, S. 280, 281; 17, с. 45]. Исправляя ошибку в определении типа фибулы из погребения № 1 в Ваюге и относя ее к числу застезек со слегка прогнутой дужкой, напомним, что она найдена вместе с фрагментом бронзовой чаши, ручка которой завершается протомой быка [14, с. 112, сл. 99: 7]. По приведенным Р. Васичем аналогиям, датируется эта чаша перио-

дом NaA₂-B₁ [45, S. 280, 281]. Одним из ближайших аналогов ваюгской чаши, по данным как Р. Васича, так и М. Вукманович, является чаша из клада Алун, найденного на северо-востоке Сербии недалеко от Ваюги [20, с. 93—96, табл. XXX/2; 45, S. 280; 1, с. 45]. Возраст этого клада по типам входящих в него бронз определяется NaA₂-B₁, что и позволяет расширить хронологические рамки фибул со слабо-вогнутой дужкой из Ваюги и Малой Врбицы, а также близкой им застезки из Лукашевки на период NaB₁.

Может ли верхняя дата смычковых фибул с прогнутой дужкой служить основанием для продления возраста памятников типа Белегиш II в NaB₁, т. е. в X в. до н. э.? Нам представляется, что X в. для финала этих памятников в районе Железных Ворот полностью исключить нельзя. Об этом свидетельствует более развитый облик посуды из погребений в Ваюге и Малой Врбице, а также характер ее декора.

Керамика из некрополей типа Белегиш II довольно однообразна по ассортименту. Преобладают корчаги, иначе, как их часто называют, амфоры или урны, типа псевдовиллаюна, использовавшиеся обычно в качестве погребальных ури. Среди сосудов-приставок изредка встречаются другие виды посуды —

миски, чашки [24, с. 171—177, сл. 33, 34, 36, 37; 26, S. 49—71; 27, S. 348—355, fig. 6, 7; 46, S. 199, 200, tab. 5, 6: 5—8; 1, с. 45, 46, сл. 5, 6; 14, сл. 98: 3, 99: 1—5].

Прежде чем перейти к характеристике основных видов посуды, обратим внимание на один существенный признак корчаг, бросившийся в глаза при знакомстве с материалом могильников белегишского типа. Примечательно, что на многих урнах из некрополей Карабурма II, Опово—Белы Брег, Панчево—Рафинерия, Ваюга и Мала Врбица наблюдается сочетание черной лощеной наружной поверхности с оранжево-красной внутренней. Этим признаком, а также другими чертами технологического порядка (состав теста и большая массивность стенок) они отличаются от сероглиняных урн с углубленным и появляющимся каннелированным декором первой фазы могильников Сурчин—Белегиш—Карабурма II.

Среди самого массового вида посуды — урн типа псевдовилланова, на которых обычно и акцентируют внимание исследователи, известно несколько разновидностей. Одна из них, явно более ранняя, поскольку ее эволюция от амфор эпохи бронзы четко прослеживается в рамках одного могильника, характеризуется удлиненным цилиндрическим горлом с отогнутым краем и округлым туловом. Горло и край с внутренней стороны обычно украшены горизонтальными каннелюрами, а выступающая часть тулова вертикальными. На плечиках и по низу тулова имеются выступы-упоры (рис. 5: 1) [24, сл. 33, 37; 26, S. 57—69, Taf. 1/5; 2/3—4; 3/2—4; 25, с. 12, 13; 43, s. 126, 127, Grob 53, 109, 183, 217, 220].

В конце типологического ряда урн типа псевдовилланова в группе Белегиш II стоят сосуды округлобиконического профиля со сравнительно низким туловом. На горле сохраняется орнамент в виде горизонтальных каннелюр, а верхняя, наиболее широкая часть тулова на месте перехода в шейку украшена косыми каннелюрами. Выше и ниже пояса из косых каннелюр или непосредственно на поясе находятся четыре пары выступов-упоров, максимально сближенных друг с другом (рис. 5: 3, 4, рис. 4: 1, 3, 4) [26, Taf. IV: 4, 5, 7; 27, S. 350, 351, Fig. 7: 2—4; 43, s. 127, 128, Grob 3, 49, 108, 176, 185, 226; 1, с. 45, сл. 5, 6; 14, с. 112, сл. 98: 1, 4, 5; 21, сл. 60: а, б, в, г, табл. XXV: 5—7].

Между первым и последним типами урн занимают место различные их варианты переходного типа (рис. 4: 2). Нечетко цилиндрический профиль их горла становится близким к коническому, и одновременно переход шейки в тулово делается плавным, в результате чего

формируется последний в этом ряду тип урн округлобиконической формы [25, с. 13, табл. I: 4, 6, II: 5, 6; 27, S. 350—351, Fig. 6: 1—3, 5, 7; 1, 6; 43, s. 127—128, Grob 175, 177: 1, 2, 179]. Горло и отогнутый край венчика этих сосудов нередко украшались рядами горизонтальных каннелюр, а орнаментация на плечиках у одних из них состояла из вертикальных каннелюр, у других из косых. Что касается выступов-упоров, то они располагались на тулове в два ряда по краям пояса из каннелюр, при этом на некоторых экземплярах налицо тенденция к их сближению [21, табл. XXIV].

Кроме трех вышеописанных разновидностей урн в белегишском керамическом комплексе известен еще один тип сосудов этого вида, встречающийся, как и в кишиневском наборе, довольно редко [14, с. 112, сл. 98: 2]. Это корчаги с короткой шейкой и округлобиконическим туловом с петлевидными ручками. По шейке и верхней части тулова они украшены горизонтальными каннелюрами (рис. 6: 4, ср. рис. 2: 15).

Отметим, что не все урны декорировались каннелюрами. Правда, сосудов без каннелюр было меньшинство. Вместе с тем еще раз подчеркнем такую характерную особенность белегишских урн, как размещение выступов-упоров двумя рядами. При этом для урн позднего этапа характерно парное расположение выступов в вертикальной плоскости. Такая расстановка выступов-упоров считается специфической чертой урн группы Белегиш II в отличие от этой категории сосудов в культуре Гава, для которых характерен только один ряд выступов [27, S. 350; 32, p. 178—184]. Принимая во внимание эту особенность, позволим себе не согласиться с мнением М. Вукманович относительно принадлежности урновых погребений из Ваюги и Малой Врбицы к культуре Гава [1, с. 45—47]. Против такой культурной атрибуции свидетельствует присутствие в составе этих погребальных комплексов биконических урн с парными упорами в одной плоскости [1, с. 5, 6; 14, сл. 98: 1, 4, 5] (рис. 4: 1, 3, 4, 6: 5, 6).

Подтверждением тому служат происходящие из тех же погребений неустойчивые черпаки в виде низкой полусферической чашечки с высокой петельчатой ручкой, украшенной либо горизонтальными каннелюрами у основания ручки, либо рядами каннелюр вдоль нее. На округлом дне иногда имеется омпал (рис. 4: 2, 6, 6: 2) [1, с. 45, сл. 5, 6; 14, сл. 99: 1—3; 21, табл. XXV: 1—3]. Выше уже говорилось, что такого рода непрофилированные черпаки не типичны для культуры Гава—Голиграды, но являются характерной формой керамического

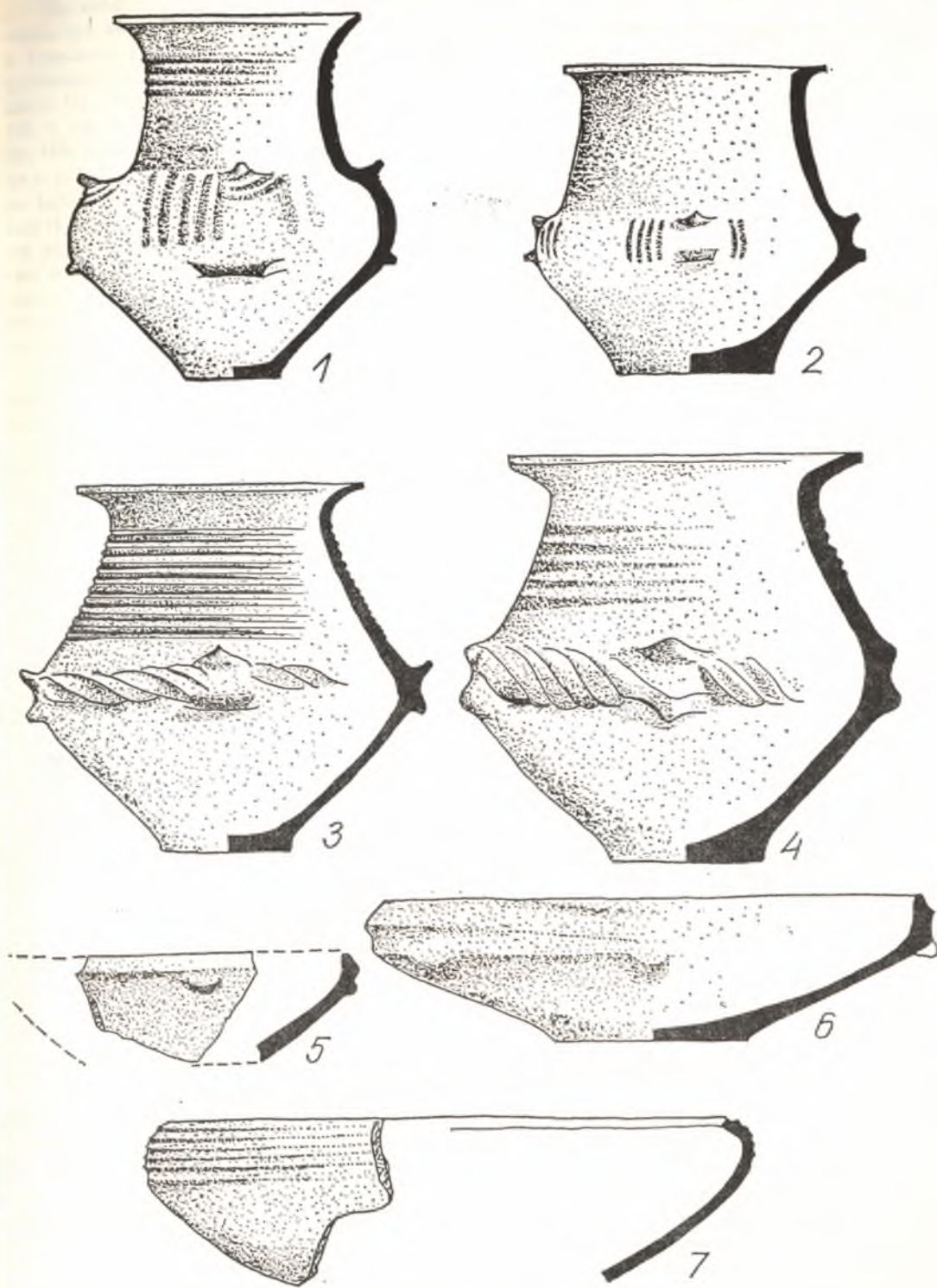

Рис. 5. Основные типы урн и мисок в группе Белегиш II
1—5 — Карабурма II; 6 — Васича Градина; 7 — Подпоранья

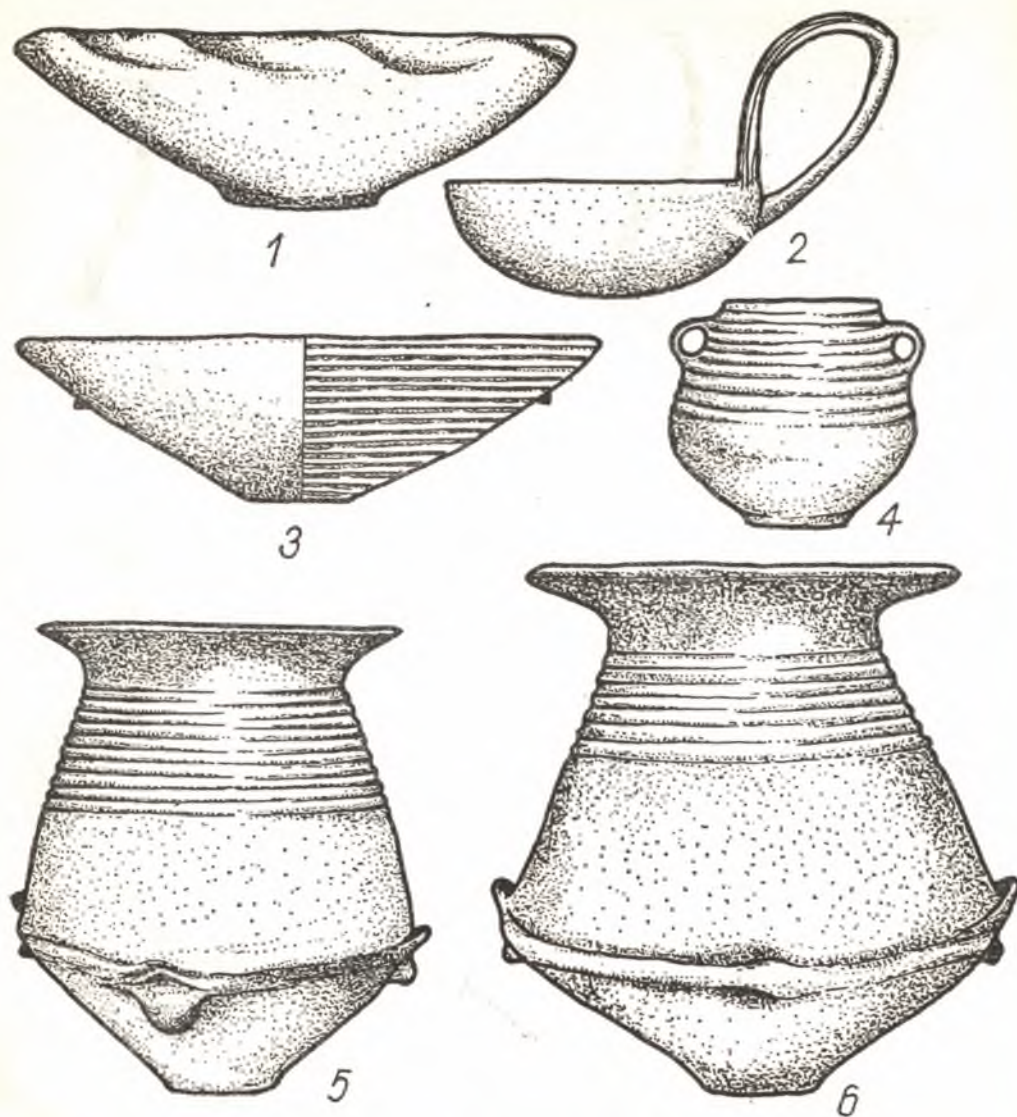

Рис. 6. Сосуды из погребения № 1 в Ваюге—Песак

комплекса группы Кишинев—Корлатэнь (рис. 2; 5).

Итак, в керамическом наборе группы Белегиш II мы находим близкие параллели не только кишиневским корчагам со всеми их специфическими особенностями, но и низким черпакам. Что касается еще одной формы посуды кишинев-корлатэньского комплекса — конических мисок с рядами горизонтальных каннелюр под краем с внешней стороны, сочетающихся с выступами-шишечками, то пока не удается найти им полных аналогий в керамическом наборе некрополей типа Белегиш II. В этих могильниках представлены конические миски с напеками-шишечками, но без каннели-

рованного узора с внешней стороны (рис. 4; 5; 5) [43, Grob 108, 189; I, сл. 6].

В отличие от могильников, на поселениях группы Белегиш II (иначе, младший горизонт полей погребальных урн, по Тасичу), таких, как Яково—Экономия Сава, Гомолава, известны миски не только с выступами-шишечками, но и с рядами горизонтальных каннелюр [22, с. 142, табл. V: 2, VI: 2; 23, с. 20]. Их особенно много среди каннелированной посуды поселений югославского Подунавья Васича—Градина на Босуте, Ясенево—Жидовар, Калакача и др., относимых П. Медовичем к горизонту памятников типа Босут IIIa (рис. 5; 6, 7) [35, табл. XC—XCIII].

По мнению П. Медовича, перечисленные поселения, вместе с упомянутыми выше Яково и Гомолава, принадлежат одному культурно-историческому горизонту, обозначенному им Босут IIIa. Но в противоположность Н. Тасичу [23, с. 23, 24], его хронология горизонта Босут IIIa более высокая. Он датирует его IX в. до н. э. [35, с. 102—105]. Полагаем, что вопросы хронологического соотношения групп Белегиш II и Босут IIIa должны уточняться на месте их исследователями. Для нас же важен сам факт присутствия искоемых мисок, украшенных горизонтальными каннелюрами, в раннегалльштатских памятниках с каннелированной керамикой югославского Подунавья.

В поисках прототипов посуде группы Кишинев—Корлатэнь мы приходим к заключению, что ее ведущие типы по всему комплексу характерных признаков прямо восходят к белегишскому керамическому набору. Это позволяет с определенной долей уверенности говорить об югославском Подунавье как о прародине носителей культуры Кишинев—Корлатэнь. Резкие отличия между культурой Ноа, предшествующей на территории Днестро-Сиретского междуречья раннегалльштатским памятникам с каннелированной керамикой, дают возможность утверждать, что формирование кишинев-корлатэньской общности проходило не под влиянием, а при прямом участии носителей культуры типа Белегиш II. Пока источники не позволяют проследить промежуточные стадии продвижения белегишского населения в Днестро-Сиретское междуречье. Можно предполагать, что этот путь проходил по территории, прилегающей к левому берегу Дуная, т. е. через Южную Олteniю и Мунтению (рис. 1).

Такое предположение не лишено оснований. В вышеуказанных придунайских областях Румынии известны памятники каннелированного гальштата, правда, весьма немногочисленные. Все эти объекты — «жертвенные» холмы типа Выртоп и Плошор с большим количеством целых сосудов, каннелированная посуда, найденная в слое или в ямах многослойных поселений, а также единичные находки каннелированной керамики, подчас не привязанной к конкретному памятнику, — впервые были учтены Б. Хенселем. В его сводку вошли как ранее опубликованные материалы, так и неизданные, последние при этом преобладают [28, S. 96—105]. Из данных им характеристик вытекает, что олтенская группа, называемая Выртоп—Плошор, более ранняя, в то время как памятники Мунтению более поздние, т. е. относятся к периоду развитого гальштата [28, S. 100, 104, 105].

По мнению Б. Хенселя, памятники типа Выртоп, сложившиеся на месте группы Гырла Марэ, известной главным образом по некрополям со своеобразной инкрустированной керамикой, целиком тождественны синхронным объектам каннелированного гальштата в румынском Банате. В качестве прямого аналога он приводит материалы из раскопок «жертвенного» холма в Сусани, в момент написания книги еще не опубликованные [28, S. 104]. Вместе с тем, сопоставляя выртопский керамический комплекс с каннелированной посудой из Трансильвании (из поселений Медиаш и Речи, входящих, по нашим представлениям, в гаво-голиградский круг памятников), он не находит ему прямого соответствия [28, S. 104].

Отмечая, что каннелированный декор и некоторые виды сосудов типа Выртоп зародились в Олтении еще в эпоху бронзы в рамках местной культуры Гырла Марэ, Б. Хенсель подчеркивает, однако, что черлощенная полированная посуда с каннелюрами группы Выртоп по многим признакам, начиная с технологии и кончая формами и приемами орнамента, существенно отличается от керамической продукции группы Гырла Марэ. Он считает, что эти бросающиеся в глаза отличия были обусловлены функциональными различиями погребальной посуды в группе Гырла Марэ и «жертвенной» в группе Выртоп, а также хронологической разницей сравниваемых групп [28, S. 103].

Нам кажется, что такого рода объяснения Б. Хенселя вряд ли можно считать приемлемыми. По аналогии с соседней группой Белегиш II, отдельные элементы керамического комплекса которой появляются в рамках предшествующей культуры Ваттина—Дубовац—Жуто Брдо, но формирование которой не мыслится без воздействия пришлой культуры полей погребальных урн, образование выртопской культурной общности нельзя сводить к прямой эволюции культуры Гырла Марэ. Поэтому полагаем, что, как и в югославском Подунавье, становление группы Выртоп произошло при прямом участии нового населения, культура которого характеризуется каннелированной посудой.

Протекал ли процесс становления группы Выртоп параллельно с формированием группы Белегиш II под воздействием одной и той же иноземной волны каннелированного гальштата или в ее сложении принимало непосредственное участие белегишское население — вопрос особый, требующий специальной разработки. Обратим только внимание на типично белегишские черты в керамике группы Выртоп, представление о которой существенно расширилось за счет богатейших материалов из упомяну-

го выше «кургана» Сусани, опубликованных И. Стратаном и А. Вульпе [40, S. 28—60]. Это сходство проявляется в одинаковой фактуре и в характере обработки поверхности сосудов, в приемах и мотивах каннелированного узора, а также в бытовании ряда одинаковых видов и форм посуды, а именно, конических мисок с шишечками и рядами горизонтальных каннелюр с наружной стороны, урн — конически-горлых и биконических с двумя рядами выступов-упоров и грубых прямостенных горшков с напелными валиками [28, Taf. 12: 9, 38; 6—12, 39; 3, 6—9; 40, S. 47—53, Abb. 6, Taf. 4: 12, 5; 2, 6: 9, 93—95, 10: 79—86, 11: 100—117, 13: 122—125]. Свообразие выртопской керамической продукции определяют не встречающиеся в Белегише разновидности чашек с одной или двумя ручками, миски и чаши с развернутыми наружу краями [28, Taf. III: 1, 2, 6, 10, 12, 13, 37: 1—15; 40, S. 47—53, Taf. 7—10, 17, 18, 20—25]. Примечательно, что среди последних находим прототипы некоторым формам посуды из группы Кишинев—Корлатэнь, параллели которым не встречены в Белегише II. Имеются в виду глубокие черпаки с одной ручкой и кубки, украшенные по плечикам косыми или вертикальными каннелюрами, а также миски с развернутыми краями (рис. 2: 1, 3, 4; ср. [28, Taf. III: 8, 12, 13, 37: 1, 6; 40, Taf. 17, 18: 143—146, 20: 153—162]).

Выртопскими керамическими коллекциями, пожалуй, следует ограничить дальнейшие сопоставления, поскольку материалы Мунтении пока еще недостаточно выразительны и расчленены по времени. В целом же, при знакомстве с собранными в работе Б. Хенселя гальштатскими материалами из Нижнего Подунавья [28, S. 96—117], складывается впечатление, что мощный импульс воздействия со стороны белегишской историко-культурной общности охватил обширную зону нижнедунайского Поречья (южные области Румынии и северные регионы Болгарии), достигнув Днестро-Сиретского междуречья. Нельзя сказать, что образовавшиеся в этой поддунайской зоне культурные общности и группы представляют полное тождество с группой Белегиш II, однако их генетическое единство не может вызывать сомнений.

Это единство было предопределено общим суперстратом, каковым являются раннегальштатские памятники типа Белегиш II, наслоившиеся в этой обширной зоне на ряд местных культур эпохи поздней бронзы — Гырла Маре в Олтении, Тей в Мунтении, Кослоджени в Добрудже и на юго-востоке Мунтении, Ноа в Молдове и в Молдавии. В каждой конкретной области роль автохтонного компонента в формировании раннегальштатских новообразова-

ний с каннелированной посудой должна дополнительно изучаться. Что касается рассматриваемой группы Кишинев—Корлатэнь, то, как говорилось выше, вклад культуры Ноа в развитие большинства специалистов представляется минимальным. В поисках причин локального своеобразия культурных общностей, относящихся к белегишскому кругу памятников, следует также учитывать имевшие место влияния со стороны их инокультурного окружения.

Говоря о белегишском круге памятников мы противопоставляем его другой культурно-исторической общности в рамках фракийского, каннелированного, гальштата в Карпато-Подунавье, в свое время выделенной и названной нами гаво-голиградской [16, с. 18; 38, р. 359]. Различия в керамической продукции этих двух родственных групп памятников суммированы в начале настоящей работы на примере сравнительного анализа голиградского и кишинев-корлатэньского материала. Отличия между ними столь же отчетливо выступают при сопоставлении ведущих типов и форм посуды горизонта Белегиш II в югославском Подунавье и культуры Гава в Верхнем Потисье, памятники которой ныне полностью введены в научный оборот Т. Кеменцеи [30, S. 58—86]. Но, поскольку относительное изучение собственно белегишских и гавских керамических собраний сейчас не входило в наши задачи, ограничимся констатацией существования в Карпато-Дунайском бассейне двух культурно-исторических единиц — гаво-голиградского, северного, и белегишского, южного.

1. Вукмановић М. Нови налази фибула типа «rěščića» на Нердану.— ЗИМ, 1983 [т.] 11-1.
2. Дергачев В. А. Материалы раскопок археологической экспедиции на Среднем Пруте (1975—1976 гг.). Кишинев, 1982.
3. Кеменцеи Т. Культура полей погребальных урн: Культура Гава.— В кн.: Археология Венгрии: Конец II тысячелетия до н. э.— I тысячелетие н. э. М., 1986.
4. Лапушняк В. Л. Ранние фракийцы X—начала IV в. до н. э. в лесостепной Молдавии. Кишинев, 1979.
5. Лапушняк В. Л. Раскопки памятников культуры фракийского гальштата в Молдавии.— АИМ, 1972.
6. Левицкий О. Г. Поселение раннего железного века у с. Тринка.— АИМ (1982 г.), 1986.
7. Мелокова А. И. Археологические данные о фракийцах на территории СССР в I тысячелетии до н. э.— В кн.: Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья: Лингвистика, история, археология. [Сб. ст.] М., 1984.
8. Мелокова А. И. Исследования памятников предскифской и скифской эпох в лесостепной Молдавии.— В кн.: Материалы и исследования по археологии Юго-Запада СССР

и Румынской Народной Республики. [Сб. ст.] Кишинев, 1960.

9. Мелокова А. И. Итоги и задачи изучения взаимосвязей киммерийских и скифских племен с фракийцами в советской науке.— СТ, [1975], т. 1.
10. Мелокова А. И. Культура предскифского периода в лесостепной Молдавии.— В кн.: Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Северном Причерноморье. [Сб. ст.] М., 1961 (МИА, № 96).
11. Мелокова А. И. О датировке и соотношении памятников начала железного века в лесостепной Молдавии.— СА, 1972, № 1.
12. Мелокова А. И. Скифия и фракийский мир. М., 1979.
13. Никулицэ И. Т. Гальштатское поселение в Ханском микрорайоне.— АИМ (1974—1975), 1981.
14. Премк А., Поповић П., Бјелајац Љ. Вајуга—Песак: Извештај о сондажном ископавањима у 1980 години.— В кн.: Бердапске свеске. Београд, 1984. [т.] 2.
15. Свешиков К. Памятники голиградского типа на Західному Поділлі.— МДАПВ, 1961, вып. 5.
16. Смирнова Г. И. Гавско-голиградский круг памятников Восточно-Карпатского бассейна.— АСГЭ, 1976, [вып.] 17.
17. Смирнова Г. И. Основы хронологии предскифских памятников Юго-Запада СССР.— СА, 1985, № 4.
18. Смирнова Г. И. Поселение Магала — памятник древнефракийской культуры в Прикарпатье.— В кн.: Древние фракийцы в Северном Причерноморье. [Сб. ст.] М., 1969 (МИА, № 150).
19. Смирнова Г. И. Раннеголиградский комплекс Магалы.— В кн.: Древности Северо-Западного Причерноморья. М., 1965 (КСИА, [вып.] 105).
20. Срејовић Д. Остата из Алуна.— В кн.: Прансторијске остата у Србији и Војводини. Београд, 1975, т. 1.
21. Тасић Н. Југословенско Подунавље од индоевропске сеобе до продора Скита. Нови-Сад; Београд, 1983.
22. Тасић Н. Населе културе поља са урнама у источном делу Срема.— РВМ, 1962, [т.] 11.
23. Тасић Н. Проблем културе равних поља са урнами у Војводини.— Старинар, 1966, кн. 17 (1967).
24. Трбуховић В. Прансторијска некропола у Белегишу.— Старинар, 1960, кн. 11 (1961).
25. Фолтини Ст. Ка познобронзано допској керамици Војводине.— РВМ, 1966—1968, [т.] 15—17.
26. Foltini St. Neue Angaben zur Kenntnis der urnenfelderzeitlichen Keramik im südlichen Teile des Karpatenbeckens.— Apulum, 1967, Bd 6.
27. Foltini St. Zum Problem der sogenannten „pseudo-protovillanovaurnen“.— Origini, 1968, vol. 2.
28. Hänsel V. Beiträge sur regionalen und chronologischen Gliederung der älteren Hallstattzeit an der unteren Donau. Bonn, 1976.
29. Joniță J. Săpăturile de salvare de la Trifesti.— Materiale, 1962, [т.] 8.
30. Komenczei T. Die Spätbronzezeit Nordostungarns. Budapest, 1984.
31. Kossak G. Tli Grab 85: Bemerkungen zum Beginn des skythenzeitlichen Formenkreises im Kaukasus.— BAVA, 1983, Bd 5.
32. László A. Cu privire la legăturile culturale Gava cu culturale contemporane din Basinul Dunării de mijloc.— In: Centenar Muzeal Orădean. Orădea, 1972.
33. László A. La région extracarpatique orientale à la fin du IIe millénaire et dans la première moitié du Ier millénaire avant notre ère.— In: Actes du II Congrès International de Thracologie. București, 1980, vol. 1.
34. László A. Über den Ursprung und die Entwicklung der frühhallstattzeitlichen Kulturen in der Moldau.— TD, 1976, [т.] 1.
35. Medović P. Naselje starijeg gvozdenog doba u jugoslovenskom Podunavlju. Beograd, 1978.
36. Morintz S. Contribuții arheologice la istoria tracilor timpurii. București, 1978.
37. Radu C. Cu privire la necropola de la Cruceni (jud. Timis).— SCIV, 1973, t. 24, N 3.
38. Smirnova G. I. Complexele de tip Gava—Holihady—o comunitate cultural-istorica.— SCIVA, 1974, t. 25, N 3.
39. Smirnova G. I. Über die Entstehung der Denkmäler der Holihady-Gruppe im Vorkarpatengebiet.— In: VIII Congrès International des sciences préhistoriques. 1971, Belgrade. Les rapports et les communications de la délégations archéologues de l'URSS. Moscou, 1971.
40. Stratan L., Vulpe A. Der Hügel von Susani.— PZ, 1977, Bd, 52, H. 1.
41. Tasić N. Die Pannonische Tiefebene und der Zentralbalkan am Übergang von der mittleren in die späte Bronzezeit.— Balcanica, 1972, t. 3.
42. Teodor S. Săpăturile de la Cucorâni (jud. Botosani).— AMold, 1975, t. 8.
43. Todorović J. Praistorijska Karaburma II — nekropola bronzanog doba. Beograd, 1977.
44. Trbuhović V. Problemi porekla i datovanja bronzanog doba u Srbiji. Beograd, 1968.
45. Vasić R. Spätbronzezeitliche und älterhallstattzeitliche Hortfunde im östlichen Jugoslawien.— In: Südosteuropa zwischen 1600 und 1000 v. Chr. B. S. 1., 1982.
46. Vinski-Gasparini K. Kultura polja sa žarama u sjevernoj Hrvatskoj. Zadar, 1973.

Л. К. ГАЛАНИНА, А. Ю. АЛЕКСЕЕВ
**НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ ЗАКУБАНЬЯ
 В РАННЕСКИФСКОЕ ВРЕМЯ**

В 1980 г. Государственным Эрмитажем была организована экспедиция с целью планомерного изучения знаменитого Келермесского могильника. Программа предусматривала также доисследования отдельных памятников, копавшихся в начале XX в. Д. Г. Шульцем и Н. И. Веселовским. За шесть полевых сезонов экспедиция исследовала 69 курганных захоронений эпохи бронзы. Кроме того, на том же курганном поле был открыт интереснейший грунтовый могильник раннескифского времени (2-я половина VII — начало VI в. до н. э.), насчитывающий в настоящее время 35 погребений [8; 9]. Полученные и уже частично опубликованные материалы заставляют по-новому взглянуть на классические для скифологии памятники, открытые в 1903—1904 гг., углубить и расширить их научную оценку. В связи с этим представляется необходимым введение в научный оборот еще двух комплексов, сравнительно скромных по своему содержанию, но важных для понимания социальной и этнической истории раннескифского общества.

В 1983 г. было произведено доисследование одного из скифских курганов (№ 24), частично раскопанных в начале XX в. (рис. 1). Следует отметить, что современное состояние погребальных насыпей затрудняет вычленение среди них четырех скифских курганов, копавшихся Д. Г. Шульцем. Исключением являются лишь два памятника, исследованные Н. И. Веселовским. С его первым курганом надежно отождествляется курган 27 по нашему плану, со вторым — курган 31, расположенные на северо-западной оконечности могильника (рис. 1). Что касается кургана 24, то по ряду признаков (наличие следов старой траншеи и грабительских ям, локализация в непосредственной близости от скифских курганов Н. И. Веселовского) его предвари-

тельно можно было идентифицировать с одним из курганов Д. Г. Шульца, что и подтвердилось раскопками.

Курган 24 локализовался в северной части могильника в 100 м к ЮВ от кургана 27 (рис. 2). Насыпь имела форму уплощенного шарового сегмента с более крутой северной полой. Высота колебалась в пределах 2,4—3,7 м, так как уровень современной поверхности у северного склона кургана был ниже, чем с Ю, В и З. Диаметр по подошве 52 м. У северо-западной полы фиксировался отвал из раскопной траншеи. В юго-восточном секторе близ центра кургана наблюдались две большие заплывшие впадины, заросшие деревьями и кустарником.

Центральную часть насыпи прорезала старая раскопная траншея с уступом. Ширина ее 12—16 м, глубина от 0 (визуальная вершина насыпи) до 5 м (рис. 3). В заполнении траншеи выделялись затеки мешаной земли, которые с южной стороны были нарушены более поздним перекопом. В разных местах насыпи на глубине 1—2,5 м от 0 обнаружены фрагменты керамики, отдельные обломки и скопления костей животных, окрашенные окисью меди, обломок железного псаля и два бронзовых двулопастных наконечника стрел. На глубине 2—2,5 м в восточной половине кургана фиксировались пятна двухслойного тлена. Верхняя мажущаяся часть слоя имела черный цвет, нижняя — рыжий. В юго-западном секторе насыпи на глубине 3,5 м найдено одиннадцать бронзовых наконечников стрел, разбросанных на небольшом участке на слое красновато-коричневого (древесного?) тлена, перекрывавшего выкид из могилы. Выкид представлял собой кольцевой вал материкового суглинка желтоватого цвета диаметром 22—24 м и максимальной толщиной 1,2 м. Восточная его часть была срезана

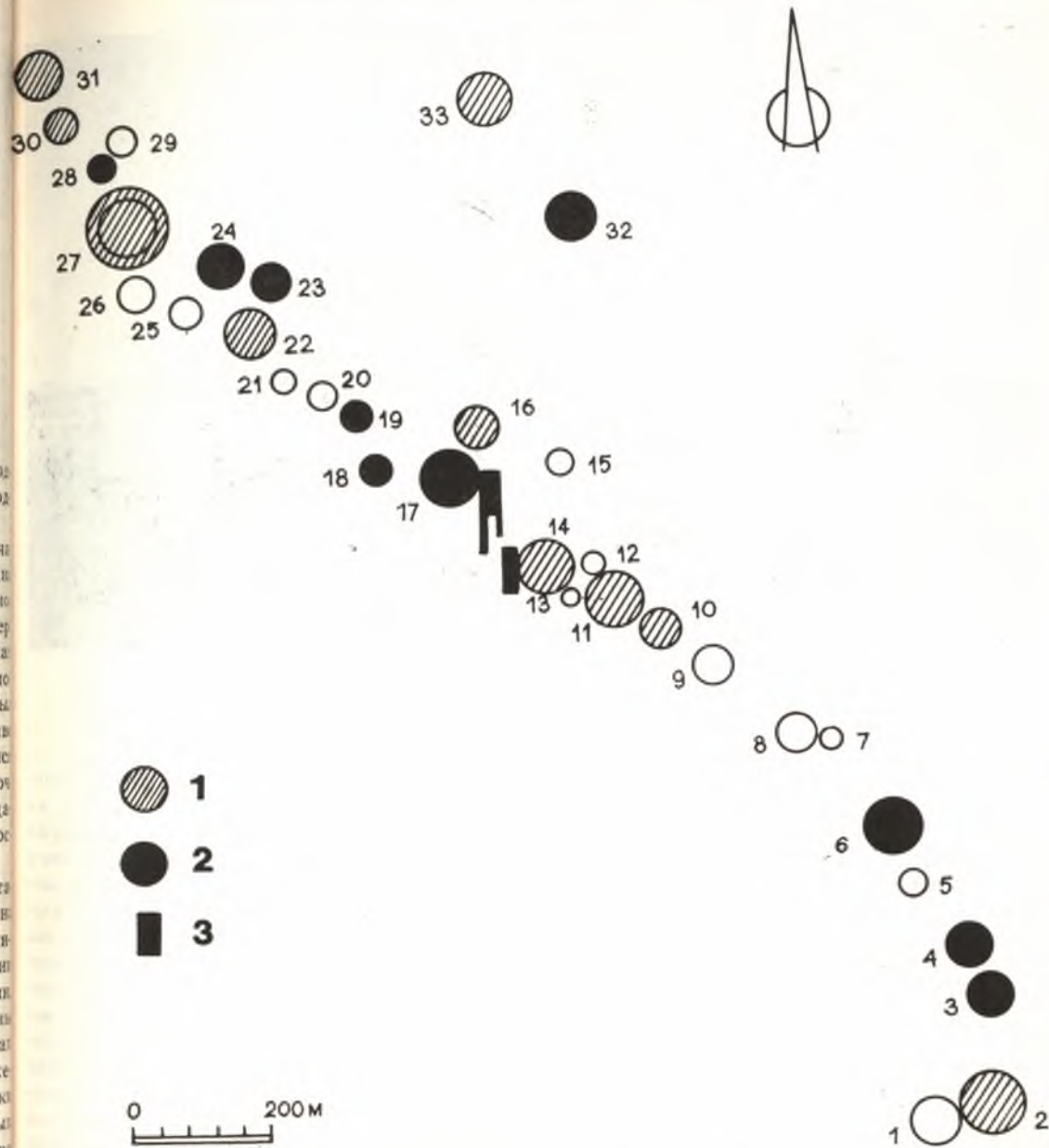

Рис. 1. План основной курганной группы Келермесского могильника
 1 — дореволюционные раскопки; 2 — раскопки 1981—1986 гг.; 3 — грунтовый могильник раннескифского времени

старой траншеей. Под центром кургана располагалась подквадратная в плане могила, ориентированная по линии ССЗ—ЮЮВ. Глубина ее 1,8—2 м от уровня древнего горизонта. Форма и приблизительные размеры могилы (6,6×6,5 м) установлены по двум фрагментам деревянного перекрытия и участку вдоль восточной стенки, где мешаное заполнение погребальной ямы четко отделялось от окружающего грунта (рис. 4). Сохранился

фрагмент перекрытия северо-западного угла могилы размерами 2×1,5 м. Восточный край его был срезан, по-видимому, лопатой, на южном крае имелся полукруглый вырез — очевидно, след поисковой ямы. Второй фрагмент перекрытия (размерами 2×1,5 м) выявлен у северо-восточного края могилы. Перекрытие, прослеживавшееся в виде бесструктурного древесного тлена, было, по-видимому, покрыто сверху корой или камкой.

Рис. 2. Общий вид кургана 24 до раскопок

Погребение подверглось ограблению еще в древности, о чем свидетельствуют три нарушенных конских скелета (1—3), лежавших под обвалившимся перекрытием гробницы и разбросанные внутри ее остатки сопутствовавшего инвентаря. Близ центра могилы на непо потревоженном участке дна (площадью $3 \times 1,5$ м) вперемежку с фалангами кисти руки и человеческим зубом встречены украшения, детали уздечных наборов, предметы вооружения и другие вещи.

Обнаружены двенадцать золотых миниатюрных бляшек и золотой гвоздик, две янтарные вставки от какого-то драгоценного изделия, а также костяные пластинки различного вида (рис. 5: 1—13). Разнообразны сбруйные принадлежности. Это подвески — клык кабана, обломок костяной ворворки, 10 раковин каури, бронзовый и костяные стерженьки, пастовый бисер, 3 бронзовые зооморфные пронизи (рис. 6: 1, 2, 9, 10, 12—14) и пять костяных. Четыре из них декорированы плоскорельефными фигурками свернувшегося кольца хищника, одна увенчана объемной головкой барана (рис. 6: 3—6, 8). Вооружение представлено железными и бронзовыми панширными пластинками, фрагментом железного меча или копья (рис. 5: 16), пятью бронзовыми наконечниками стрел. Один на-

конечник был зажат между двумя деревянными плашками (размерами $4,5 \times 3$ см), в которых лежали тонкие фрагментированные бронзовые пластинки с кольчатым пунсонным орнаментом (рис. 5: 24). Имеется также железный нож (рис. 5: 17). Кроме того, на расстоянии 0,8 м к ЮЗ от центрального участка найдено еще 47 бронзовых наконечников стрел, залегавших на разных уровнях в пределах площади $0,15 \times 0,15$ см. Несколько посточнее того же участка выявлена ямка диаметром 0,5 м, глубиной 0,4 м, заполнение которой включало окислы меди, особенно отчетливо выраженные у стенок, и пропитанные теми же окислами кости животных. По всей вероятности, здесь стоял какой-то бронзовый округлый сосуд, может быть — котел.

У северо-западного угла могилы, за линией среза деревянного перекрытия обнаружены два сильно раздавленных сосуда. Один сохранился частично, второй, имевший широкое устье с отогнутым венчиком, был обращен дном кверху (рис. 5: 39, 40). Рядом с ними, возле коней 1—3, найдены костяной кружок с отверстием в центре (рис. 5: 11) и 6 золотых полусферических бляшек. Три аналогичные бляшки оказались также в засыпи могилы (рис. 5: 1—3). Остальные материалы связываются с конскими захоронениями, раз-

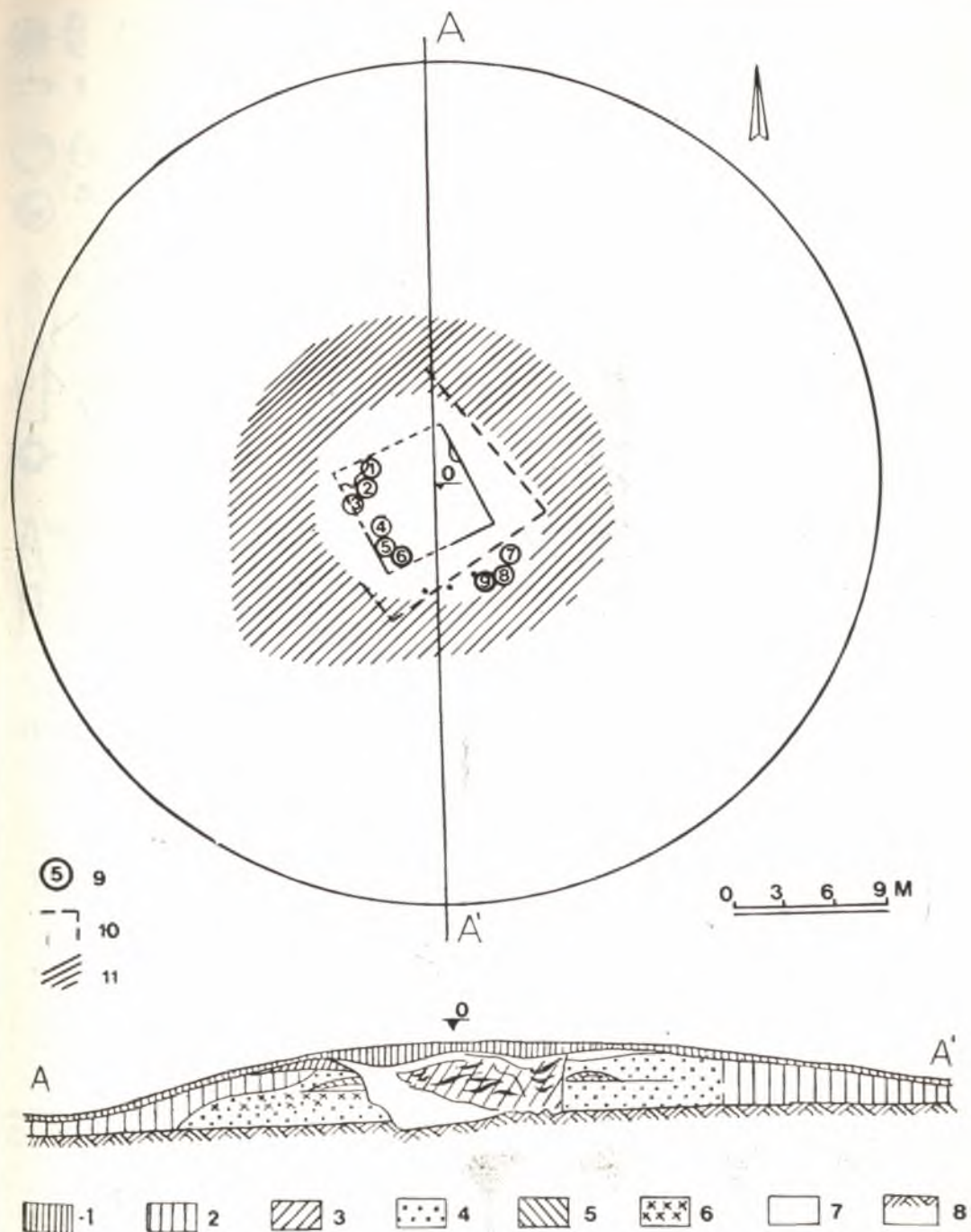

Рис. 3. План и разрез кургана 24

1 — черноземный слой; 2 — слой темно-серого грунта; 3 — мешаный желто-серо-коричневый слой; 4 — слой коричневого грунта с известковыми включениями; 5 — яркий желтый суглинок; 6 — слой коричневого грунта с яркими красными (железистыми) включениями; 7 — слой грунта коричневого цвета; 8 — материк; 9 — порядковый № жертвенного коня; 10 — примерные границы раскопочной траншеи начала XX в.; 11 — материковый выкйд из могилы

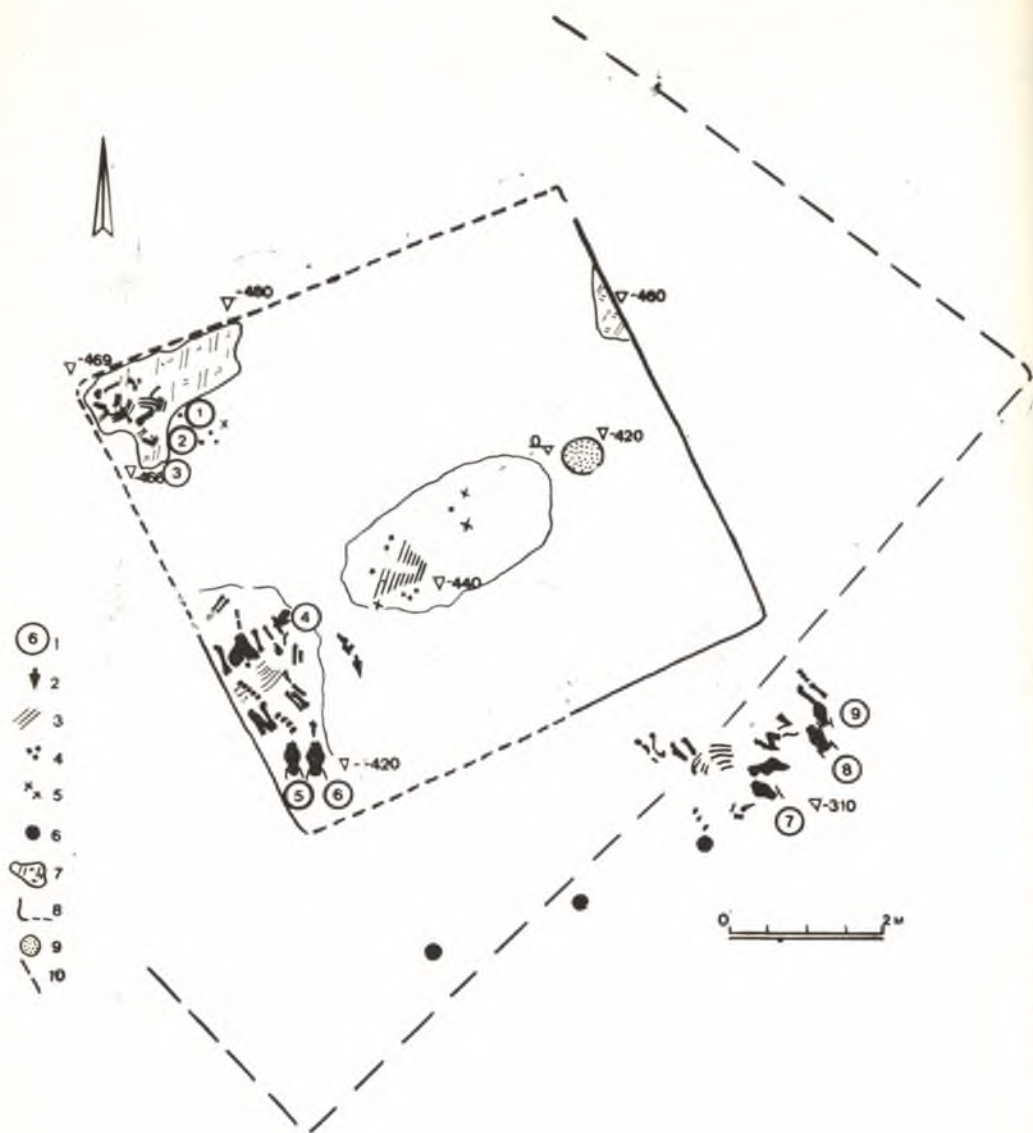

Рис. 4. Курган 24: план могилы

1 — номер жертвенного коня; 2 — скопление наконечников стрел; 3 — место находок ванцирных пластинок; 4 — золотые полусферические бляшки; 5 — украшения конской сбруи; 6 — ямки от столбов; 7 — фрагменты перекрытия; 8 — границы могильной ямы; 9 — ямка с окислами бронзы и костями животного; 10 — границы траншеи начала XX в.

мешавшимися двумя группами — вдоль западной стенки на дне могилы и на верхнем южном ее крае (рис. 4).

Из шести лошадей, засвидетельствованных в западной группе, первые три, как уже указывалось выше, находились под упавшим перекрытием.

Конь 1 с отрубленным, по-видимому, при древнем ограблении черепом располагался в северо-западном углу могилы. Судя по остаткам скелета, он был ориентирован головой на ЮЮВ. На длинных костях передней пра-

вой ноги обнаружены раковины каури и пастовый кольцевидный бисер.

Конь 2 примыкал вплотную к предыдущему, у него отсутствовал череп и большая часть скелета.

Конь 3 — уцелели только отдельные позвонки и длинные кости.

Конь 4 локализовался в 2 м к Ю от коня 3. Сохранился частично череп, ориентированный на ЮЗ, и несколько невыразительных фрагментов костей. При нем оказались бронзовые удила, сочетавшиеся с железными пса-

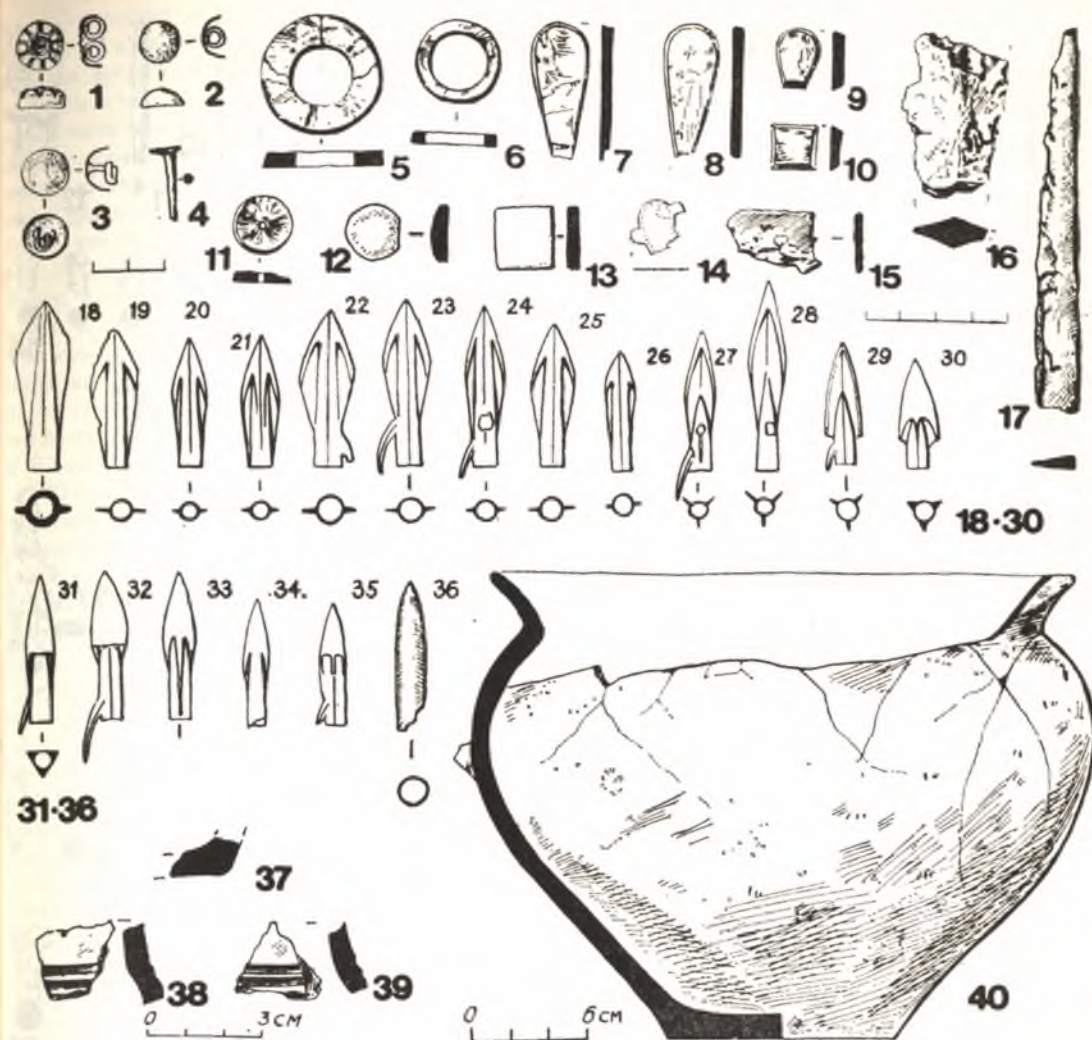

Рис. 5. Курган 24: погребальный инвентарь

1—4 — золотые бляшки и гвоздик; 5—11 — костяные поделки; 12, 13 — янтарные вставки; 14 — обломок бронзовой пластины; 15—17 — железные предметы; 18—35 — бронзовые наконечники стрел (18, 19, 22, 25, 26, 31 — по 1 экз., 20, 21 — 10 экз., 23, 24 — 22 экз., 27 — 16 экз., 28, 29, 32, 34 — по 2 экз., 30 — 5 экз., 33 — 4 экз., 35 — 4 экз.); 36 — костяной наконечник стрелы; 37—40 — керамика

лиями, один из которых полностью распался. Вдоль правой стороны черепа зафиксированы остатки пастового кольцевидного бисера, нескольких раковин каури и костяных стерженьков. Слева возле зубов обнаружена бронзовая птицеголовая пронизь и рядом обломок аналогичной уздечной детали (рис. 6: 17—19, 21).

Конь 5, покоившийся на животе с подогнутыми ногами, головой на Ю, был взнуздан железными удилами с псалями. От принадлежностей оголовья сохранились 3 бронзовые птицеголовые пронизи, одна из которых лежала вместе с костяным стерженьком около левого псаля, вторая справа у затылочных

костей, третья — между черепом этого коня и соседнего (6). Под первыми шейными позвонками обнаружены 4 раковины каури и несколько костяных стерженьков, один из которых имеет небольшой уступ (рис. 6: 27—33). Пять раковин каури в сочетании с пастовым бисером находились под грудными костями. В задней части черепа и в тазовых костях были обнаружены два бронзовых наконечника стрел.

Конь 6, примыкавший с В к предыдущему, лежал головой на Ю на слое темно-бурого глина толщиной около 0,5 см и таким же слоем перекрывался. Чуть выше черепа был найден бронзовый наконечник стрелы, еще

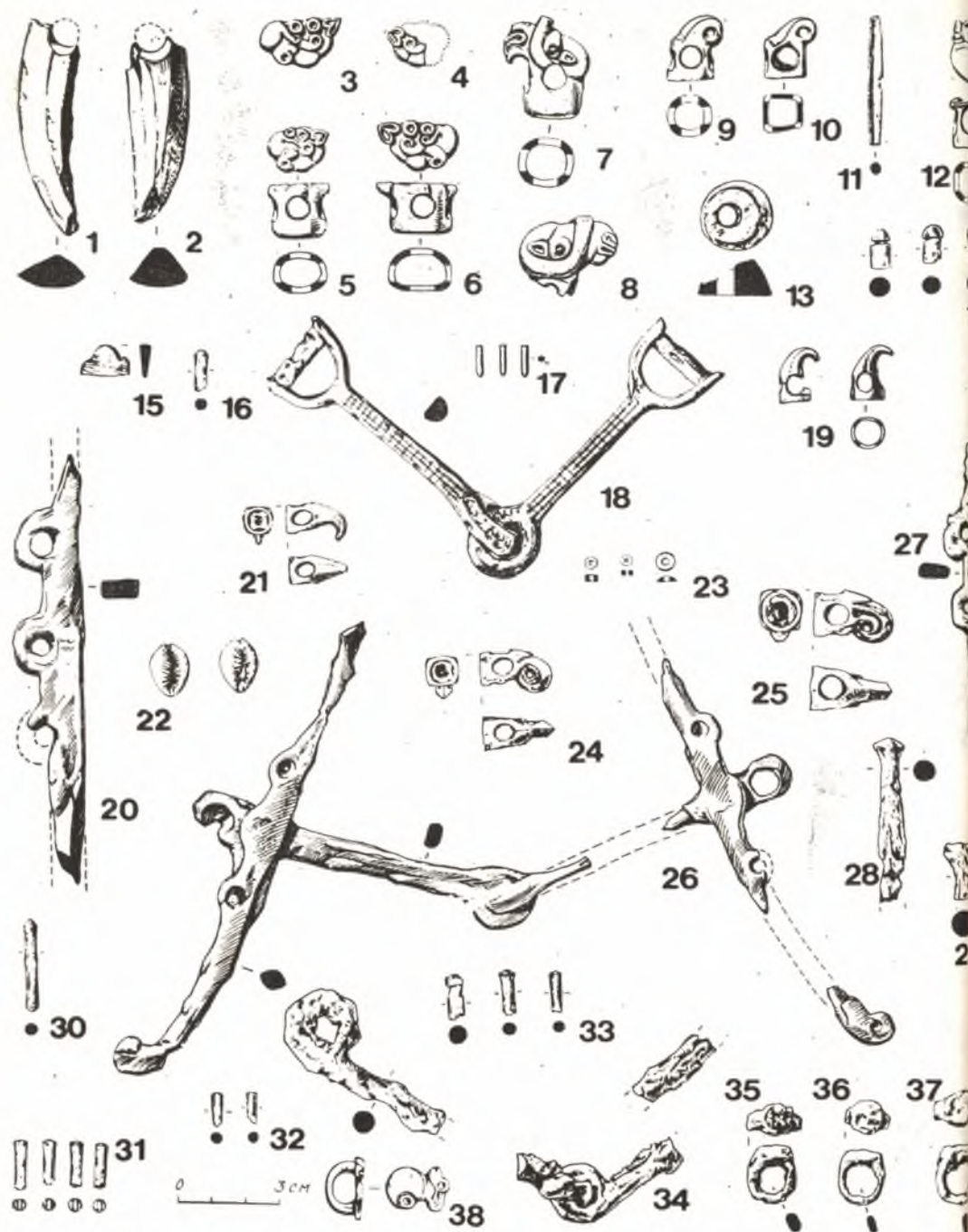

Рис. 6. Курган 24: срубные принадлежности

1-8, 13-17, 30-33 — клыки кабана, костяные уздечные пронизы, ворворка, столбики; 9-12, 18, 19, 21, 24, 25 — бронзовые уздечные пронизы, удила, стержневидная застёжка; 22 — раковины каури; 23 — пастовые бусы; 26, 29, 34-37 — железные удила, псалии, перстневидные бляшки; 38 — бронзовая бляшка (курган Ульяновский 1910 г.)

Один — в костях задней правой ноги. Около правого псаля обнаружена бронзовая птичье-голова пронизь, две аналогичные детали составляли один ряд с раковинами каури вдоль левой щеки лошади. У носовых костей засвидетельствованы железный стерженек и костяной грибовидный столбик. Слева в 0,2 м от удила прослежена уходящая под череп низка (одна или более) пастового бисера диаметром около 5 мм в виде тлена белого цвета. Рядом с остатками бус лежали 10 раковин каури, а за ними — четвертая бронзовая птичье-голова пронизь. Бусы, проходя под нижней челюстью, выходили с правой стороны также на расстоянии 0,2 м от удила. Рядом встречены костяная палочка с заостренными концами и 2 костяных стерженька (рис. 6: 21—26).

Южная группа конских захоронений располагалась на уровне древнего горизонта, имевшего искусственный наклон в сторону могильной ямы (рис. 4). Из 7—8 лошадей уцелело 3, причем задние части скелетов оказались срезанными старой раскопной траншеей. Кони покоились на животах с подогнутыми ногами, головами на ЮЮВ. Под ними прослежена земляная подушка, верхний слой и средняя прослойка которой были окрашены железистыми окислами.

Конь 7 — крайний с 3. В челюстях его находились железные распавшиеся удила с кольчатыми петлями. По мелким фрагментам и окислам зафиксирован левый псалий с одним загнутым концом, длиной 18 см. Возле левой наружной петли удила обнаружена железная перстневидная бляшка, орнаментированная розеткой (рис. 6: 34, 35). Кости метаподия (правая фаланга) передней левой ноги обвивала в несколько рядов низка, составленная из раковин каури и пастового бисера. Среди ребер лежал сильно коррозированный железный предмет, наподобие перстневидной или иной бляшки с овальным щитком длиной около 5 см.

Конь 8 размещался около левого бока предыдущего. Сохранился череп, частично кости груди и передних ног. В челюстях были сильно окисленные железные удила и псалии. Возле правого псаля и у задней стороны черепа (слева, справа и сверху) встречены 4 железные перстневидные бляшки. На фрагменте длиной кости правой ноги наблюдались следы обрамлявшей ее низки пастового бисера (рис. 6: 37).

Конь 9 лежал справа от предыдущего. Уцелел только череп и кости передней левой ноги. В челюстях находились почти полностью окислившиеся железные кольчатые удила и железные стержневидные псалии с шишечкой на загнутом конце. На задней части черепа

обнаружена железная перстневидная бляшка (рис. 6: 36).

На расстоянии 2,5 м от южного края могилы выявлены расположенные в ряд 3 круглые ямки (диаметром 0,15—0,2 м), углубленные в материк на 0,3—0,4 м и заполненные темно-коричневым древесным тленом. Промежутки между ямками — 1,8—2 м. По-видимому, стоявшие здесь столбы служили опорой для перекрытия могилы и одновременно отделяли верхних коней от материкового выкида (рис. 4).

Благодаря доисследованию этого памятника удалось получить хотя и фрагментарный, но достаточно выразительный вещевой комплекс, к характеристике которого мы обратимся ниже. Особенно важно, что появились новые сведения относительно погребального обряда келермесской курганной группы, которые несколько дополняют и корректируют данные Н. И. Веселовского по этому поводу. Отметим прежде всего черты общности с раскопанными им погребениями. Сходство проявляется как в типе могильных сооружений (углубленная на 2 м в материк квадратная яма с деревянным перекрытием), так и в ритуале конских жертвоприношений (размещение лошадей на земляных «подушках» двумя группами у западной и южной сторон внутри могилы и на верхнем ее крае) [8, с. 33—35, рис. 1, 2]*. Однако в данном случае кони не располагались такими регулярными, правильными рядами, как это представлено на планах Н. И. Веселовского. Кроме того, они были обращены головами не к погребальной камере, а в противоположном от нее направлении. Кстати, аналогичная картина наблюдалась, если верить рукописному тексту отчета Н. И. Веселовского, в южной группе лошадей в кургане I, но на планах могил кони изображены ориентированными головами к человеческому погребению (Архив ЛОИА, ф. 1, д. 1904/85, л. 93). С этим курганом публикуемый комплекс сближается также наличием в нем групп коней, различающихся между собой по типам уздечного убранства [8, с. 34]. Для западной группы характерны ременные оголовья с бронзовыми зооморфными пронизьями скифского типа, а для южной — только с железными перстневидными бляшками. В данной связи нелишне указать на находку уздечки с подобными бляшками в погребении 23 соседнего грунтового могильника. Заслуживает внимания впервые засвидетель-

* Насыпные «подушки» в виде овального пятна из зеленоватой глины прослежены Н. И. Веселовским под лошадьми западного ряда в кургане 2 (Архив ЛОИА, ф. 1, д. 1904/85, л. 97).

ствованный в археологической практике обычай украшения конского оголовья, нагрудных ремней и передних ног лошади низками из пастового бисера и раковин каури.

Погребальный инвентарь, оставшийся в могиле, включает глиняные сосуды, отдельные украшения, предметы вооружения и конской упряжи.

До сих пор керамика в келермесской коллекции ограничивалась только обломками чернолощенной корчаги, найденной Н. И. Веселовским в кургане I [22, с. 37, 38, табл. XIV]*. Таким же блестящим лощением и плотным глиняным тестом отличаются фрагменты обнаруженного нами сосуда, форма которого не восстанавливается. Своеобразен второй сосуд, обладающий темно-серой залощенной поверхностью, широким устьем с отогнутым венчиком и высокими сильно выпуклыми плечиками (рис. 5: 40). Аналогии ему нам неизвестны. Примечательно, что хотя все три курганные находки выполнены от руки, они имеют подправки на гончарном круге. По составу же глиняного теста (обильные включения толченых раковин, кварцевого песка и, по-видимому, слюды) находки эти объединяются с керамикой меотского типа, богато представленной на соседнем грунтовом могильнике [7, с. 161 и сл.].

Среди украшений отметим янтарные пластинчатые вставки (рис. 5: 12, 13), характерные, как можно судить по старым келермесским материалам, для драгоценных изделий импортного, преимущественно переднеазиатского происхождения. Обе разновидности золотых миниатюрных бляшек, гладких и орнаментированных наподобие розетки (рис. 5: 1—3), идентичны с найденными Д. Г. Шульцем в кургане I (ГЭ Ку 1903, 1/22—27).

В последнем, так же как и в рассматриваемом комплексе, встречены остатки панцирного набора, состоящего из железных и бронзовых пластинок. Впервые получен колчаный набор, связывающийся, в отличие от предыдущих келермесских находок, с определенным погребальным контекстом**. В разных местах могилы, но преимущественно возле конских захоронений, встречены 1 костяной и 75 бронзовых наконечников стрел (рис. 5: 18—36). Наибольшее многообразие форм свойст-

* Отметим ошибочность ссылки Н. Л. Членовой [26, с. 56, рис. 23: 2] на еще один сосуд раннескифского времени из Келермеса (?). Этот сосуд, опубликованный Б. Б. Пиотровским и А. А. Иессеном [22, табл. XIV: 2], относится к эпохе средней бронзы.

** Данные раскопкой и музейной документации не подтверждают предложенную П. Рау [28, с. 89, табл. 1] и повторенную вслед за ним А. И. Мелюковой [20, с. 17]

венно серии двулопастных наконечников, где выделяется 1 ромбический экземпляр жаботинского типа (рис. 5: 18), 11 листовидно-ромбических (рис. 5: 20, 21) и 25 листовидных (лавролистных и овальных, как их обычно называют) разных видов (рис. 5: 22—26). Среди трехлопастных наконечников 18 имеют листовидные головки (рис. 5: 27, 28) и 2 треугольно-сводчатые (рис. 5: 29). Группа трехгранных наконечников содержит 13 экз. с листовидными головками (рис. 5: 31—35) и 5—с треугольниками (рис. 5: 30).

Аналогичный состав демонстрируют колчаные наборы из старых раскопок в Келермесе, упоминавшиеся выше. Там, однако, нет ни одного наконечника жаботинского типа. Те 10 экземпляров, которые были причислены А. И. Мелюковой к данному типу, на самом деле принадлежат к выделенной нами группе листовидно-ромбических наконечников стрел. Последние в морфологическом отношении занимают промежуточное положение между наконечниками жаботинского и келермесского типов. Отсутствием жаботинских видов характеризуется и близкий к келермесскому, но менее разнообразный набор наконечников стрел из Краснознаменского кургана I, датирующегося серединой — третьей четвертью VII в. до н. э. [21, рис. на с. 47—54, 56—59, 60].

Довольно многочисленны сбруйные принадлежности, в ряде случаев оказавшиеся *in situ*. Все удила, как железные, так и бронзовые (1 экз.), сопровождалась железными трехпетельчатыми псалиями (одна пара с птичьей головкой на верхнем конце). Основную массу составляют уздечки с зооморфными пронизями-распределителями, относящиеся, соответственно классификации одного из авторов, к III группе наборной сбруи келермесского типа [8, с. 45]. Костяные поделки, а также бронзовые птицеобразные или клювовидные, как их часто называют, пронизы (рис. 6: 3—8, 19, 21) имеют ближайшие параллели в конских наборах из двух келермесских комплексов, раскопанных Н. И. Веселовским [8, с. 45—48, табл. 8: 3, 4, табл. 9: 4—7, 10—12]. Экземпляры с более детализированными птичьими головками (рис. 6: 9, 10, 24, 25) обнаруживают сходство с двумя бронзовыми, обтянутыми золотом, пронизками из

дифференциацию келермесских наконечников стрел на две группы, одна из которых происходит якобы из раскопок Н. И. Веселовского, а вторая — Д. Г. Шульца. Опубликованный П. Рау материал содержит депаспортизованные находки Д. Г. Шульца из курганов I и 4. Можно, впрочем, предположить, что вместе с ними смешались (если не были потеряны) 22 экземпляра из кургана I Н. И. Веселовского.

курганов 3 или 4 Д. Г. Шульца [8, с. 48, табл. 9: 28, 29]. Для бронзовой пронизи, оформленной в виде птичьей головки с не совсем ясным изображением на затылке (рис. 6: 12), нам известна единственная аналогия — петельчатые бляшки из раннеархаического комплекса в Ульском кургане № 1 1910 г. с изображением птичьей головки, дополненной мордой козла (рис. 6: 38; ГЭ Ку 1910 1/25). Уздечки с железными перстневидными бляшками, сходные, как уже отмечалось, с найденными на грунтовом могильнике (рис. 6: 34—37), образуют новую разновидность комплектов VI группы наборной сбруи келермесского типа [8, с. 50, 52, табл. 10: 20, 21]. Отметим присутствие точно таких же бляшек (совместно с железными стремявидными удилами и трехпетельчатыми псалиями) в кургане 406 у с. Журовка [11, табл. VIII: 15, 16] — комплексе, который, судя по вещевому инвентарю, синхронен с курганами I и 2 Н. И. Веселовского, восходящими к середине — 3-й четверти VII в. до н. э.

Исходя из приведенных аналогий, курган 24 может датироваться в пределах 2-й половины VII в. до н. э. Судя по составу уздечных комплектов (вариантность перстневидных бляшек, сочетание двух типов бронзовых пронизей — в виде схематичных и более детально разработанных птичьих головок), этот памятник, по-видимому, несколько моложе старейших скифских усыпальниц келермесской группы.

Опираясь на краткие и не слишком достоверные отчеты и чертежи Д. Г. Шульца, курган 24 может быть отождествлен с его курганом 3 или 4. В первом из них «вокруг человеческого погребения» располагались останки 21 коня, ориентированные на север, во втором (не докопанном Д. Г. Шульцем) лошади были выявлены только в западной части могилы и лежали головами на Ю. Правда, обе эти могилы, по данным Д. Г. Шульца, имели размеры 10,65×10,65 м (Архив ЛОИА, ф. 1, д. 1904/9, л. 51, 52)*.

* Таким образом, отчетливо проявилась концентрация скифских погребальных насыпей в северной части могильника. В 1986 г. экспедиция раскопала курган 23, расположенный рядом с курганом 24. Насыпь его была также прорезана глухой траншеей с С. Следов могилы обнаружено не было. Из находок отметим лишь бронзовый двулопастный наконечник стрелы. На основании выявленного в центре подкурганной поверхности мощного слоя жженой земли этот памятник можно соотнести с курганом 2 Д. Г. Шульца. По его сведениям, местные крестьяне вытащили оттуда два бронзовых котла, а сам он обнаружил в могиле только три небольших золотых предмета (Архив ЛОИА, ф. 1, д. 1904/9, л. 31, 32, 48).

Наметившиеся уже в кургане 24 параллели к комплексам грунтового могильника нашли более отчетливое выражение во впускном погребении, открытом в 1985 г. при раскопках кургана эпохи бронзы.

Курган 19, погребение 5 (рис. 7, 8). Находилось в северо-западном секторе у вершины насыпи, на глубине 0,55—0,66 м. Могильная яма не прослеживалась, так как уровень дна погребения находился почти на нижней границе пахотного слоя. По расположению элементов погребального комплекса можно предположить, что размеры могилы достигали 4×3,3 м.

Западная часть могилы. В 2,6 м к 3 от О (визуальная вершина кургана) было обнаружено захоронение коня 1. Он лежал головой на юг, на животе, с небольшим завалом на левый бок и подогнутыми ногами. В челюстях находились железные удила с кольчатыми окончаниями, приближающимися по форме к стремячовидным. С левой стороны черепа обнаружен железный, трехпетельчатый псалий со слегка загнутым концом (рис. 9: 2, 5), а под черепом — второй аналогичный экземпляр. У коленного сустава передней ноги лошади лежал железный остролистный наконечник копья, ориентированный острием на Ю (рис. 9: 9, 10). На нижней части пера и рядом обнаружены небольшие бесформенные железные пластинки. В 0,03 м к западу от места перехода пера во втулку встречена шаровидно-уплощенная буса из сине-зеленой пасты с желтой волнистой линией на боковой поверхности.

Севернее и западнее, вплотную к первому, находилось погребение коня 2, располагавшегося также на животе, головой на Ю. В челюстях находились железные удила со стремячовидными окончаниями, рядом — стержневидный железный псалий (рис. 9: 3). Выше конского черепа и под ним обнаружены 3 бронзовые цилиндрические пронизи-распределители, каждая с четырьмя сквозными отверстиями в слегка вогнутых стенках (рис. 9: 1). Слева и справа у задних ног коня лежали 2 большие гальки овальной формы, а справа в 0,3 м — 2 каменные плитки неправильной формы, помещавшиеся одна над другой (максимальный размер 20×10 см, толщина 1 см).

На площади 1,7×0,8 м восточнее коней 1 и 2 и вплотную к ним были обнаружены многочисленные фрагментированные бронзовые и железные (последние преобладали) панцирные пластинки, на некоторых из которых сохранилось от одного до двух отверстий (средние размеры пластинок 3×2,5 см). Чуть в стороне от основного скопления (в 0,4 м к В, под гальками в засыпи центральной части мо-

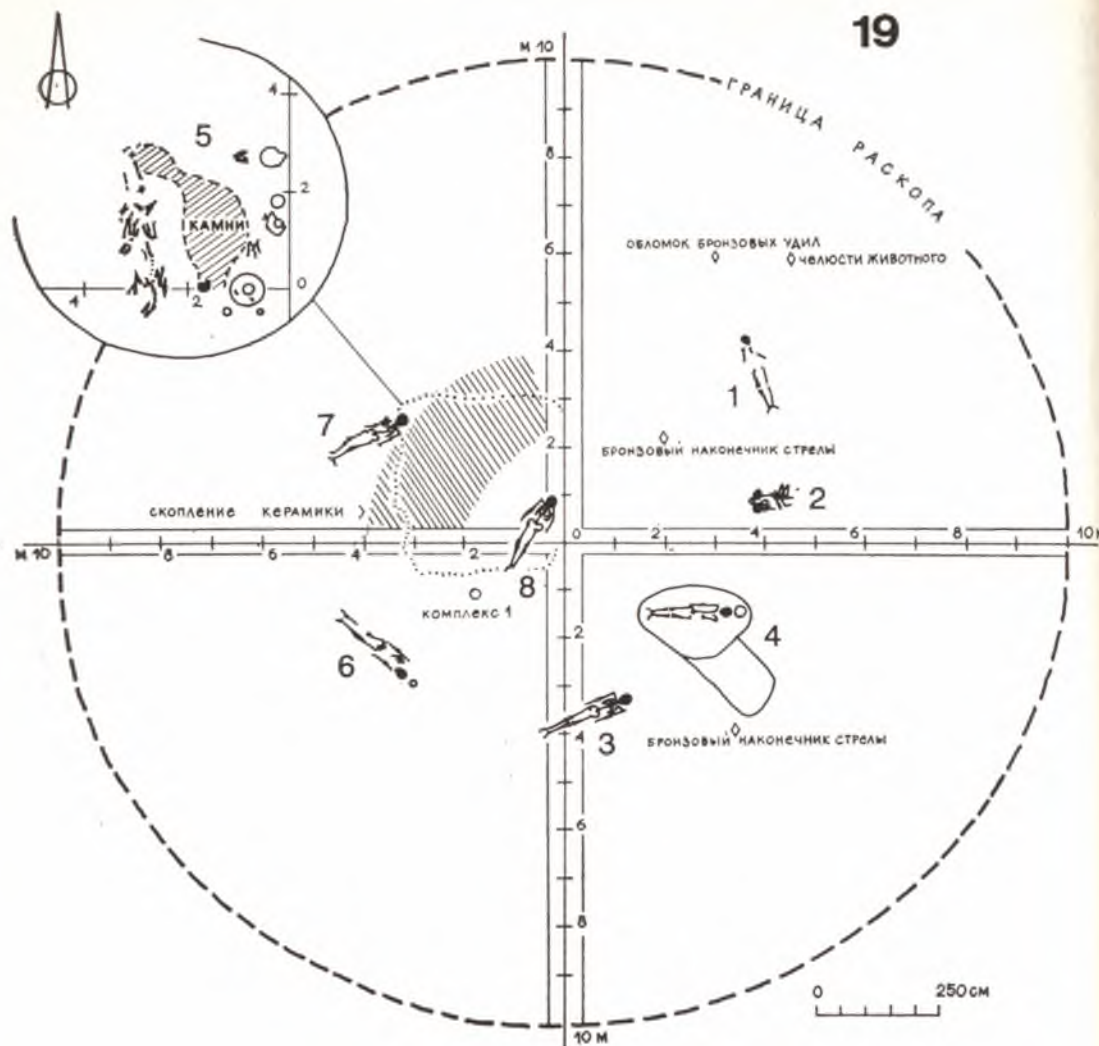

Рис. 7. Курган 19, погребение 5: общий план

гялы) была найдена одна полностью сохранившаяся бронзовая чешуйка прямоугольной формы с закругленным слегка выгнутым нижним краем и прямым верхним (3,3×2,3 см); чуть выше середины пробито три отверстия для прикрепления (рис. 9: 8). В целом все панцирные пластинки найдены в потревоженном состоянии, и лишь в одном случае был зафиксирован их небольшой блок.

Центральная часть могилы. С глубины около 0,3 м были зафиксированы многочисленные мелкие и крупные гальки, оказавшиеся в засыпи грабительской ямы. Скопление началось в 1,2 м к З от О и располагалось полосой шириной около 0,6 м и длиной 1,4 м в направлении на СЗ. Ближе к основанию массива галек их концентрация увеличивалась. У южного края на глубине 0,66 м лежал человеческий череп без нижней челюсти, тем-

нем на Ю, лицевыми костями на В. Другие кости скелета отсутствовали, но южная ориентировка погребенного очевидна. Внутри черепа слева в затылочной части был обнаружен бронзовый трехлопастный наконечник стрелы, направленный острием к темени (рис. 9: 7).

Восточная часть могилы. Здесь находился погребальный инвентарь, размещенный полосой вдоль восточного края могилы на глубине 0,58—0,62 м. В 1,25 м к З и в 0,5 м к Ю от О лежало бронзовое дисковидное зеркало (диаметром 11,1 см) со слегка приподнятым над краем валиком. В центре диска на двух столбиках высотой 1 см помещена бляшка в виде фигурки козлика с подогнутыми ногами (рис. 9: 6). В 0,5 м восточнее выявлено несколько фрагментов черноглиняного черпака.

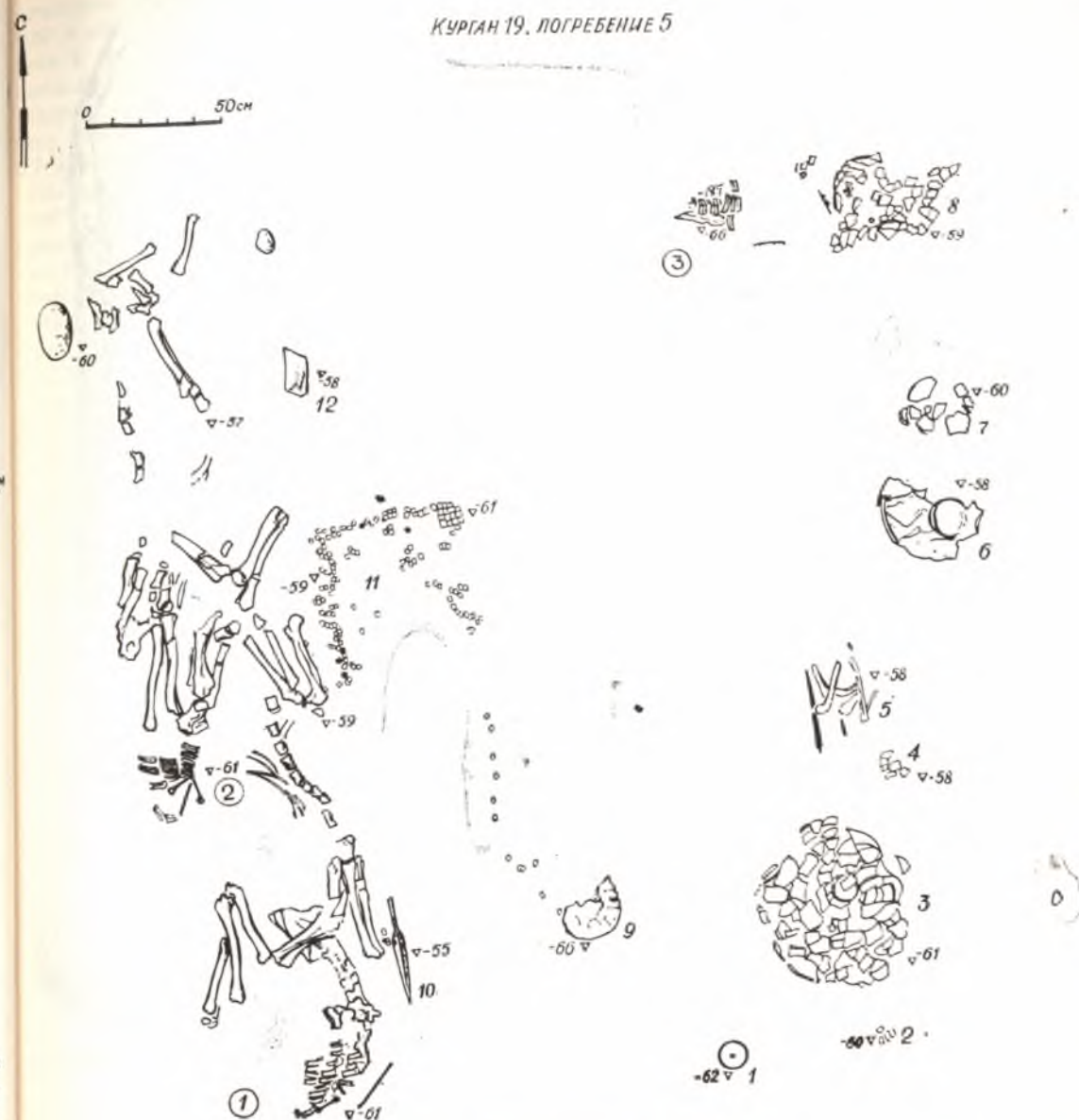

Рис. 8. Курган 19, погребение 5: план могилы

1 — бронзовое зеркало; 2 — фрагменты глиняного черепка; 3 — глиняная корчага; 4, 7, 8 — фрагментированные глиняные сосуды; 5 — железный нож и кости животного; 6 — фрагментированный бронзовый сосуд; 9 — человеческий череп; 10 — железный наконечник копья; 11 — скопление панцирных пластинок; 12 — каменные плитки

Далее в 0,2 м к С стояла большая раздавленная корчага с узким горлом и двумя налпными выступами на тулове. Еще далее к С в 0,25 м встречено несколько фрагментов от сосуда неопределенной формы. В 0,15 м к СЗ от этого скопления лежало несколько костей животного, среди которых оказался длинный железный однолезвийный нож, распавшийся на фрагменты. В 0,45 м на СВ стоял сильно фрагментированный бронзовый сосуд, склепанный из тонких листов

бронзы. Сохранилась одна литая круглая в сечении ручка с двумя выступами — стилизованными ушами или рогами животного (рис. 9: 11). Далее в 0,2 м обнаружена миска с загнутым внутрь венчиком (рис. 9: 13). Южнее зафиксировано большое скопление черепков от нескольких сосудов. Выше этого скопления на глубине 0,4 м находились фрагментированные железные удила со слегка перевитым стержнем грызла. Здесь же на глубине 0,59 м найдены 2 железных фрагментированных

пестельчатых псаля. В 0,4 м к 3 на глубине 0,66 м обнаружен плохо сохранившийся череп коня 3. Близ этого черепа найдены железные кованые удила со стремявидными внешними петлями и фрагмент железного трехпестельчатого псаля. В 5 м к 3 на глубине около 0,7 м обнаружена бронзовая пронизь, аналогичная описанной выше. Принадлежность этих предметов к комплексу погребения 5 представляется очевидной. Помимо них в разных местах насыпи встречены фрагмент бронзовых стремявидных удили, трехгранный и двуплостный бронзовые втульчатые наконечники стрел (рис. 9: 4, 12), также, очевидно, связанные с представленным комплексом.

В могиле был погребен юноша или молодая женщина (определение А. В. Шевченко, ЛОИА).

Рассмотренное погребение, несмотря на ряд особенностей, может быть сопоставлено с комплексами Келермесского грунтового некрополя. На это указывают такие детали погребального обряда, как южная ориентировка покойного, захоронение лошадей в западной части могилы, порядок размещения вещевого инвентаря (в основном слева и за головой погребенного), присутствие каменных плиток. В то же время оно выделяется рядом весьма примечательных признаков. Во-первых, могила была впущена в курганный насыпь, она отличается довольно большими размерами, количеством погребенных лошадей и обилием инвентаря. Во-вторых, погребение № 5 обнаруживает очевидную близость к погребению из кургана № 1 Д. Г. Шульца (местоположение его до сих пор не установлено), откуда происходят знаменитые предметы торевтики: бляха-пантера, парадная секира и акинак. В своем отчете, представленном в ИАК, Д. Г. Шульц так описывает этот памятник: «Курган имеет диаметр 30 сажень, высоту 3 сажени. Он разрезан мною с юга на север и могила-склеп оказалась на северной стороне диаметром две сажени и глубиной 1 аршин. Костяк лежал головою к югу, а на правой стороне костяка лежал конь спиной к востоку и без головы» (Архив ЛОИА, ф. 1, д. 1903/88, л. 31 и сл.). Правда, ряд сведений отчета Д. Г. Шульца не совпадает с данным чертежной схемы кургана (рис. 10). Там указана, в частности, высота насыпи в 2 сажени, диаметр в 25 сажень, длина стороны могилы (квадратной в плане) — 3 сажени (Архив

ЛОИА, ф. 1, д. 1903/88, л. 43). Некоторые расхождения касаются и размещения в могиле инвентаря. По отчету, в северной ее части был обнаружен бронзовый шлем с золотой диадемой и две пары удили (на чертеже эти вещи показаны в южной части могилы). Справа от костяка были найдены золотая секира, акинак и еще один меч («маленький тесак с покрытой золотом ручкой»), а также два наконечника копий (последние помещены на чертеже к югу от погребенного). Слева лежала золотая бляха в виде пантеры и были разбросаны панцирные пластинки, золотые бляшки-пуговицы, наконечники стрел. Судя по обозначениям на чертеже, золотые бляшки были и при коне.

Смещение могилы относительно центра кургана и ее небольшие размеры сравнительно с другими келермесскими гробницами позволяют предположить, что она либо не была докопана Д. Г. Шульцем, либо носила впускной характер. Во всяком случае, уже при самом беглом сравнении становится очевидной гораздо большая близость погребения из кургана 1 не к большим могилам, раскопанным Д. Г. Шульцем и Н. И. Веселовским (курганы 24, 27, 31), а к погребению № 5 кургана 19. Ряд деталей этих погребальных комплексов близко совпадает: расположение в северо-западном секторе кургана, впускной характер могилы (для погребения, исследованного Д. Г. Шульцем, — предположительно), размеры могил, сравнительно малое число погребенных коней, южная ориентировка скелетов, наличие отдельных уздечек; некоторые элементы являются как бы зеркальными: лошади в погребении № 5, как и в других меотских могилах, лежали с 3, у Д. Г. Шульца — с В; то же касается и копий. Но детальное сравнение, разумеется, осложнено огрубленностью погребения № 5 и не слишком достоверным характером сведений Д. Г. Шульца.

Близость некоторых категорий погребального инвентаря грунтовых могил келермесского некрополя и больших скифских курганов очевидна. Прежде всего это относится к стрелковому оружию, конскому снаряжению. Вещевой набор погребения № 5 это вполне подтвердил: бронзовое зеркало типологически сходно с зеркалом, найденным Н. И. Веселовским в кургане 2 [23, с. 88, рис. 4], бронзовый сосуд находит аналогично как среди инвентаря того же кургана, так и памятников,

Рис. 9. Курган 19, погребение 5: погребальный инвентарь

1-5 — сбруйные принадлежности; 6 — бронзовое зеркало; 7, 12 — бронзовые наконечники стрел; 8 — бронзовая панцирная пластинка; 9 — железный наконечник копы; 10 — стеклянная бусина; 11 — фрагмент бронзового сосуда; 13 — глиняная миска

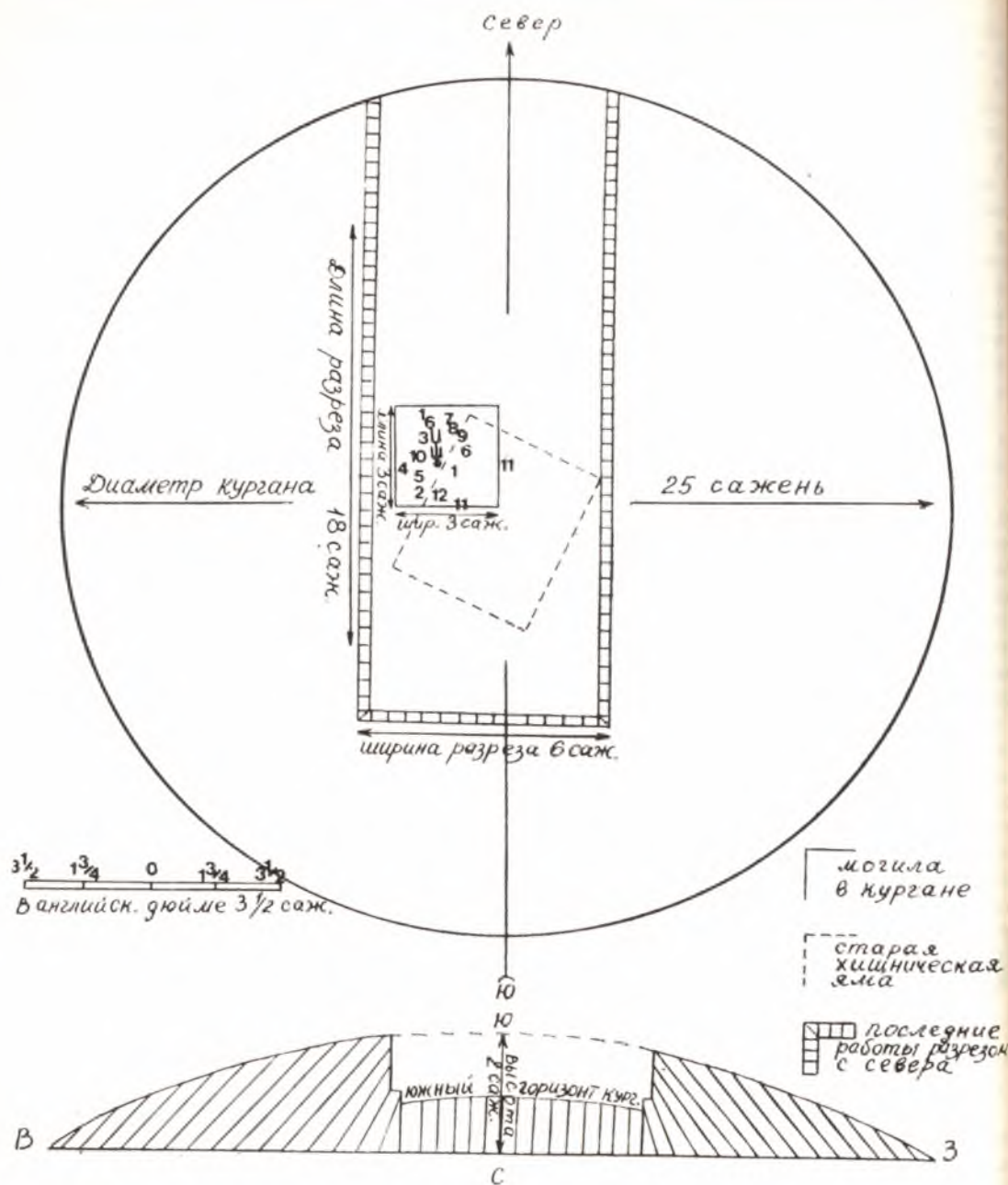

Рис. 10. Курган 1, раскопки Д. Г. Шульца (1903 г.): схематический план и разрез кургана (по рисунку Д. Г. Шульца)

раскопанных Д. Г. Шульцем (Архив ЛОИА, ф. 1, д. 1904/9, л. 48); типы наконечников стрел практически тождественны скифским; конская узда имеет обычный скифский облик (исключая отсутствие зооморфных украшений).

Таким образом, в настоящее время на келермесском могильном поле совершенно определенно выделяются две группы памятников

раннескифского времени, дискретные по признакам погребального обряда и частично сходные по составу заупокойного инвентаря. К первой группе относятся курганы высотой 2—4 м, возведенные над могилой большого размера с деревянными конструкциями внутри и содержавшие многочисленные конские захоронения. Погребения людей сопровождаются обильным и разнообразным инвентарем.

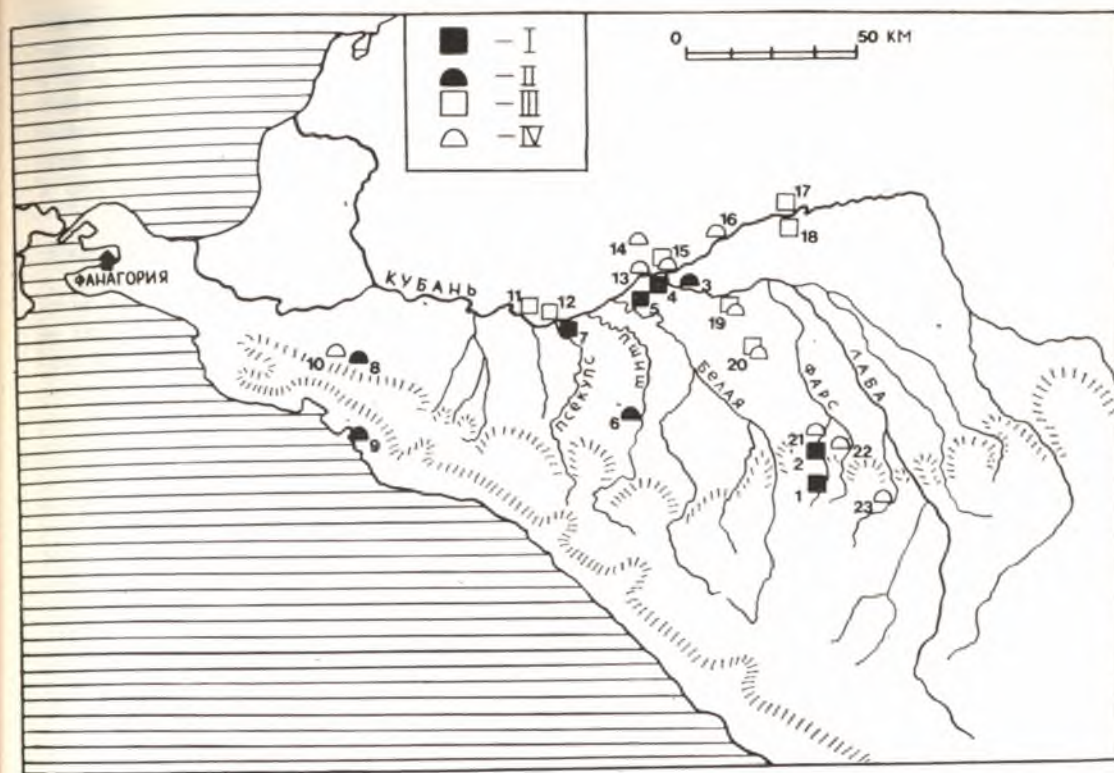

Рис. 11. Карта распространения прото- и раннемеотских могильников Прикубанья

I — грунтовые могильники VIII — 1-й половины VII в. до н. э., II — курганные захоронения VIII — 1-й половины VII в. до н. э.; III — грунтовые могильники середины VII—VI в. до н. э., IV — курганные захоронения середины VII—VI в. до н. э.

1 — могильник на р. Фарс; 2 — могильник Ясенева поляна; 3 — ст-ца Некрасовская, курган 3; 4 — Кубанский могильник; 5 — Николаевский могильник; 6 — ст-ца Гурийская, курган 5; 7 — Псекупский могильник 1; 8 — Абисский могильник; 9 — Геленджик; 10 — ст-ца Крымская, курганы 1, 2; 11 — хут. Ленина; 12 — Пашковский могильник 3; 13 — ст-ца Воронежская, курган 17; 14 — ст-ца Раздольная; 15 — Усть-Лабинские могильники 2 и 3, курган 30; 16 — ст-ца Ладжская, курган 22; 17 — ст-ца Тбилисская, могильник 2; 18 — Ново-Пеховский могильник; 19 — Ульяновский и Уляпский могильники; 20 — Келермесский могильник; 21 — ст-ца Махшевская; 22 — Костромской курган; 23 — ст-ца Бесленевская, курган

Вторую группу составляет ряд погребений, характеризующихся впускными или бескурганными грунтовыми могилами (размеры которых значительно меньше предыдущих), единичным или небольшим количеством конских захоронений, южной ориентировкой погребенных и другими деталями, специфичными для меотского погребального обряда — присутствием в могилах галек, каменных плиток. По-видимому, именно к этой группе может быть причислено и богатейшее погребение 1903 г., ряд находок из которого непременно выступает в качестве эталонных элементов скифской архаической культуры (золотая бляха-пантера, парадная секира и акинак, днадема).

Чрезвычайно важно, что археологическая ситуация сочетания грунтовых и курганных погребений фиксируется и в не менее известном, чем Келермесский, Ульском, а также Уляпском могильниках. Там открыты два грунтовых кладбища, чуть более поздние, чем Келер-

месское, по времени (VI—IV вв. до н. э.), но обладающие сходными чертами в обряде погребения — скорченные и вытянутые захоронения, южная ориентировка скелетов [24, с. 70 и сл.].

Уяснение соотношения двух гетерогенных групп Келермесского могильника, первая из которых большинством исследователей признается скифской, а вторая меотской, т. е. соответственно относящихся к пришлой и местной культурам, — чрезвычайно важная, но и деликатная задача. Исходной посылкой для решения этого вопроса является, несомненно, их синхронность и функционирование на одном участке в непосредственной близости друг от друга. В то же время отмечается как будто и некоторая отчужденность, подчеркнутая топографическим барьером в границах могильника (все скифские курганы концентрируются в его северной части, все «меотские» погребения — в центральной).

На наш взгляд, скифская этническая принадлежность первой группы пока не подлежит сомнению. Но какова может быть этническая атрибуция меотской культуры, точнее — того ее культурного горизонта, который представлен серией так называемых протомеотских и раннемеотских могильников? К VIII—VII вв. до н. э. в Закубань относятся Николаевский, Кубанский грунтовые некрополи, могильники Ясенева Поляна, на р. Фарс, Келермесский и ряд других [12, л. 10] (рис. 11). Все они чем-то сходны между собой, прежде всего — предметами вооружения, конского снаряжения, в меньшей степени керамики, но есть и отличия, касающиеся инвентаря и обряда погребения [ср. 12, л. 10, 11]. Так, например, в Кубанском могильнике нет черпаков с пельчатой ручкой, характерных для раннемеотских памятников. В протомеотском могильнике на р. Фарс преобладает западная ориентировка погребенных, в отличие от более обычной южной [24, с. 58]. Традиционно считается, что эти памятники составляют единый этнокультурный пласт местных кавказских племен, говоривших преимущественно на языках абхазо-адыгской группы, имеющий продолжение и в V—IV вв. до н. э. Однако в последнее время некоторые исследователи предполагают наличие в Западном Предкавказье в местной кавказской среде очагов распространения индоарийских этнических элементов [17, с. 118—120; 25]. Реконструкция Л. А. Лелековым обряда Ульского кургана 1898 г. как восходящего к индоарийскому обряду ашвамедхи особо важна в этой связи, поскольку относится к памятнику, входящему, так же как Келермес, в некий скифо-«меотский» конгломерат. Помимо возможных индоарийских элементов, в этническом массиве Прикубанья издревле присутствовали некоторые иранские (кроме собственно скифских) компоненты. Наиболее известным и древнейшим из них является племя дандариев, этникон которых имеет иранскую этимологию [1, с. 286]*. Таким образом, культурное, этническое, лингвистическое заполнение территории Среднего Прикубанья и Закубанья в VIII — начале VI в. до н. э. представляется сейчас достаточно сложным и многообразным. Можно предполагать, что взаимодействие скифов с отдельными местными племенами проходило не только в сфере политической и культурной, но и этнической, чему могла способствовать их генетическая и языковая общность. Что же касается давно внедрившегося

* О. Н. Трубочевым предложена иная, индоарийская этимология: *dand-arya* — «кмышовые арии».

в литературе и очень широкого по приложению этнонима «меоты», то он, по существу, не является этнонимом в полном смысле, а скорее указывает на своеобразное географическое, прибрежное положение ряда приазовских и кубанских племен [19, с. 42] и крайне неудачно применяется по отношению к территории Закубанья*.

Решение проблемы реконструкции этнической истории Закубанья VII—VI вв. до н. э. исключительно только археологическими методами не может быть полноценным, но ряд ее аспектов все же проясняется. Очевидная близость материальной культуры и исторических судеб двух выделенных на Келермесском могильнике групп, высокая степень вооруженности этого населения, указывающие, вероятно, на сходство не только культуры, но и способа жизнедеятельности носителей этих памятников, это, по-видимому, лишь частный случай каких-то гораздо более сложных процессов, протекавших на всей территории Предкавказья в эпоху скифской архаики. В данной связи можно отметить, что, интерпретируя чрезвычайно близкие по ряду черт к келермесским захоронениям (особенно «меотским») архаические курганные погребения у с. Нартан в Центральном Предкавказье, исследователи признают их кочевнический, «скифский» характер и даже возможный иранский этнический облик [4, с. 53].

Этногеографическая карта Закубанья VII—VI вв. до н. э. сейчас во многом не ясна. Сложность этого вопроса усугубляется и мно-

* Фактически термин «меоты» впервые появляется лишь у Геродота, то есть в 3-й четверти V в. до н. э., и, значит, относить появление упоминаний о собственно меотах к VI в. до н. э., как это принято в литературе, вряд ли правомерно. К тому же у Геродота описание рек, протекавших через землю меотов (Геродот, IV, 123), вообще делает их географическую локализацию не слишком ясной, если учесть существование мнения, следуя которому, все эти реки — Лик, Оар, Танаис и Сиргис — включаются в гидронимику Северного Приазовья, что указывает на меотов как на непосредственных соседей скифов. Также и два других самых близких по времени к Геродоту автора описывают меотов всегда в одном контексте со скифами. Ксенофонт: «В Европе скифы господствуют, а меоты им подвластны». Гелланник: «Когда проплывать Боспор: будут синды, а выше их меоты и скифы» [16, с. 436]. Последние отождествляются И. С. Каменецким с дандариями [12, л. 7]. Объединение же всех конкретно известных для данного времени племен под одним названием есть результат позднейшего переосмысления (во всяком случае произошло это не раньше IV в. до н. э.) этногеографии Тамани и Прикубанья (см., напр.: Страбон, XI, 2, 11).

значностью нарративных источников. Так, с нашей точки зрения, следует, пожалуй, обратить внимание на возможность обитания в этом районе какой-то части иранцев-дандариев — «державших реку» [1, с. 286] или «козеводов» [13, с. 68]. В литературе, как известно, утвердилось мнение об обитании дандариев вдоль нижнего течения Кубани и на побережье Меотиды [18, с. 127 и сл.; 25; 27, рис. 2]. Основанием для такой локализации служат в основном данные, относящиеся ко времени после V в. до н. э. Но совершенно ясно, что однозначно экстраполировать ситуацию, например, IV в. до н. э. в VII—VI вв. до н. э. далеко не всегда возможно. Самое раннее, датирующееся VI в. до н. э., известие о прикубанских племенах, в том числе и дандариях, принадлежит Гекатею из Милета в пересказе Стефана Византийского: «дандарии народ у Кавказа» [16, с. 1, фр. 161]*. Это упоминание широко известно и цитируется, но ни один из современных исследователей не привел объяснения не вполне ясного, но все же заметному несоответствию локализации дандариев, по Гекатею, относительно более поздних данных. Более того, иногда слова Гекатея трактуются как определенное указание на обитание дандариев «на азовском побережье, к северу от Кубани» [12, л. 12]. Помимо дандариев, «народом у Кавказа» Гекатей называет также типаниссов (по другим источникам неизвестных) и колов — горцев Западного Кавказа. То, что та-

* И. С. Каменецкий считает, что конкретным известием о наиболее раннем населении Прикубанья является сообщение Евстафия [16, с. 314], основанное на данных Арриана, о киммерийцах возле Боспора Киммерийского [12, л. 5]. Но это сообщение никоим образом нельзя считать достоверным и однозначным источником, так как цитируемое место относится к схолии, в которой приводится целая подборка известных автору мнений о киммерийцах. Сам он, видимо, действительно считал их историческим народом, «небольшая часть которого, говорят... двинувшись с киммерийского Боспора — назывались они, говорят, трирами — обошла большую часть Азии» [16, с. 314]. Но из этого отрывка никак не вытекает прикубанская локализация киммерийцев, да к тому же и по существу это свидетельство скрывает ряд неясностей: то, что часть киммерийцев осталась у Боспора, а также их тождественность с фракийцами-трерами. Что же касается ссылки на Арриана, то сведения последнего у Евстафия буквально изложены так: «Арриан говорит, что скифское племя киммерийцев, поднявшись со своей родины и вреда всем встречавшимся на пути, дошло до Вифинии» [16, с. 314]. Как мы видим, каких-либо конкретных указаний на боспорскую, таманскую или прикубанскую родину киммерийцев здесь также нет.

кая локализация подразумевает обитание в относительной глубине материка, подтверждается упоминанием другого племени — иксибатов, «народа у Понта», соседнего с Синдикой» [16, с. 1, фр. 166]. Здесь совершенно определенно указывается на прибрежный район для иксибатов и синдов, что в данном случае вполне согласуется и с позднейшими сведениями. Гекатей упоминает дандариев в описании Европы. Граница же двух материков — Европы и Азии, по Гекатею, определяется с трудом; ею может быть Фасис, Танаис — Сыр-Дарья, Танаис — Кубань [15, с. 144—148]. Но, поскольку Фанагорию и Синдику Гекатей помещает в Азии [16, фр. 164, 165], наиболее вероятно, что в его представлении граница проходила по одному из русел сложной дельты Кубани и ее нижнему течению. В таком случае дандарии действительно оказываются на правобережье Кубани, где их и помещают современные исследователи. Вместе с тем очевидно, что верхнее течение реки с ее многочисленными притоками не могло быть хорошо известно эллинам VI в. до н. э. или могло читаться иначе, чем сейчас*. Поэтому и не лишено основания очень гипотетичное предположение о дандариях, живших еще и у Кавказа или другом иранском или родственном индоарийском населении, как обитателей средней части Закубанья. Если это были дандарии, то к VI—V вв. до н. э. они могли оказаться вытесненными в низовья реки и их этническая граница сузилась.

Второй важный аспект, связанный с открытиями в Келермесе памятниками, относится к их социальной интерпретации. В связи с этим необходимо произвести учет и тех данных, которые были получены в процессе раскопок грунтового могильника. Большинство из погребенных там лиц были мужчины в возрасте от 20 до 50 лет, чаще 30—40 лет (14 погребений); одна могила принадлежала юноше. Из девяти погребенных женщин одна была старше 45 лет, остальные умерли в возрасте 20—35 лет. Детских могил всего две: в одной покоился десятилетний мальчик, в другой — девочка**. Помимо половозрастной характеристики накопленный материал позволяет также расчленить всю совокупность погребений на несколько групп, обладающих

* Так, «иранское название Кубани Сардан сохранилось за верховьями притока Кубани Большой Лабь (долина Загедан)» [14, с. 62].

** Антропологические определения проводились сотрудниками ИЭАН А. Г. Козинцевым (1981, 1982, 1984 гг.), В. П. Алексеевым и И. И. Гохманом (1983 г.), А. В. Шевченко (1985 г.).

Таблица
Дифференциация погребений Келермесского грунтового некрополя

№ погребения/комплекс	скорченное погребение	вытянутое погребение	керамика	нож	напутственная мясная пища	каменная плитка	копье	оселок	пряслице	зеркало	стрелковое оружие	секира	коня	шкура коня	панцирь	металлическая посуда	мужчина	женщина	ребенок
1	*																		
3	*																		
6	*																		
7	*																*		
10	*																	*	*
11	*																		
13	*																		
17	*																		
28	*																*		
27a	*																*		
I группа																			
2	*																		
9	*																		
14		*																	
15		*																	
19		*																	
20		*																	
21	*	*																	
22	*	*																	
23	*	*																	
33	*	*															*		
II группа																			
4	*																		
8	*																		
16	*																		
24	?																*	*	*
25	*																*	*	*
26	*																*	*	*
32a	*																*	*	*
III группа																			
5		*																	
12		*																	
18		*																	
23		*																	
27		*																	
IV группа																			
29		*															*		
30		*															*		
31		*															*		
32		*															*		*
V группа																			
5/19	?	*	*	*	*	*			*	*		*	?	*	*	?	?	?	?

специфическим набором признаков. В число последних могут быть включены данные об особенностях и размерах погребальных сооружений, присутствие конских захоронений, состав погребального инвентаря в целом и паноплии в частности. Именно такие признаки выделяются в разряд значимых большинством исследователей, обращавшихся в последнее время к анализу структуры скифского общества [5, с. 15—18; 6, с. 91—101]. Сравнительно небольшая источниковая база позволяет оперировать этими признаками без использования ставших уже традиционными формализованных методов. В результате намечаются следующие группы погребений, иерархия которых отражает, по-видимому, сословную дифференциацию местного общества (см. таблицу):

I группа (10 погребений) составляют скорченные мужские и женские безинвентарные захоронения.

II группа (8 погребений) образуют скорченные и вытянутые мужские и женские захоронения, сопровождающиеся в основном керамикой; в трех случаях зафиксированы также нож, каменная плитка, напутственная пища.

III группа (7 погребений) включает скорченные и вытянутые мужские и женские (последние преобладают) погребения, содержащие разнообразный инвентарь: копья, оселки, каменные плитки, пряслица, зеркала, керамика; в одном случае копье встречено в женской могиле.

IV группа (9 погребений) представлена вытянутыми мужскими (преобладают) и женскими захоронениями в сопровождении коней, конских шкур, копий, секир, стрел, зеркал, керамики; один раз захоронение коня и копье засвидетельствованы в женской могиле; секиры и стрелковое оружие характерно только для мужского заупокойного инвентаря.

Все погребения I—IV групп совершены в грунтовых могилах, размеры которых соответственно увеличиваются. Планиграфически эти группы на территории грунтового могильника не выделяются.

V группа (погребение в кургане 19) выделяется впускным характером могилы, ее большими размерами, наличием нескольких конских захоронений. Из предметов вооружения здесь впервые встречен панцирный доспех. Впервые также наблюдается присутствие вещей с элементами звериного стиля, полностью отсутствующих в предыдущих комплексах (кавказский клепаный сосуд и диско-видное зеркало с зооморфно оформленными ручками). Эти вещи являются несомненно по-

казателем социальной значимости погребенного.

VI группа. К ней пока можно предположительно отнести лишь одно захоронение в кургане 1 Д. Г. Шульца. Примечательно, что в этом богатейшем комплексе также была найдена секира — признак погребений IV группы. Но в качестве дополнительных элементов паноплии здесь следует отметить мечи и шлем, и, по-видимому, щит с золотой эмблемой, неизвестные в других группах.

VII группу (4 захоронения) составляют гробницы в «больших» скифских курганах, раскопанных Д. Г. Шульцем и Н. И. Веселовским*.

Все эти группы отражают существование неоднородной в социальном отношении и полиэтнической по своему составу общественной структуры с ведущей в ней ролью скифского этнического компонента [7, с. 164]. Археологическим подтверждением этого помимо прочего можно считать существование двух групп конских захоронений в кургане 24, отличающихся, как выше уже отмечалось, характером снаряжения и украшения конских оголовьев. Определенную аналогию этому явлению можно усмотреть в структуре такого памятника, как курган Аржан, где кони, по мысли М. П. Грязнова, «являлись приношениями от подчиненных «царю» общественных подразделений» [10, с. 50].

* Мы полагаем, что нет оснований рассматривать выделенные группы (это относится к I, с одной стороны, и к II—IV — с другой) в качестве хронологических этапов развития обряда погребения в данном обществе. Представление о том, что скорченные захоронения являются самыми ранними в грунтовых могильниках (относительно Николаевского см., напр. [3, с. 115]), скорее всего ошибочно. Для Келермесского некрополя это подтверждается топографией могил [7, с. 157—159]. К тому же в Николаевском могильнике, например, выделяется серия сравнительно более ранних, чем в Келермесе, погребений, которая по некоторым элементам (вытянутое положение скелетов, наличие оружия, конского снаряжения) может быть сопоставлена с выделенной нами IV группой могил. Более того, скорченные погребения известны и в поздних памятниках Прикубанья [2, с. 205].

Рис. 1. Олени идущие. Дерево. (II Туэктинский курган)

отростков, заостренных на конце. Завершается ветвь двумя отростками, расходящимися в разные стороны. Каждая фигура оленя пропорциональна, с закругленным крупом, коротким хвостиком, с четырьмя легкими стройными ногами с четко выделенными копытами. Ноги раздвинуты, показаны в «шаге», животные двигаются свободно и раскованно. В верхней части ног вырезаны «треугольники». Плечо и круп оленей подчеркнуты спиралевидной фигурой, которую С. И. Руденко назвал «турьим рогом» [22, с. 127, 133]. Между этими фигурами помещается значок в виде «треугольника». Такая художественная манера присуща памятникам Центрального Алтая, а также изображениям оленей из Тисульского могильника Ачинско-Марининского района тагарской культуры в Минусинской котловине [7, с. 112, рис. 1].

Рассматривая изображения оленей из Второго Туэктинского кургана, обратим внимание на трактовку рогов, являющуюся главным стилистическим признаком в передаче образа оленя, и сравним туэктинских оленей по этому признаку с имеющимися ранними изображениями оленей с территории евразийских степей. Рога туэктинских оленей довольно близки натуре. По форме их можно сопоставить с рогами золотых летящих оленей из Чиликтинского кургана в Казахстане (рис. 2). В сравнении с туэктинскими у чиликтинских

оленей отростки рогов больше направлены назад. У чиликтинских оленей вся ветвь рога прижата к спине, у туэктинских — рога располагаются параллельно спине, не соприкасаясь с ней. У туэктинских оленей два лобных передних отростка рога, у чиликтинских — один. Именно по этому признаку туэктинские олени сближаются с оленями из Зивие, севернопричерноморскими, из кургана Иссык, а также с петроглифами Тувы и Монголии [1, с. 106, табл. 25; 12, табл. 22; 18, рис. 46].

Еще одна стилистическая черта, свойственная туэктинским оленям: у них открыт рот, они «трубящие» олени. Этот признак часто встречается у оленей с длинными клювовидными мордами, высеченных на скалах Тувы и Монголии, относящихся к раннескифскому времени [12, с. 58, 59, табл. 10; 18, рис. 46].

Что касается самого сюжета — шествие животных, мотив этот довольно часто встречается на Алтае. Известен он также в художественном творчестве скифов и саков, но особенно был популярен у народов Передней Азии, откуда он, вероятно, и пришел на Алтай [6, с. 83, 84].

Сюжет б: лежащие олени.

Этот мотив представлен 16 идентичными бляхами, украшающими узду и нагрудник из Первого Пазырыкского кургана (рис. 3: 1). Композиция каждой бляхи состоит из двух симметрично повернутых друг к другу лежа-

Рис. 2. Олени «в позе с подогнутыми ногами»

1 — V Чиликтинский курган, 2 — Минусинский музей, 3 — Костромской курган, 4 — Полтавская обл.; 5, 6 — Мельгуновский курган; 7 — Зивие; 8, 9 — Келермес; 10 — I Пазырыкский курган. (Для наглядности все изображения приведены к одному масштабу; 1-9 — подборка по С. С. Черникову)

Рис. 3. Олени в разных позах

1 — олени лежащие (I Пазырыкский курган); 2 — олень прыгающий (I Пазырыкский курган); 3 — симметричная композиция из двух фигур (I Пазырыкский курган); 4 — олень стоящий (II Пазырыкский курган); 5 — «свободная» фигура оленя (V Пазырыкский курган); 7, 8 — наверхия (II Пазырыкский курган)

щих оленей, соприкасающихся животами. Рога, обрамляющие пластину с двух сторон, очерчивают каждую фигуру мягкой зигзагообразной линией, придающей всей пластине ажурность и декоративность. Так же декоративно решено пространство между шеями двух оленей, заполненное бутонотом лотоса. Каждая фигура в отдельности выполнена по существующему скифскому канону и изображает оленя в позе «с подогнутыми ногами». У животного задние ноги не проработаны вообще, а передние, тонкие, весьма схематичные, проходят вдоль шеи, подпирая подбородок, играя одновременно роль чашелистников, обрамляющих бутон лотоса. Отсутствие ног, возможно, объясняется тем, что мы имеем дело не с одиночной фигурой, а с построением из двух изображений. Композиция несомненно отяжелела и погубела бы за счет удвоенного количества ног. Возможно и другое объяснение: отсутствие ног может быть связано с существующей в Саяно-Алтае художественной традицией изображения оленя с преувеличенно длинным телом, «клювовидной мордой» и как бы обрубленными ногами; такие изображения известны на оленьих камнях и петроглифах Монголии и Тувы [11, с. 95; 12, с. 53]. Пазырыкская иконография образа оленя, по всей видимости, является одним из вариантов распространенного сюжета оленя «с подогнутыми ногами», известного на Алтае только с V в. до н. э., т. е. позднее, чем у скифов и саков.

Появление в скифском искусстве образа оленя «с подогнутыми ногами» надлежит искать, по мнению Н. Л. Членовой, в художественном творчестве древнего Ирана, которому, в свою очередь, предшествовали памятники Месопотамии III и II тысячелетий до н. э. [26, с. 3]. В ее статье приводится схема, демонстрирующая происхождение образа оленя «с подогнутыми ногами» от оленей из Зивие, а тех, в свою очередь, от изображений на сиро-хеттских печатях [26, с. 4, рис. 1]. Действительно, до недавнего времени изображения из Зивие считались древнейшими, но с момента открытия петроглифов в Монголии и Туве изменились представления по этому вопросу. Так, в 1977—1979 гг. в Северной Монголии на берегу реки Чулуут были обнаружены петроглифы, среди которых большой интерес вызывает камень № 68. На нем выбиты изображения колесниц, на одной из них стоит возница, стреляющий из лука в оленя, представленного в позе «с подогнутыми ногами», с длинной «клювовидной мордой» и вертикальными рогами. Э. А. Новгородова относит изображения колесниц и оленя в указанной позе к эпохе бронзы [18, с. 73]. Автор высказывает также предположение, что именно этот образ оленя, в ко-

тором сочетаются разные стилистические и хронологические признаки, является собой «один из самых ранних вариантов оленя в зверином стиле» [26, с. 72, 73]. В этой связи большой интерес вызывают некоторые наскальные изображения Тувы. На верхнем Енисее, вдоль древней тропы, называемой «дорогой Чингисхана», среди множества изображений особенно любопытны две фигуры оленей, выполненные одновременно: одно животное в позе «на цыпочках», другое — «с подогнутыми ногами». Обе фигуры трактованы идентично: у оленей головы с большими гребенчатыми рогами, круглым глазом, выступающим за пределы головы, ухом, как бы вырастающим из глаза, и длинной «клювовидной» мордой с открытым ртом [12, с. 57, табл. 10]. Подобная иконография образа оленя «на цыпочках», близкая стилистическая манера проработки фигуры животного известны на оленьем камне из Аржана [9, рис. 29]. М. П. Грязнов и М. Х. Маннай-оол считали, что аржанский камень был сделан намного раньше самого сооружения кургана, и датировали его XII—IX вв. до н. э. [11, с. 195]. Примерно к этому же периоду относит М. А. Дэвлет петроглифы «дороги Чингисхана», относя их к концу эпохи бронзы, начала железа [12, с. 52]. Таким образом, поза оленя «с подогнутыми ногами» известна среди наскальных изображений и оленьих камней Монголии и Тувы с конца бронзового и начала железного века. Естественно предположить, что мотив пришел на Алтай именно из этого региона, в пользу этого говорит и сама иконография образа оленя «с обрубленными ногами», характерная для Саяно-Алтая.

Сюжет в: прыгающий олень.

Этот сюжет представлен парой псалнев из Первого Пазырыкского кургана, вырезанных из дерева в виде фигуры оленя в стремительном прыжке (рис. 3: 3). Поднявшись быстрому движению, тело животного сильно вытянуто по горизонтали, выдвинута вперед голова с прижатыми ушами и запрокинутыми на спину рогами.

Зоолог Н. М. Ермолова, занимавшаяся определением и интерпретацией некоторых поз животных, высказала мнение, что пазырыкский олень на псалне изображен в стадии свободного полета [13, с. 326]. При таком прыжке у оленя согнуты передние ноги в коленях, задние сильно выброшены назад. В фигуре животного, строго повернутой в профиль, в вытянутой вперед голове, отягощенной ветвистыми рогами, стелющимися вдоль спины, легко узнается эталонный образец скифского искусства — костромской олень. Однако нетрудно заметить, что по положению ног пазырыкский олень отличается от скифского. Тем не менее,

на наш взгляд, вполне правомочно сопоставить по стилистическим особенностям два древнеалтайских сюжета — *б* и *в* с изображениями оленей в позе «с подогнутыми ногами» с территории евразийских степей и Зивие и проанализировать их художественную манеру (рис. 2) [25, с. 53].

1. Рога пазырыкских оленей оформлены в виде мягкого зигзага. У оленей из Зивие каждый отросток рога загнут крючком. У раннескифских изображений отростки рогов загнуты вверх в виде S-видной фигуры. У чиликтинских и большинства минусинских оленей изогнутые отростки рогов направлены назад и их концы заострены. На петроглифах Монголии и Тувы у оленей форма рогов в основном в виде мягкого зигзага.

2. Рога пазырыкских оленей описывают небольшую плавную дугу над всем телом и последним раздвоенным отростком соединяются с корнем хвоста или же упираются в спину. У оленей из Зивие, раннескифских, чиликтинских и у многих минусинских оленей рога прижаты к спине. На петроглифах Монголии и Тувы у большинства оленей изображены длинные рога, иногда с двумя ветвями. Одна ветвь поверх другой простирается вдоль всего тела и не соединяются с ним.

3. Рога у пазырыкских оленей имеют два передних лобных отростка, направленных вперед и слегка вверх. У оленей из Зивие, раннескифских тоже два передних отростка, но они оторваны от остальной ветви и по отношению к морде располагаются под углом в 30°. На петроглифах Монголии и Тувы изображены олени, у которых два передних отростка располагаются параллельно лбу. У минусинских и чиликтинских оленей имеется лишь по одному переднему отростку рога.

4. У пазырыкских оленей между основанием рога и теменем имеется небольшой выпуклый валик, по-видимому, таким способом выделяется «пенек» — несменяемая часть рогов. Аналогичный валик характерен для раннескифских, чиликтинских, а также для большинства минусинских оленей, относящихся по классификации Н. Л. Членовой к I и II группам [27, с. 168—172].

5. Морда пазырыкских оленей тупая подквадратная. Аналогичную форму головы имеют олени из Зивие и небольшое число оленей из Минусинской котловины, относящихся по классификации Н. Л. Членовой к I группе. Для раннескифских и чиликтинских изображений характерна слегка вытянутая и заостренная морда. Олени с петроглифов Монголии и Тувы имеют клювовидную морду.

6. Рот у пазырыкских оленей сомкнут, проработан длинной чертой. Подобную трак-

товку рта можно видеть у оленей из Зивие, некоторых минусинских изображений. У большинства раннескифских и чиликтинских продолговато-овальной формы, сильно углублен и обведен кантиком, обозначающим губы. На петроглифах Монголии и Тувы у большинства оленей рот изображен открытым.

7. Глаз пазырыкских оленей миндалевидных очертаний в отличие от всех изображенных оленей евразийских степей, у которых глаз как правило, имеет круглую форму.

8. Ухо пазырыкских оленей, выполненное из кожи или дерева, листовидное с заостренным верхним концом или же в форме сильно вытянутого треугольника, прижато своей вершиной к спине. Часто в основании ушей вырезана круглая выпуклость. Аналогичная стилистическая деталь встречается у отдельных изображений из Аму-Дарьинского клада и из Сибирской коллекции Петра I [12, табл. 11, 23; 23, табл. 8; 7, табл. 15]. Большинство изображений оленей с территории евразийских степей имели удлиненно-продолговатую и листовидно-овальную форму ушей.

9. Тело пазырыкских оленей проработано рельефно: сегментовидной фигурой обозначено плечо, круп — полуovalом. Аналогичная моделировка тела присуща некоторым раннескифским изображениям, отдельным экземплярам чиликтинских и минусинских оленей. Монгольские и тувинские изображения выполнены силуэтом или контуром.

Таким образом, стилистическая манера, характерная для изображений пазырыкских оленей, представленных сюжетами *б* и *в*, имеет много общего с изображениями оленей в позе «с подогнутыми ногами» с территории евразийских степей и из Зивие, но признаки 2, 7 и отчасти 8 являются алтайской спецификой.

Сюжет г: симметричная композиция из двух фигур оленей.

Этот сюжет представлен восемью идентичными бляхами от узды и нагрудника Первого Пазырыкского кургана (рис. 3: 2). Сбруйные бляхи оформлены в виде фигуры оленя, как бы рассеченной вдоль на две части, и развернуты в одной плоскости. Каждая половина бляхи представляет собой оленя, лежащего на боку. Его правая передняя нога несколько выдвинута вперед, она копытом соприкасается с коленом левой ноги, которая, в свою очередь, соприкасается с задними ногами. Олень собирается встать на передние ноги, они даны в движении, в то время как задние, положенные одна на другую, находятся в покое. В аналогичной позе изображен один из лосей на крышке колоды из Второго Башадарского кургана [6, с. 86, рис. 6]. В барельефную бляху перпендикулярно ей вставляется скульптурная голова

оленя, повернутая назад. Композиция бляхи строго симметрична; такого рода раздвоенные фигуры, объединенные общей головой, часто встречаются в искусстве древнего Алтая. Формирование этого сюжета в древнеалтайском искусстве следует связать с влиянием переднеазиатского искусства. Местная интерпретация заимствованного мотива привела к созданию новой оригинальной композиции, получившей широкое распространение в художественном творчестве древних алтайцев. Разные варианты подобных построений известны среди памятников скифо-сибирского звериного стиля Евразии, а также в искусстве Зивие и ахеменидского Ирана [5, с. 32].

Сюжет д: стоящий олень.

Этот сюжет представлен четырьмя деревянными скульптурными фигурками оленей, стоящих на шаровидной подставке, покрытой резными долями. У оленя небольшая изящная голова с миндалевидным глазом, открытым ртом, длинными листовидными ушами, торчащими вверх, вырезанными из кожи. Над головой поднимаются ветвистые, в два раза больше самой фигуры рога, вырезанные из кожи. Основной стержень рога волнообразных очертаний, два передних и последний отростки имеют лопатообразные расширения. У животного стройная шея, несколько вытянутая вперед, вдоль нее проработана кожная складка. На спине подчеркнута холка, резким объемом моделирован плечевой пояс и бедро. Туловище оленя заканчивается коротким хвостиком (рис. 3: 4).

Похожие скульптурные фигурки козлов, баранов, оленей, стоящих со сближенными ногами на колоколовидной подставке, известны в Минусинской котловине, Туве, Ордосе [14, табл. 1—6; 4, рис. 161, 162; 9, с. 39, рис. 25]. В Скифии также имеется множество разнообразных по форме наверхий, некоторые из них украшены фигурками стоящих животных. Наиболее близкая параллель пазырыкскому наверхию — наверхие, увенчанное скульптуркой оленя, стоящего на ажурном шаровидном бубенце, найденное возле ст-цы Махошевская, датированное VII—VI вв. до н. э. [15, с. 22]. Е. В. Переводчикова, разработав типологию скифских наверхий, подобный вариант с шаровидным бубенцом отнесла к IV типу, отнесла его тоже к VII—VI вв. до н. э. По ее мнению, этот тип наверхий является исходным в их эволюции [19, с. 26, 39]. Пазырыкское наверхие, на наш взгляд, можно сопоставить с махошевским не только по внешнему сходству, но и потому, что вполне вероятно, что они имели общее происхождение от хеттских наверхий с фигурами оленей. На это обстоятельство в свое время обратил внимание М. И. Арта-

монов. Он, кроме того, сравнил махошевское наверхие с подобным ранним бронзовым наверхием из Ордоса, полагая, что оно могло попасть сюда из Передней Азии [3, с. 32]. Что касается Алтая, подобная композиция могла проникнуть сюда также из Передней Азии, но не следует исключать большого влияния искусства Тувы (имеются в виду аржанские бронзовые наверхия, украшенные фигурками горных баранов, относящихся к IX—VIII вв. до н. э.).

Сюжет е: «свернутая» фигура оленя.

Этот сюжет представлен восемью идентичными сбруйными бляхами из Пятого Пазырыкского кургана (рис. 3: 5). Каждая бляха вырезана из дерева в виде барельефной фигуры оленя, изображенного в сложной позе: передняя часть тела дана в профиль и несколько в фас, задняя половина туловища показана также в профиль и при этом перевернута по отношению к передней на 180°. У оленя ноги согнуты в коленях: правая передняя нога копытом соприкасается с коленом левой ноги, плотно прижатой к брюху, задние ноги покоятся параллельно друг другу. Ноги трактованы орнаментально: плечевой, коленный суставы и щиколотка очерчены двумя концентрическими окружностями, вдоль голени проходят углубленные «стрелочки». Тело моделировано объемно: полукруглым рельефом — плечо, сегментовидным — брюхо. Вдоль позвоночника проходит остроруберный «ремешок», S-образно изогнутый, с помощью которого подчеркивается изгиб туловища. В плоское тело животного, перпендикулярно ему, вставляется скульптурная головка на длинной стройной шее. Морда оленя сильно выдвинута вперед, самый ее конец расширен и тупо срезан. На носу обозначены две ноздри каплевидной формы. Рот плотно сжат, его основание отмечено двумя «скобочками». Щека и нижняя челюсть переданы овальным объемом, оконтуренным углубленной линией. Под подбородком имеется коническая выпуклость. Глаз миндалевидной формы. Кожаные листовидные уши вставлены в отверстия на затылке. Рога, вырезанные из толстой кожи, поднимаются над головой, два передних отростка имеют загнутые внутрь концы, последующие отростки, с закругленными концами, сливаются вместе и образуют широкую лопасть.

Прослеженные стилистические особенности в трактовке образа оленя имеют аналогии среди художественных изделий Алтая. Так на серебряной пряжке из Второго Пазырыкского кургана у льва и козла коленные суставы ног подчеркнуты двумя концентрическими окружностями, а по хребту льва проходит декоративно решенный «ремешок» S-образной формы [21, табл. 27: 1, 2].

Кроме того, подобная стилистическая манера характерна для изображения лося и коня на золотых бляхах из кургана Иссык и льва и коня в сцене борьбы на золотой бляхе из Сибирской коллекции Петра I [1, с. 106, табл. 25; 23, табл. 8: 7, 8].

Композиция бляхи с изображением оленя типично древнеалтайская: она строится на поворотах отдельных частей тела в противоположном направлении, передавая этим приемом внутреннюю динамику. Фигура оленя, очерченная плавной S-образной линией, компактно и органично вписана в овальную форму бляхи.

Сюжет 1: скульптурная голова оленя.

Навершие конской маски из Пятого Пазырыкского кургана вырезано скульптурно из дерева (рис. 3: 6). Глаза у оленя крупные миндалевидные со слезницей и рельефным веком. Под глазом фигура, очерченная плавной линией, в виде большой «капли». Морда сильно вытянута вперед, самый ее конец расширен и тупо срезан. Ноздри проработаны двумя углублениями каплевидной формы. Рот закрыт, его основание обозначено двумя «скобками». Нижняя челюсть подчеркнута плавной линией, завершающейся завитком. Под подбородком имеются два бугорка, обведенные объемными кольцами. По шее спереди проходит линия, покрытая рельефным рубчиком; вероятно, таким способом обозначена кожная складка. Заднюю часть шеи «обрисовывают» две большие каплевидные фигуры. На затылке два отверстия, куда вставлялись кожаные уши, ныне утраченные. Рога, выполненные из толстой кожи, поднимаются вверх над головой. Передний отросток располагается параллельно лбу, он завершается схематизированной птичьей головкой с длинным клювом. Вторые, третьи и четвертые отростки решены аналогичным образом. Последующие имеют широкие, напоминающие строение рогов лося, лопасти. Голова оленя, его рога были окрашены в красный цвет, который частично сохранился и сегодня.

Некоторые стилистические особенности, свойственные скульптурной голове оленя, имеют целый ряд аналогий среди изображений животных: лосей, косуль, волков из Пазырыкских курганов и из коллекции П. К. Фролова [2, табл. 27, 78, 67, 80].

Большой интерес представляет сходство стилистических черт в решении головы оленя с изображением голов животных с других территорий. Так, оформление нижней челюсти завитком можно видеть у пантеры на золотом набалдашнике меча из Зивие [4, с. 126, рис. 173], у волков на золотой обкладке ножен меча из могильника Тагискен, курган 53 [4, с. 23, рис. 18] и у оленя на золотой бляхе из кургана Иссык [1, с. 106, рис. 25]. Воспро-

изведение под глазом каплевидной фигуры — деталь, указывающая на стилистическое сходство пазырыкского оленя с изобразительными приемами, известными среди изделий из Аму-Дарьинского клада и ахеменидского Ирана [2, табл. 116; 5, с. 84, 85].

Сюжет 3: сцены борьбы.

Этот мотив представлен двумя экземплярами, происходящими из Первого Пазырыкского кургана (рис. 4). На синей войлочной седельной покрывке по обеим ее сторонам развернуты идентичные композиции, выполненные в технике аппликации, — тигр терзает оленя. Тигр бросился наперез убегающему оленю, вцепившись передней лапой в плечо жертвы и прижав алчной пастью к груди оленя, жестоко его терзает. Стремительное движение хищника мастер передает традиционным для искусства древнего Алтая приемом: переворачиванием задней части тела по отношению к передней на 180°. Олень пытается спастись бегством, его туловище устремлено вперед и несколько вверх. Также вверх приподнята его удлиненная тонкая морда с открытым ртом, миндалевидным глазом, коротким ухом, ветвистым рогом с пятью древовидными отростками, характерными для северного оленя. Два передних отростка располагаются горизонтально надо лбом, остальная ветвь идет параллельно шее и спине. Круп оленя, в свою очередь, повернут на 180° по отношению к передней части тела. Задними, выброшенными вверх ногами олень пытается отбиться от наседающего на него преследователя.

Для каждой фигуры найден выразительный силуэт. Бросается в глаза удивительная плавность и закругленность всех форм. Данная композиция построена при помощи перекрещивающихся изогнутых S-образных линий, соблюдается определенный ритм и уравновешенность всех частей. Подобный композиционный принцип свойствен не только древнеалтайскому искусству, но также присущ многим художественным изделиям из Сибирской коллекции Петра I [23, табл. 9, 19], а также характерен для ряда вещей из кургана Иссык [1, с. 86, табл. 3].

С. И. Руденко обратил внимание на то, что между только что рассмотренной композицией с седельной покрывки и сценой нападения льва на быка на рельефе из Тель-Халафа существует общее конструктивное решение [20, с. 45]. С этим невозможно не согласиться, однако пазырыкская сцена, наполненная динамизмом и драматизмом, по силе художественного воздействия превосходит древневосточную.

Сцены борьбы или, точнее, сцены терзания появляются в древнеалтайском искусстве в

Рис. 4. Сцена борьбы (I Пазырыкский курган)

VI в. до н. э. [16, с. 86]. Этот сюжет становится одним из наиболее популярных на Алтае в V в. до н. э. Композиции отличаются сложностью построения, отточенностью всех форм и деталей. С. В. Киселев и М. И. Артамонов справедливо отмечали, что сцены терзания отражали длительный процесс продумывания и развития этого сюжета [16, с. 383—387; 4, с. 228]. Такие композиции можно наблюдать как в творчестве самих древнеалтайцев, так и в древневосточном искусстве, особенно в ахеменидском Иране; с последним древнеалтайцы находились в постоянном контакте [20, с. 63].

Сюжет 2: сцены борьбы, показанные условно.

Этот сюжет представлен двумя навершиями из Второго Пазырыкского кургана. Одно навершие оформлено в виде головы грифона, в клюве которого голова оленя (рис. 3: 8). У оленя узкая продолговатая морда, нижняя челюсть обломана, по-видимому, у животного был открыт рот, и за счет этого мордочка особенно воспринимается остроносой. Глаз оленя миндалевидной формы с рельефным веком и круглым зрачком. Уши небольшие кожаные, удлиненной формы, торчат вверх. Рога, почти в десять раз более самой головы, вырезаны из кожи, поднимаются над головой. Основная ветвь рога имеет волнообразные очертания, от нее отходят девять изогнутых отростков, каж-

дый из которых завершается петушиной головкой. Два передних отростка сближены между собой и расположены горизонтально надо лбом. Головки петушков на этих двух передних отростках повернуты так, что птицы смотрят снизу вверх на остальные семь головок, которые, в свою очередь, наоборот, смотрят сверху вниз. Подобная трактовка оленьих рогов, завершающихся птичьими головками, — мотив, довольно хорошо известный в искусстве скифо-сибирского звериного стиля. Так, например, решены рога у некоторых оленей из Минусинской котловины, которых Н. Л. Членова отнесла к IX—X группам своей классификации [27, с. 178, 179]. В Забайкалье ведет другая аналогия: на золотой пластине из Верхнеудинска представлен фантастический зверь с рогами, оформленными в виде птичьих головок [27, с. 247, рис. 193]. Имеются также параллели с изображением некоторых фантастических животных из Сибирской коллекции Петра I [23, табл. 6, 8]. Но ближе всего, как ни странно, изображению рогов пазырыкского оленя трактовка рогов оленя из Гаршиново (Болгария), у которого так же волнообразно оформлена основная ветвь рога, от которой поднимаются вверх девять отростков с птичьими головками, из которых семь головок «смотрят» в одну сторону, а две другие — в противоположную [28, табл. 34].

Другое деревянное навершие, происходящее тоже из Второго Пазырыкского кургана, построено по аналогичной композиционной схеме: в клюве большого грифона — голова оленя (рис. 3: 7). Голова оленя тщательно моделирована, плавные продольные углубленные линии, идущие вдоль головы, мягко подчеркивают переход от лба к носу. Одна линия, спускаясь под глаз, образует складку в виде «затылка». Ноздри проработаны углубленными точками. Закрытый рот передан прямой линией. Основание рта отмечено двумя «скобочками». Под подбородком рельефный «бугорок». Кожаные уши листовидной формы прикреплены на затылке. Рога, вырезанные из толстой кожи, поднимаются вверх над головой. Два передних отростка с загнутыми вверх концами располагаются параллельно лбу, основная ветвь рога поднимается вверх и завершается широкой лопастью с четырьмя зубцами.

На шее большого грифона с двух сторон прикреплены небольшие скульптурные головки маленьких грифонов, с телом птицы, выполненным в низком рельефе. Маленькие грифончики своими лапами вцепились в фигуру гуся, терзая его.

Таким образом, в этом произведении мотив борьбы животных показан троекратно. По-видимому, в этом кроется сложное смысловое содержание, заложенное в данную композицию.

* * *

Рассмотрев образ оленя в искусстве древнего Алтая VI—IV вв. до н. э., отметим, что этот мотив представлен целой фигурой или же только головой, выполнен гравировкой, резьбой в барельефе, горельефе и в круглой скульптуре. Обычно изображается целая фигура животного, она неизменно передается в профиль с четырьмя ногами, чаще с тщательно проработанными копытами.

Мотив отдельной головы встречается реже. В ее трактовке используется довольно большое разнообразие стилистических решений. Вначале остановим свое внимание на изображении рогов. По отношению к телу животного рога располагаются горизонтально или вертикально.

«Горизонтальные» рога протянулись вдоль спины, параллельно ей. Основная ветвь рога имеет волнообразное очертание, от нее вверх и чуть назад отходят изогнутые отростки, заостренные на конце. Иногда отростки приобретают зигзагообразную форму. Завершается ветвь, как правило, двумя отростками, расходящимися в разные стороны.

«Вертикальные» рога поднимаются над головой и отражают реальное расположение рогов у животных. Основная ветвь волнообразных очертаний или же имеет прямой стержень. От основной ветви отходят отростки слабо изогнутые, некоторые из них, сливаясь вместе, образуют широкую лопасть, либо отростки завершаются стилизованными птичьими головами.

Общей чертой для всех изображений оленьих рогов является передача двух передних отростков и только в одном случае — один передний отросток имеется у скульптурной головы оленя из Пятого Пазырыкского кургана.

Иногда между теменем и рогом прорабатывается небольшой выпуклый валик — «пенек», несменяемая часть рогов. Этот признак имеется у оленей из Первого Пазырыкского кургана.

Изображая морду, алтайский мастер делает ее удлиненно-продолговатой формы, иногда подквадратной, но каждый раз стремится трактовать ее как можно более правдивее. Однако имеется ряд головок оленей из Пятого Пазырыкского кургана, у которых морда сильно вытянута вперед, самый ее конец сильно расширен и тупо срезан. Эти изображения еще сохраняют реалистическое решение, но вместе с тем появляются черты, которые следует рассматривать как нарастание стилизации.

Нижняя челюсть, как правило, подчеркивается круглым или овальным объемом, но иногда прорабатывается в виде завитка.

Рот изображается сомкнутым, отмечен прямой углубленной линией или же передается открытым. В некоторых случаях основание рта обозначено двумя углубленными «скобочками».

Ноздри обычно не исполнялись. В том случае, если они воспроизводились, отмечались овальным или каплевидным углублением.

Глаз всегда имел мидалевидную форму и отличается, например, от круглого глаза, традиционного для скифской иконографии образа оленя.

Под глазом иногда обозначается кожная складка в виде каплевидной фигуры — стилистический признак, известный в искусстве ахеменидского Ирана.

Уши имеют разную конфигурацию: листовидно-вытянутые, вытянуто-заостренные (чаще сделаны из кожи) и в виде неправильного треугольника, обращенного вершиной к спине. В основании уха имеется круглая выпуклость.

Таким образом, изображая голову животного, алтайский мастер использует ряд перечисленных стилистических черт, с помощью которых ему удается отчетливо передать ярко выраженные видовые признаки оленя.

При проработке тела оленя применяются два основных приема.

Плечо и бедро подчеркнуты спиралевидными фигурами, так называемым «турьим рогами», и между ними «треугольником». Подобная манера характерна только для изображений Центрального Алтая (Второй Тузунтинский курган, VI в. до н. э.).

Плечо и бедро выделяются широкими плоскостями, чаще всего плечо обозначалось сегментовидным объемом, бедро — полуovalом. Подобным способом моделированы почти все фигурки оленей из Пазырыкских курганов (V—IV вв. до н. э.).

Кроме того, в пластическом решении тела животного иногда используется выразительный прием: вдоль позвоночника острорезерным «ремешком» подчеркивается изгиб туловища и сложный поворот фигуры оленя.

Ноги трактованы следующим способом: в одном случае вдоль ног проходит небольшая углубленная «стрелочка» с круглой выпуклостью над копытом, в другом — плечевой, коленный суставы и щиколотка подчеркнуты концентрическими кругами.

Итак, профильность фигуры, использование вихревых линий в членении тела, рельефная моделировка фигур в сочетании с орнаментальной разработкой ног — все это характерные черты в передаче образа оленя в алтайском зверином стиле.

Суммируя все наблюдения, можно сказать, что стилистические особенности трактовки образа оленя, свойственные алтайскому искусству, представляют собой органическое соединение местной художественной манеры и инокультурных влияний, выраженных в использовании отдельных стилистических приемов переднеазиатского искусства, скифо-сакского и художественного стиля «оленных» камней и петроглифов Монголии и Тувы.

Что касается сюжетного репертуара, следует отметить, что в древнеалтайском искусстве имеются общескифские мотивы — олень стоящий со сближенными ногами, олень лежащий с «поджатыми ногами». К числу переднеазиатских сюжетов относятся мотивы идущих вереницей друг за другом оленей и сцены борьбы. И, наконец, собственно алтайские сюжеты — изображение оленя, слегка свернувшегося в кольцо, лежащего в плоскости, со скульптурной головой; фигура оленя как бы рассеченная вдоль на две части, развернутая в одной плоскости со скульптурной головой; сцены «терзания», переданные условно, только с помощью одних голов.

Подытоживая, отметим, что образ оленя в искусстве древнего Алтая (по материалам Больших Алтайских курганов) известен с

VI в. до н. э. по IV в. до н. э. Художественных произведений, относящихся к VI в. до н. э., совсем немного (один сюжет), однако иконография образа оленя уже вполне сложившаяся. Более всего произведений относится к V в. до н. э. В этот период созданы наиболее выразительные и запоминающиеся образы оленя, отличающиеся законченным лаконизмом и удивительной правдивостью исполнения. У художественных произведений, относящихся к V—IV вв. до н. э., исполнительский уровень так же высок, но изображения приобретают более орнаментальный характер.

1. Акишев К. А. Курган Иссык = Issyk Mound: Искусство саков Казахстана. М., 1978.
2. Амударьинский клад = The Treasure of the Oxus: Кат. вист. Авт. вступ. ст. и сост. Е. В. Зеймаль. Л., 1979.
3. Артамонов М. И. Происхождение скифского искусства. — СА, 1968, № 4.
4. Артамонов М. И. Сокровища саков: Аму-Дарьин. клад. Алт. курганы. Минусин. бронзы. Сиб. золото. М., 1973 (ПДИ).
5. Баркова Л. Л. Изображения рогатых и крылатых тигров в искусстве древнего Алтая. — АСГЭ, 1985, [вып.] 26.
6. Баркова Л. Л. Резные изображения животных на саркофаге из Второго Башадарского кургана. — АСГЭ, 1984, [вып.] 25.
7. Бобров В. В. Алтайские мотивы в тагарском зверином стиле. — ИЛАИ, 1970, вып. 2.
8. Бобров В. В. Художественные и стилистические особенности в скифо-сибирском искусстве звериного стиля. — ИЛАИ, 1976, вып. 7.
9. Грязнов М. П. Аржан: Царский курган раннескиф. времени. Л., 1980.
10. Грязнов М. П. Саяно-алтайский олень. — ПА, 1978, вып. 2.
11. Грязнов М. П., Маннай-оол М. Х. Третий год раскопок кургана Аржан. — АО 1973 г. М., 1974.
12. Дзвелт М. А. Петроглифы на кочевой тропе. М., 1982.
13. Ермолова Н. М. К вопросу об интерпретации изображений животных. — В кн.: Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Материалы I Всесоюз. археол. конф. [дек. 1979 г.], Кемерово. Кемерово, 1980.
14. Завитухина М. П. Древнее искусство на Енисее: Скиф. время. Л., 1983 (ПОК).
15. Ильинская В. А., Тереножкин А. И. Скифия VII—IV вв. до н. э. Киев, 1983.
16. Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. 2-е изд. М., 1951.
17. Луконин В. Г. Искусство древнего Ирана. М., 1977.
18. Новгородова Э. А. Мир петроглифов Монголии. М., 1984.
19. Переводчикова Е. В. Типология и эволюция скифских наверший. — СА, 1980, № 2.
20. Руденко С. И. Искусство Алтая и Передней Азии. М., 1961.
21. Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953.
22. Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960.

23. Руденко С. И. Сибирская коллекция Петра I.— М.; Л., 1962 (САИ, [вып.] ДЗ-9).
24. Трифонов Ю. И. О сюжете оленя в скифо-сибирском искусстве (в связи с вопр. классификации тагар. «оленных» блях).— В кн.: Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана. Крат. тез. докл. на конф., нояб. 1975 г., Ленинград. Отв. ред. В. М. Массон. Л., 1975.
25. Черников С. С. Загадка Золотого кургана: Где и когда зародилось «скифское ис-

- кусство». М., 1965 (сер. «Из истории мирового искусства»).
26. Членова Н. Л. Иранские прототипы «скифских оленей».— В кн.: Памятники железного века. М., 1984 (КСИА, вып. 178).
27. Членова Н. Л. Скифский олень.— В кн.: Памятники скифо-сарматской культуры. [Сост.] М., 1962 (МИА, № 115).
28. Venedikov I. J., Todorov N. T. Prehistoric and Antiques Reliquiae in Bulgaria. Sofia, s. a.

Р. С. МИНАСЯН

ИЗОБРАЖЕНИЯ СВЕРНУВШЕГОСЯ ХИЩНИКА И ЛЕЖАЩЕГО ОЛЕНЯ В ТВОРЧЕСТВЕ СКИФО-СИБИРСКИХ ПЛЕМЕН

Одними из наиболее популярных сюжетов в скифо-сибирском искусстве являются свернувшийся в кольцо хищник, представляющий преимущественно семейство кошачьих, реже псовых, и лежащий олень. К этим образам исследователи обращаются неоднократно. Их интересуют семантика, происхождение, эволюция, локальные отличия данных сюжетов [5; 13; 21; 22; 23].

Н. Л. Членова полагает, что образ свернувшегося зверя якобы означает позу готовящегося к прыжку животного [22, с. 126, 127]. А. И. Шкурко также считает, что здесь мы имеем дело с сильно согнутым, прижавшимся к земле хищником, готовящимся к прыжку [23, с. 34]. С такой атрибуцией невозможно согласиться. Объект нападения в этом сюжете отсутствует. Более того, ни кошачьи, ни собачьи хищники при нападении в кольцо не сворачиваются. Реалистические изображения борющихся животных в искусстве древних народов, в том числе и скифов, нередко, агрессивность намерений нападающих там не вызывает сомнений, но их позы ничего не имеют общего с нас интересующей. В данном же случае, хотя и в несколько условной манере, на что имеются свои причины, перед нами изображения лежащих на боку отдыхающих зверей.

Наряду с кольцевыми изображениями хищников в скифском искусстве известны и разомкнутые композиции — здесь головы не соединены с задней частью тела животных. М. И. Артамонов полагал, что эволюция сюжета шла по пути сворачивания композиции в кольцо, что полностью свернувшийся хищник более поздний по отношению к окончательно несвернувшимся [2, с. 30, 34], но это предположение не подтверждается археологическим материалом.

Исследователи, анализирующие сюжет, прежде всего обращают внимание на манеру исполнения некоторых анатомических деталей и поз — пасти, ноздрей, уха, мускулатуры, пропорций частей тела, степень свернутости, т. е. на стилистические особенности, оставляя при этом без внимания технику производства, хотя именно здесь находится ключ к решению многих, но разумеется не всех интересующих нас вопросов. Нам известны изображения свернувшегося хищника, вырезанные из рога, отлитые в двусторонних формах, отлитые по плавким моделям, сделанные в технике басмы, чеканки, тиснения, выбитые на каменных стелах. В зависимости от техники менялась тактика выполнения тех или иных задач, стоявших перед древним мастером, что находило отражение в готовых изделиях.

Обратимся прежде всего к круглой литой бронзовой бляхе из Аржана, которая надежно датируется VIII в. до н. э. и по сути пока является самой ранней из известных свернувшихся хищников. К сожалению, я не имел возможности лично осмотреть эту интересную находку, данные о технике ее изготовления отсутствуют, а качество публикаций оставляет желать лучшего [7, рис. 15]. Тем не менее одна любопытная деталь в публикациях все же прослеживается четко. На внутренних краях тела и ног зверя видны остатки облоя — литейного шва. Промежуток в центре бляхи между ногами заполнен пленкой затвердевшего расплава, который является не чем иным, как облоем. На основании этого мы можем бесспорно заключить, что аржанская бляха была отлита в двусторонней глиняной форме. Однако при данном способе производства требовался шаблон-аналог самой бляхи, с помощью которого оттискивалось негативное изображение на лицевой створке формы. Этот

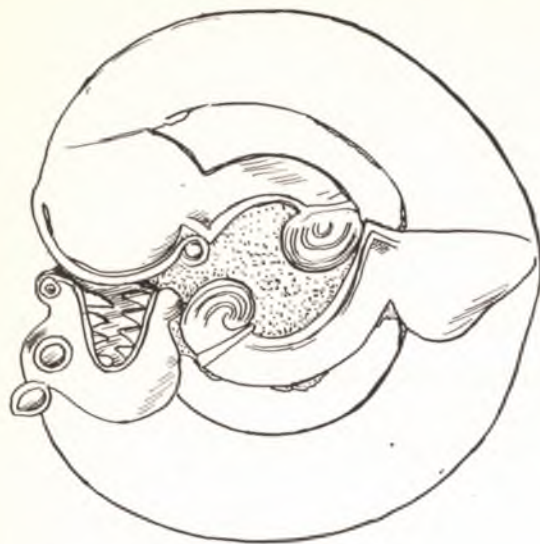

Рис. 1. Бронзовая бляха, отлитая в двусторонней форме. Лицевая створка глиняной формы оттиснута шаблоном. Аржан, VII в. до н. э.

шаблон мог представлять готовую отливку, либо бляху, вырезанную из кости или дерева, либо восковую модель. Даже если бы здесь имел место первый случай, то это не исключает начального этапа, того самого, когда участие деревянного, костяного шаблона или восковой модели было обязательно.

Характерные особенности аржанской бляхи выражаются в графической точности тонких линий, обрамляющих глаза, ухо, пасть, хвост и абрис ног (рис. 1). Их наличие подтверждает то, что здесь мы имеем дело не со способом ленки, а со способом резьбы по твердому материалу (дереву или кости). Детальный осмотр вещи, возможно, позволил бы установить материал более точно. Таким образом, если быть пунктуальным, исходным изображением свернувшегося хищника является не аржанская бляха, а резной шаблон, ей предшествующий. При реконструкции древней техники металлообработки исследователи обычно упускают из вида подобного рода посредники, как правило, до нас не дошедшие, без участия которых в большинстве случаев в металлообработке обойтись невозможно. На основании трассологических данных, которые могут быть получены при обследовании готовых изделий, эти посредники должны быть выявлены, реконструированы и соответственно проанализированы.

Нет надобности напоминать, что трудности, встающие перед резчиком и литейщиком, различны. Резчик рассчитывает конструкцию изделий таким образом, чтобы макси-

мально обеспечить их прочность в эксплуатации. В резьбе все элементы композиции связываются в замкнутую систему. Ажурность допускается в разумных пределах и только внутри этой системы. Пренебрежение этим правилом, обилие несомкнутых элементов, выходящих за пределы конструкции, неизбежно влекут за собой поломки.

Литейщик же, работающий в технике литья с утратой модели, более свободен в своих действиях, поскольку плавкая модель является всего лишь промежуточным звеном. Что же касается металлических отливок, то они обладают несравненно большей прочностью, сравнительно с резными костяными или деревянными изделиями.

Шаблон, примененный для изготовления формы, в которой была отлита аржанская бляха, без сомнения, представлял собой великоколенный образец резьбы. Здесь все элементы композиции прочно завязаны в единый узел и это естественно, поскольку мастер в данном случае имел все возможности заранее точно рассчитать вырезаемое им изделие. Таким образом, можно считать, что полностью замкнутая в кольцо композиция является продуктом творчества резчиков, а не графиков и литейщиков, хотя, по определенной причине, но совершенно иного порядка, такая композиция была необходима и литейщикам. Об этом еще речь пойдет ниже.

Среди скифо-сибирских художественных изделий с изображениями свернувшегося хищника известны как непосредственно резные вещи, так и вещи, сделанные с применением резного посредника. Здесь можно указать роговую бляху VII в. до н. э. из Темир-Горы, бляхи-проници VII в. до н. э. из Келермеса и др. [4, табл. 16, 26; 14, с. 35—36], басменные деревянные матрицы, использованные при изготовлении золотых обкладок из Чиликты и Майэмира [3, табл. 39, 64, 65], и др. предметы. Техника басмы по деревянным матрицам практиковалась в скифской металлообработке очень широко. Практически все металлические обкладки, обычно классифицируемые тиснеными, штампованными или чеканными, на самом деле были сделаны этим способом. Как правило, бесменные матрицы оставались под обкладками, придавая вещам необходимую прочность, о чем свидетельствуют дырочки от гвоздиков на пластинах или загнутые края, которые завальцовывались на матрицах. Роскошные деревянные бляхи от уздечных наборов из Пазырыкских и Тузуктинских курганов, по существу, являются бесменными матрицами. Это подтверждается тем, что многие из них имеют остатки листового золота, их обтягивающего [18; 19].

Металлическими обкладками плакировались как ажурные вещи, так и изделия с изображениями на фоне. В первом случае мастер компоновал изображение без разрывов, подобно аржанской бляхе, как это имеет место на бляшках из Чиликты.

Там, где изображения наносились на основу, отпала необходимость в тесной компоновке, поскольку прочность изделия обеспечивалась основой. Здесь мастер размыкал элементы композиции в соответствии со своим замыслом, как мы это видим на майэмирских накладках, на навершии рукояти меча из Зивие, на каменной стеле из Юстыда в Горном Алтае и др. [3, табл. 173; 5, табл. 1; 20, рис. 1: 13].

Аналогичное построение композиций, замкнутых и разомкнутых в такой же закономерности и в такой же связи с теми или иными техническими приемами, наблюдается во всех без исключения сюжетах в скифо-сибирском искусстве. Что касается их эволюционной последовательности, то на всем протяжении скифской эпохи они сосуществуют параллельно. Таким образом, можно утверждать, что условность ажурных замкнутых композиций, не имеющих основы, и свободная манера передачи изображений на основе обусловлены только особенностями техники производства.

Помимо литья в составные глиняные формы, сделанные путем оттиска в глине шаблонов, скифские литейщики широко пользовались также методом литья по утрачиваемым моделям. Здесь практиковалось и ручное изготовление оригинальных моделей, и серийная их отливка в формах. Каждый вариант изготовления моделей так же, как и само литье с утратой последних, имеет свою специфику, в той или иной форме отражающуюся на готовых отливках.

Образцами литья по изготовленным вручную оригинальным моделям являются бронзовая бляха со свернувшимся хищником — волком, как его обычно интерпретируют, из кургана Кулаковского, бронзовая бляха из Ковалевки и другие, им подобные [4, табл. 70; 16, рис. 24]. Все признаки использования восковой модели на кулаковской бляхе налицо. Модель делалась из пластины воска. Первоначально мастер вырезал контуры животного, подогнул края пластины, выдавил выступающие участки на лопатках и крупе, сформировал в общих чертах части объема тела. Далее, работая ножом в технике резьбы, он вырезал на лицевой стороне все детали изображения. Об этом свидетельствует рубленность форм шеи, туловища, морды, уха, ног и т. д. На лапах каким-то инструментом, круглым в сечении, он продавил по три ямочки

(рис. 2: 1). Все элементы резьбы на обороте не нашли отражения, как это и должно было быть в данном случае. Исключение составляют только шесть ямок, которые были продавлены на лапах. Они проявились и на обороте, что само по себе свидетельствует о пластичности материала, с которым мастер имел дело. Далее, на плече и лопатке были припаяны резные модельки лежащей лошади и голова лося или оленя, которые также не нашли своего отражения на обороте. На конечном этапе работы было смоделировано из трех частей ушко в виде буквы П и припаяно на оборотной стороне. Следы модельного припоя в виде мягких наплывов хорошо прослеживаются.

Помимо этих признаков кулаковская бляха имеет еще другие особенности, характеризующие своеобразие техники моделирования. На обороте, на стыках соединения поджатых к телу и морде ног животного четко прослеживаются модельные паячные швы. В одном месте стык не получился, и мастер осуществил соединение с помощью пластины воска.

Паячные швы и искусственно введенная в композицию соединительная пластина свидетельствуют о том, что первоначально модель формировалась не в той позиции, в какой она представлена на отливке. Она была свернута в кольцо на заключительном этапе моделирования. В противном случае отпала бы необходимость в паячных стыковочных швах и дополнительной детали из полоски воска, появившейся из-за неточности, допущенной в крае модели. А первоначальной позицией модели была профильная фигура стоящего животного, которая была согнута в кольцо на заключительном этапе моделирования (рис. 3). Прием изготовления сложных композиций из простейших фигур путем сгибания отдельных элементов прослеживается на многих изделиях и отражает своеобразие скифского способа моделирования. Здесь следует вспомнить золотую бляху со свернувшимся в кольцо кошачьим хищником из Сибирской коллекции Петра I, имеющую пять соединительных перемычек (рис. 2: 2), бляхи из Уйгорака и Иркутля, имеющие те же характерные детали, и др. [4, табл. 135, 174; 21, рис. 2]. Везде их появление связано со сгибанием профильной фигуры и со стремлением к завершенности кольцеобразного построения композиции.

Как мы видели, кольцеобразность композиции не была столь обязательна — зверь с успехом изображался и в несомкнутой композиции. В литье же замкнутость всех элементов обусловлена спецификой производства. Перемычки в данном случае выполняли роль внутренних литниковых каналов, обеспечива-

Рис. 2. Бляхи, отлитые по восковым моделям
1 — лицевая и оборотная стороны бронзовой бляхи
из с. Долинское. Курган Кулаковского, 2. Рубеж
VI—V вв. до н. э.
2 — золотая бляха из Сибирской коллекции
Петра I

ющих доступ расплава во все участки полости формы. Они также усиливали прочность изделия, поэтому их не обрубали, как основной литник, а оставляли на месте. Стоило бы только разомкнуть композицию, оставив зазоры, как за этим — вне зависимости от положения подведенного к торцу основного литникового канала — последовал бы неизбежный брак из-за недолива формы.

Применение техники резьбы во всех видах художественной металлообработки является, пожалуй, самой отличительной чертой скифского производства. Скифские мастера резали не только кость и дерево, но даже и воск, а не лепили его, что было бы вполне оправдано, учитывая пластичность этого материала. Элементы резьбы хорошо прослеживаются на подавляющем большинстве скифских отливок, в том числе и на изделиях с изображениями свернувшегося хищника, как это мы можем видеть на бляхах из Ак-Буруна, Ордоса, на находке неизвестного происхождения из коллекции И. А. Лопатина [4, табл. 164; 12, рис. 190; 24, Fig. 92] и многих других. Все это свидетельствует о том, что скифо-сибирский стиль первоначально формировался не в технике лепки, не в художественной металлообработке, а в других видах изобразительного творчества — в рисунке на камне, в прикладном искусстве (в резьбе по дереву и кости, аппликации и др.). С появлением художественной металлообработки резьба не только оказала сильное влияние на нее, но и перешла в нее органически вместе с устоявшимися тех-

ническими приемами и канонизированным звериным стилем.

Практика моделирования в скифском производстве появилась позднее резьбы, но и она все же оставила свой след, хотя и менее значительный, чем это имеет место у других народов Евразии (Переднего Востока, Кавказа и Греции), где культура металлообработки с широким привлечением в литейном деле пластичных материалов имеет более древнюю историю. С использованием воска у скифских литейщиков открылась возможность расширить арсенал технических приемов, что и было сделано, как это мы видим на примерах сгибания отдельных элементов восковых моделей профильных изображений, но на этом поприще они достигли весьма скромного уровня. Резьба так и осталась доминирующим техническим методом в моделировании. Использование приемов пластики применялось только в решении некоторых тактических задач. Из воска вырезались стоящие фигурки животных, части тела которых в дальнейшем сгибались

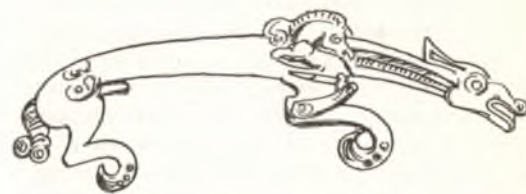

Рис. 3. Первоначальное положение восковой модели бляхи из с. Долинское до момента сворачивания ее в кольцо

Рис. 4. Золотой наконечник, отлитый по вырезанной из воска модели. Ст-ца Келермесская, VII в. до н. э.

и припавались в тех местах, где это диктовалось условиями композиции. Принципиальные изменения в изготовлении блях из Сибирской коллекции Петра I, Кулаковской и им подобным, сравнительно с аржанской, являются следствием тех корректив, которые были привнесены в литейное производство в связи с упражнениями с пластичными материалами. Таким образом, можно считать, что в скифской металлообработке техника, примененная при изготовлении аржанской бляхи, — литье в составную форму, сделанную путем оттиска в глине резного шаблона, старше техники литья с использованием пластичного моделирования.

Аналогичная схема развития техники исполнения наблюдается и в других сюжетах скифо-сибирского искусства. Рассмотрим изображения лежащего оленя, которые появляются столь же рано, как и свернувшегося хищника, во всех видах изобразительного творчества — в графике, аппликациях, резьбе по дереву, выколотке, басме, тиснении, чеканке, литье. Источником, питающим скифское анималистическое искусство, бесспорно была живая натура. Меткий глаз и твердая рука древних художников улавливали разнообразнейшие нюансы динамики поз животных и воплощали их в различных материалах. Лежащий олень изображается с подогнутыми ногами, с приподнятой, опущенной и повернутой к крупе головой, лежащим на подогнутых передних ногах и на бедре одной из выброшенных в сторону задних ног, привстающим и т. д. В данном случае проанализируем только простейший вариант профильного изображения позы оленя, лежащего на подогнутых под себя ногах и с вытянутой вперед головой, — мотив настолько популярный в творче-

стве скифо-сибирских племен, что он стал своего рода эмблемой их искусства.

В литературе этот образ трактуется как «галопирующий», то как «лежащий олень». Н. М. Ермолова, рассмотрев различные стадии типов бега парнокопытных животных и не найдя там соответствий с изображениями на скифских бляхах, пришла к заключению, что данная поза означает все же лежащего оленя [11, с. 358—366]. С этим заключением невозможно не согласиться, поскольку таким же образом изображался лежащий олень с повернутой к крупе головой, как это мы можем видеть на бляхах из Семибратних курганов [4, табл. 128, 130], а в таком состоянии животное галопировать вообще не может. Однако метод сравнения естественных стадий движения животных с их изображениями, которые по ряду причин идеологического, канонического и технического порядка несут определенную долю условности, по моему мнению, не совсем корректен. Мы же не ищем соответствий с натурой в позе животного с вывернутой задней частью тела. По своей сущности она тоже реалистична, но естественного аналога здесь не существует.

В сюжете с лежащим оленем наблюдается такая же картина, какую мы видели в случаях со свернувшимся хищником — два варианта изображений. На каменных стелах, в аппликациях, на металлических пластинах, не имеющих ажурных прорезей, лежащий олень трактуется со свободно висющими над головой рогами, торчащими ушами, подогнутыми, но не сомкнутыми ногами, как это имеет место на петроглифах Тувы, оленем камне на «дороге Чингиз-хана», на золотых басменных пластинах из Келермеса и Елизаветинской и др. [4, табл. 145, 208, ил. 29; 3, табл. 66, 138; 6, табл. 7: 22; 7; 9; 10].

В резьбе по дереву, басме по деревянной матрице с ажурными прорезями, в литье дело обстоит уже совершенно иным образом. Здесь вступает в силу обстоятельство, требующее от изделия повышенной прочности. Композиция оленя замыкается в тесный клубок и принимает свой классический образ — завитки на рогах спирально закручиваются, уши поджимаются к рогам, рога к спине, ноги смыкаются вместе и поджимаются к животу. Необходимость создания надежной конструкции влечет за собой некоторую условность позы, нехарактерную для живой природы. В качестве примеров такого рода конструкций можно указать на знаменитую золотую бляху из станицы Костромской, наконечник из Келермеса (рис. 4), басменные бляшки из Чиликты, бронзовое навершие из Губской, многочисленные бляшки тагарской культуры [4, табл. 50,

Рис. 5. Бронзовая бляха из кол. акад. В. В. Радлова, найденная к С от Минусинска. V в. до н. э. Бляха отлита в форме, лицевая сторона которой сделана по восковой модели

Рис. 6. Первоначальное положение восковой модели бляхи из кол. акад. В. В. Радлова до момента сворачивания ее в позу лежащего зверя

62; 12; 14, с. 46]. Таким образом, факт зависимости способа изображения от техники производства и здесь не вызывает сомнения.

Пока мне неизвестны изделия с фигурой лежащего оленя, сделанные таким же способом, как аржанская бляха, но техника резьбы на многих находках прослеживается четко. Это подтверждают басменные деревянные матрицы, использованные при изготовлении келермесской, елизаветинских и чиликтинских обкладок. Все бляшки из Чиликты имеют индивидуальные особенности, свидетельствующие о персональном изготовлении матриц для каждой обкладки. Резьба отчетливо выступает на золотом наконечнике из Келермеса, отлитом по утрачиваемой модели. Костромской олень, сделанный способом выколотки с последующей прочеканкой отдельных деталей,

также имеет явные влияния техники резьбы по дереву, проявляющиеся в характерной рубленности широких плоскостей. Факт имитации резьбы здесь очевиден.

Однако упражнения с пластичным материалом и здесь оставили специфический след в развитии образа лежащего оленя (рис. 5). Это сказалось в явно выраженной изогнутости отростков и ствола рогов, в отсутствии жесткости контуров ног и коленного сустава. Появились и характерные для техники пластичного моделирования перемишки на месте присоединения рогов к спине. В справедливости сказанного можно убедиться, проанализировав бронзовые бляшки из Малого Телека, Турана II, из находок в районе Минусинска из коллекции В. В. Радлова и многих других изделий тагарской культуры, навершие из станицы Губской на Северном Кавказе [12, рис. 95—143; 14, с. 46].

Несмотря на появление элементов пластики в моделировании по-прежнему доминирует резьба. Модели либо вырезаются из целого куска воска, как это имело место на наконечнике из Келермеса, либо мастер режет простейшую профильную фигуру оленя с ветвистыми рогами, свободно висющими над головой, и вытянутыми ногами и затем уже, подгибая рога, отростки рогов, шею, туловище и ноги, сплавляя стыки, соединяя зазоры дополнительными перемишками-литниками, если в них появлялась необходимость, придает модели искомую композиционную схему (рис. 6).

Подводя итоги проведенного выше исследования, можно констатировать, что эволюция скифской художественной металлообработки шла по пути широкого использования техники резьбы, переноса этой техники в пластичный материал, с последующим использованием приемов пластичного моделирования. При этом скифо-сибирский стиль терял свой лаконизм, присущий арханческой эпохе. Анализ скифской металлообработки позволяет утверждать, что техника резьбы, лежащая в основе художественного литья, перешла в него вместе с изобразительными приемами, традициями и уже с канонизированными образами.

Тема лежащего оленя и свернувшегося хищника находится в прямой связи с проблемой происхождения скифского искусства. Как мы знаем, в скифологии на сей счет существует две гипотезы. Одни исследователи видят в скифском искусстве непосредственно влияние культур Древнего Востока [1, с. 70; 22, с. 128—130], другие полагают, что скифское искусство возникло на собственной основе в глубинах Центральной Азии [9, с. 54—59; 14, с. 356—367]. Наибольшее обоснование получи-

ла первая идея, и здесь следует хотя бы кратко напомнить, в чем заключается ее сущность. Для этой цели, как нельзя лучше подходит недавно изданная монография Д. С. Раевского [17], в которой последовательно аккумулируется аргументация переднеазиатского происхождения скифского искусства. Здесь же приведена библиография по данному вопросу.

По мнению Д. С. Раевского, у скифских племен до восточных походов не было изобразительного творчества. Начальный процесс формирования скифского искусства состоял в отборе из древневосточного репертуара определенных образов и в их переосмыслении, ретроспекции в русле собственной скифской мифологии [17, с. 96—104]. «Отбор древневосточных изобразительных мотивов, помещавшихся на раннескифских памятниках, определялся задачей воплотить собственно скифские мифологические концепции...» На первоначальном этапе заимствовались и антропоморфные и звериные сюжеты, но воспринятым скифами антропоморфным образам суждено было или трансформироваться или умереть. Ввиду кратковременности контактов скифов с носителями переднеазиатских культур, неискушенности самих скифов в изобразительном искусстве, произошло последнее. Единичные попытки создания иконографии мифологических персонажей, подобных изображенным на келермесской секире, не увенчались успехом, и образ человека надолго исчез из скифского искусства [17, с. 104].

Свои положения Д. С. Раевский иллюстрирует археологическими находками из келермесских курганов. Он признает, что часть из них имеет инокультурный, нескифский облик, но вот «какие из них какие» — что приспособляется древневосточными мастерами применительно к скифским потребностям, а что приспосабливается самими скифами к собственным потребностям, из изложения остается не совсем понятным.

Как следует понимать тезис, согласно которому попытки создания иконографии антропоморфных образов у скифов не получили своего развития? Скифы сами сделали келермесскую секиру (!) и в дальнейшем отказались от таких попыток, или скифам попытались навязать антропоморфный образ, но они его не приняли? Как следует понимать рассуждение, в котором после анализа семантической системы изображений на мельгуновском и келермесском акинаках, келермесской секире и зеркале, из которого следует, что антропоморфные образы здесь выполнены в безусловно инокультурной основе, но среди них появляются мотивы звериного стиля (ле-

жащий олень), что очень важно, поскольку здесь прослеживается становление специфически скифской трактовки зооморфных мотивов, возникших на древневосточной основе [17, с. 94]? Имеем ли мы здесь случай соавторства скифских и древневосточных мастеров, сделаны ли указанные вещи скифами, поскольку идет становление и развитие образа скифского оленя, либо сам древневосточный мастер, по заказу или по собственному побуждению, создает этот образ, отбирает средства выражения, делает, так сказать, эскиз для скифскому искусству?

Со ссылкой на соответствующие исследования, Д. С. Раевский полагает, «что для нас не столь существенно, изготавливал ли все эти предметы иноземный мастер, который работал, сообразуясь с требованиями заказчика, может быть, даже по его указаниям, или же скифский ремесленник по иноземным образцам. В любом случае несомненно, что вещи предназначались для скифского потребителя, и в их форме и декоре явно учтены его запросы [17, с. 95].

Однако вопрос о том, кем были сделаны высокохудожественные золотые вещи из наиболее ранних скифских курганов Прикубанья ни с точки зрения происхождения скифского искусства, ни с точки зрения развития их металлообрабатывающего производства, далеко не праздный, ибо от правильности выбора направления поиска зависит исход решения этих кардинальных проблем.

Культурная принадлежность изделий всегда находится в прямом соответствии с техникой изготовления. Здесь можно указать весьма примечательный пример, это подтверждающий. Античность происхождения золотой бляхи с лежащим оленем (сюжет определенно скифский) из Куль-Обы, датируемой IV в. до н. э., ни у кого не вызывает сомнения. Это согласуется с надписью ПАІ, процарапанной на шее оленя. Как справедливо отметил М. И. Артамонов, античный мастер был настолько далек от понимания собственно скифского искусства, что в результате не только замысел, но и стиль здесь получили извращенное выражение. На теле оленя чисто механически наложены рельефные изображения грифона, зайца, льва и собаки. Мастер куль-обской бляхи, пытаясь в образе оленя воспроизвести древний скифский сюжет, в моделировке фигур дополнительных изображений «отказался от стилизации и остался целиком и полностью верным привычным для него формам греческого искусства» [4, с. 65]. Замечательным здесь является и то, что при изготовлении мастер пользовался античными приемами металлообработки — выколоткой, чеканкой и

тиснением с помощью металлических пуансонов, которые никогда не практиковались скифами.

Возвращаясь к изображениям «скифских оленей» на обкладках ножен келермесского и мельгуновского акинаков и келермесской секире, следует особо подчеркнуть, что по манере исполнения они резко отличаются от остальных зверей, там имеющих. Это замечено давно и многими исследователями. Олени показаны в типичных для скифского искусства позах с подогнутыми под живот ногами, вздернутой головой, прижатых к спине рогами, имеющими S-образные отростки. Форма туловища решена крупными плоскостями, шкура не проработана. Остальные животные показаны в более свободных позах, копытные имеют ветвистые рога, мускулатура тела зверей особо подчеркнута, шкура у многих зверей проработана.

Обкладки мечей и секиры сделаны из листового металла, собраны из нескольких частей, спаянных между собой. Техника нанесения изображений представляет собой образцы великолепной чеканки. Большой набор чеканов, достаточно сложные паячные работы, а также высокое мастерство исполнения свидетельствуют о том, что здесь мы имеем дело с продукцией, которая могла быть только под силу тюрентам-профессионалам, работающим в крупных, хорошо организованных и оснащенных ювелирных мастерских. Особенности конструкции обкладок (чеканка была произведена до пайки) не оставляют сомнений в том, что изображения «скифских оленей» были нанесены на крылья ножен одновременно со всеми остальными изображениями, так что о более позднем их появлении в данных случаях не может быть и речи.

Скифские мастера ни в VII в. до н. э. (так теперь датируется мельгуновское и келермесское оружие), ни в последующее время чеканкой (одним из наиболее сложных способов холодной обработки металлов, тем более на таком высоком профессиональном уровне) — практически не пользовались. Пайка у них применялась также редко и ограничивалась простейшими операциями. Они, как уже говорилось, работали в технике басмы по деревянным резным матрицам и в металлопластике [15]. То же самое можно сказать о больших золотых бляхах костромского оленя и келермесской пантеры [4, табл. 22: 62], которые были сделаны из толстого листового золота способом выколотки с прочеканкой отдельных деталей. Таким образом, говорить о какой-то причастности этих вещей, равно как и многих других, найденных в северокавказ-

ских курганах VII в. до н. э., к скифскому производству, вообще не приходится.

В таком случае возникает вопрос, о какой переработке переднеазиатских образцов может идти здесь речь, если сами вещи были сделаны не скифами. Отличия в образах «скифского оленя», родившегося в технике резьбы по дереву, это отмечается многими, от остальных сюжетов, являющихся образцами творчества чеканщиков, на келермесском и мельгуновском оружии — принципиальные; но каким образом эти противоположности совместились на одних изделиях? Кто кого здесь копирует — резчик чеканщика или чеканщик резчика? Тут ответ может быть однозначным. Поскольку каждая из вещей (и секира, и мечи) могла быть изготовлена одним мастером или, во всяком случае, в одной мастерской, то и оленей, естественно, наносил чеканщик. Таким образом, здесь не скиф переработал переднеазиатский мотив, а наоборот, переднеазиатский мастер имитировал в чеканке скифский образ, родившийся в технике резьбы, уже сложившийся и ставший каноничным. При этом он воспользовался приемами чеканки. Олень на келермесской секире имеет двойные линии на лопатках, крупе и ногах, что несвойственно для техники резьбы.

Не берусь судить о причинах появления скифских сюжетов на переднеазиатских изделиях. Очевиднее всего, здесь древневосточный мастер делал вещи, предназначавшиеся для самих скифов, и поставил на оружии своего рода визитную карточку, скопировав ее с уже реально существующих скифских образцов.

Все сказанное позволяет в новом свете взглянуть на проблему происхождения скифского звериного стиля. На обширных пространствах степей Евразии — в ареале расселения скифо-сибирских племен, наблюдаются локальные различия в особенностях звериного стиля (это тема для особого разговора), но тенденция его развития имеет много общих черт. Гипотеза о переднеазиатских истоках скифского искусства, поддерживаемая рядом исследователей, не находит подтверждения в области развития техники производства. Производственная база, ее мощности, набор технических приемов металлообработки, инструменты, навыки, средства выражения, традиции, не говоря уже о стилистических особенностях, на Переднем Востоке, Кавказе, в Греции были совершенно иными, нежели это имело место у кочевников степей Евразии. Скифо-сибирское искусство, равно как и металлообработка самобытны, прочно опираются на прикладное искусство — резьбу по дереву, кости, аппликацию и др. Художественная металлообработка здесь более молода по отно-

шению к ним. Это подтверждается чрезвычайно бедным ассортиментом технических приемов, практиковавшихся скифами, в сравнении с приемами, применяемыми народами древних цивилизаций [15]. На архаичной стадии развития скифо-сибирское искусство свободно от каких-либо чужеродных влияний. Что касается некоторых сюжетных переключек с передне-восточным искусством, то здесь могла, да и должна была сказаться общность происхождения, мировоззрения и мифологического наследия ираноязычных народов, к семье которых принадлежали скифо-сибирские племена.

1. Артамонов М. И. Искусство скифов.— В кн.: Триста веков искусства. Искусство Европы. части СССР. [Очерки]. М., 1976.
2. Артамонов М. И. Происхождение скифского искусства.— СА, 1968, № 4.
3. Артамонов М. И. Сокровища саков: Аму-Дарьин. клад. Алт. курганы. Минусин. бронзы. Сиб. золото. М., 1973 (ПДИ).
4. Артамонов М. И. Сокровища скифов в собрании Эрмитажа. Л.; Прага, 1966.
5. Баркова Л. Л. Изображения свернувшихся хищников на золотых пластинах из Майамира.— АСГЭ, 1973, [вып.] 24.
6. Галанина Л. К. Раннескифские уздечные наборы.— АСГЭ, 1983, [вып.] 24.
7. Грязнов М. П. Аржан: Царский курган раннескиф. времени. Л., 1980.
8. Грязнов М. П. О монументальном искусстве на заре скифо-сибирских культур в степной Азии.— АСГЭ, 1984, [вып.] 25.
9. Грязнов М. П. Саяно-алтайский олень.— ПА, 1978, вып. 2.
10. Дзвлет М. А. Изображения в скифо-сибирском зверином стиле на скалах Верхне-

го Енисея.— В кн.: Скифо-сибирское культурно-историческое единство: Материалы I Всесоюз. археол. конф. [Дек. 1971 г., Кемерово]. Кемерово, 1980.

11. Ермолова Н. М. К вопросу об интерпретации изображений животных.— Там же.
12. Завитухина М. П. Древнее искусство на Енисее: Скиф. время. Л., 1983 (ПОК).
13. Ильинская В. А. Образ кошачьего хищника в раннескифском искусстве.— СА, 1971, № 2.
14. Ильинская В. А., Тереножкин А. И. Скифия VII—IV вв. до н. э. Киев, 1984.
15. Минасян Р. С. К вопросу о влиянии техники производства на происхождение некоторых особенностей скифо-сибирского звериного стиля.— АСГЭ, 1988, [вып.] 29.
16. Мурзин В. Ю. Скифская архаика Северного Причерноморья. Киев, 1984.
17. Раевский Д. С. Модель мира скифской культуры: Пробл. мировоззрения ираноязыч. народов евразийск. степей I тысячелетия до н. э. М., 1985.
18. Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953.
19. Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960.
20. Савинов Д. Г. Изображения собак на оленных камнях.— В кн.: Скифо-сибирское культурно-историческое единство...
21. Чежина Е. Ф. Изображения свернувшегося в кольцо хищника в искусстве Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху.— АСГЭ, 1984, [вып.] 25.
22. Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967.
23. Шкурко А. И. Об изображении свернувшегося в кольцо хищника в искусстве лесостепной Скифии.— СА, 1969, № 1.
24. Scythian Art. Leningrad, 1986.

Е. Ф. ЧЕЖИНА

О ВОЗМОЖНЫХ ПРИМЕНЕНИЯХ МЕТОДОВ ИСКУССТВОВЗНАНИЯ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ

Предметы древнего искусства являются, с одной стороны, памятниками материальной культуры, а с другой, как любое художественное произведение, отражают мировоззрение своих создателей и их духовную культуру, будучи специфическими носителями идеологической информации. Исходя из этого тезиса, А. А. Формозов рассматривает три возможных аспекта изучения памятников древнего искусства: описание и классификация, анализ технических особенностей и выявление хронологической позиции, обычные для всех археологических объектов; эстетическая оценка как художественных произведений; «использование памятников как источника по истории культуры, главным образом по истории мышления, религии, духовной жизни» [16, с. 12]. Существует возможность рассматривать изображения памятники как тексты, предназначенные для фиксации каких-то идей и образов, иными словами, содержащие некую образную информацию.

Метод исследования, как известно, определяется свойствами изучаемого объекта. Как археологический источник, предметы искусства могут исследоваться типологическим методом. Что касается двух других аспектов, указанных А. А. Формозовым, то следует рассмотреть возможность применения методов, которыми пользуются искусствоведы.

Если говорить о методах, приемлемых для всех сфер человеческого творчества, то нужно выделить формально-стилистический, структуралистский и семиотический методы, а применительно к изобразительным искусствам — еще и иконографический и иконологический методы. Каждый из этих методов имеет свои преимущества и свои слабые стороны и не способен всесторонне определить стилистическую специфику искусства звериного стиля. Однако применение всех их в отдельности или комп-

лексно вполне оправдано для выявления определенных характеристик объекта изучения.

Исторически самый ранний — формально-стилистический метод, основателем которого был Г. Вёльфлин. Вёльфлин выделил признаки стиля, по которым можно детерминировать формальные стилистические элементы и на этом основании определенным образом сгруппировать произведения искусства. Эти признаки представляют собой оппозиции линейности и живописности, плоскостности и глубинности, тектоничности и атектоничности, множественности и единства, ясности и неясности и т. д. При этом Г. Вёльфлин определил закономерности, свойственные формальным элементам стиля, установив, что живописность противоречит плоскостности и требует глубинности и вместе с последней тяготеет к атектоничности. Несмотря на известную ограниченность этого метода, неоднократно критикованная в литературе [7, с. 92—93; 4, с. 269], от формально-стилистического метода, по-видимому, не стоит совсем отказываться, поскольку формальные стилистические элементы могут служить классификационными признаками. Именно формально-стилистический метод широко используется в применении к категории предметов искусства археологического материала, позволяет наметить локальные варианты и хронологические группы скифо-сибирского звериного стиля (М. И. Ростовцев, Г. Боровка, М. И. Артамонов) и по сей день не утратил своего значения. Хотя практически это выделение происходит на интуитивном уровне и ни в одной из работ упомянутых авторов формально-стилистический метод не назывался. М. И. Артамонов, характеризуя динамику изменений скифского звериного стиля во времени, с успехом пользовался категориями формально-стилистического метода: «Развитие скифского искусства отчетливо

распадается на два периода. Первый из них характеризуется соединением выразительной реалистичности и объемной живописности с орнаментальной декоративностью. Второй, относящийся к IV—III вв., отличается графической схематизацией образов, превращением их в линейный орнамент. В соответствии с этим изображение становится плоским и детали обозначаются резными линиями» [2, с. 81—82]. Применение этого метода в исследовании памятников древнего искусства, и в том числе изделий звериного стиля, может быть весьма плодотворным, вероятно более, нежели в изучении других видов искусства. Однако нельзя забывать о том, что такой анализ не может дать полного представления о стиле в целом и объяснить его место в истории искусств. Формально-стилистический метод, как отмечает Г. К. Вагнер, «страдает абстрактностью, при которой из поля зрения ускользает историческая специфика» [4, с. 269].

В последнее время очень широко применяются в разных областях искусствознания структуралистский и семиотический методы, которые практически часто сближаются или сочетаются.

Семиотический метод предполагает исследование произведений искусства как знаковой системы, выявляя «язык», при помощи которого до зрителя доносится кодированное содержание художественных произведений. В русле семиотического метода в изучении скифо-сибирского звериного стиля успешно работают Д. С. Раевского, Е. Е. Кузьмина, А. К. Акишев и другие исследователи [13; 6; 7]. «Язык» можно рассматривать на некотором абстрактном уровне — как гибкую формальную систему, потенциально способную передать содержание [15, с. 34]. Попытки формализации исследований явлений искусства проводятся в разных областях художественного творчества. Многие из них представляют интерес в стремлении изучить художественный язык; главное их достоинство — в возможности выявления и фиксации определенных формальных закономерностей изображения. Но их недостатком является ограниченность изучения чисто внешней стороны, формы; они могут служить лишь вспомогательным инструментом и не в состоянии раскрыть сущность и специфику тех или иных художественных явлений.

Так, Е. В. Смирницкая провела работу по выделению стилистических принципов средневекового зооморфного орнамента на материале древнерусских серебряных наручей [14]. Сделав попытку стилистического анализа, автор разбирает одну стилистическую черту зооморфной орнаментики, а именно ритмическую

организацию ее рисунка, принцип его расположения на плоскости. Е. В. Смирницкая ограничилась анализом построения отдельных изображений, не касаясь их расположения относительно друг друга, и выявила универсальную роль, которую играет в рисунке кривая линия, имеющая определенный изгиб. Исследование основывается на геометрических построениях и, несомненно, перекликается с теорией «линии красоты» У. Хогарта.

По отношению к скифо-сибирскому звериному стилю подобных работ не проводилось, если не считать попытку Д. С. Раевского связать композиционные особенности некоторых скифских зооморфных изображений с закономерностями геометрических построений [13]. Представляется интересной возможность исследования пропорциональных соотношений в зооморфных изображениях скифского времени и связь их композиции с геометрическими формами и универсальной S-образной линией, которая прослеживается очень четко как в отдельных деталях изображений, так и в композиции в целом.

Семиотика рассматривает изобразительные памятники древности как тексты или элементы текстов в контексте их расположения. В центре внимания оказывается структура изобразительных текстов, и на этой основе предпринимается попытка их семантической реконструкции. В таком направлении ведутся работы Я. А. Шера, который стремится соединить сравнительно-исторический и семиотический методы и выйти на качественно иной методический уровень [17, с. 10, 11]. Я. А. Шер, рассматривая изображения в плане содержания и в плане выражения, обосновывает необходимость участия в анализе не только содержательных (семантических), но и выразительных (стилистических) элементов, подчеркивая меньшую инерционность последних по сравнению с содержательными элементами. Исходя из этого, Я. А. Шер считает, что именно стилистические элементы «должны служить основными индикаторами этнокультурных и хронологических привязок» [17, с. 11]. Я. А. Шер пытается, в отличие от своих предшественников, обращавшихся к изучению древнего искусства и выделявших стилистические элементы на интуитивном уровне, сделать особенности стиля предметом специального описания и найти возможности их объективного сравнения [17, с. 11]. В центре внимания автора — поиск закономерностей в «языке» искусства, то есть в средствах выражения образной информации. Основным материалом для исследователя послужили петроглифы, но, по признанию самого автора, те же закономерности можно выявить и в изображениях другого характера [17,

с. 25]. Я. А. Шер выделяет изобразительные инварианты, предлагая называть ими те элементы изображений, которые остаются неизменными и устойчиво повторяются на разных по содержанию изображениях [17, с. 32].

Подразделяя изобразительные элементы, составляющие образ, на две группы — изменяющиеся и неизменяющиеся (инвариантные), — Я. А. Шер предлагает называть элементы первой группы, меняющие содержание образа, содержательными, а элементы второй группы — стилистическими элементами. За счет этих последних элементов «образуются те, не всегда ясно уловимые особенности, которые позволяют объединить группы изображений и отнести их к единой «манере», «стилю», «школе» и т. д.». Признавая условность такой первичной классификации изобразительных элементов, Я. А. Шер тем не менее считает ее вполне пригодной для работы [17, с. 33].

Я. А. Шер сформулировал определение стилистического анализа, под которым «следует понимать в основном анализ плана выражения. Суть такого анализа состоит в том, что образ расчленяется на составляющие его элементы, выделяются элементы плана выражения, которые затем сравниваются с элементами плана выражения других изобразительных памятников» [17, с. 42].

Стилистические признаки в схеме, предложенной Я. А. Шером, способны служить классификаторами, с помощью которых можно выделить типы по стилю независимо от содержательных признаков [17, с. 52]. Я. А. Шер выделяет особый класс изобразительных элементов — иконографические. Они устойчивы и повторяются от одного изображения к другому, то есть являются инвариантными. «Своей устойчивостью иконографические элементы сближаются с элементами плана выражения. Вместе с тем они обычно содержат и некоторую нередуцированную семантическую информацию» [17, с. 42].

Сравнительно-исторический подход к изучению памятников изобразительного творчества древности как артефактов требует обычных правил анализа: описание, классификация, датировка, интерпретация. Я. А. Шер предлагает ввести фиксированный список признаков для сравнения изображений между собой, чтобы формализовать язык описания и перейти от обычного изложения совокупности признаков на интуитивном уровне в форме «визуальных суждений» и высказываний субъективно-оценочного плана (например, «зябкие линии», «архаический облик», «грубое изображение») к строгой формулировке задачи классификации [17, с. 50]. Такой подход к исследованию изобразительного материала позволяет исполь-

зовать методы точных наук и машинную обработку данных и сделать исследование более объективным. Подробно изложен опыт возможности формализованного подхода к анализу археологических источников, и в том числе изобразительных памятников, И. С. Каменецким, Б. И. Маршаком и Я. А. Шером [5]. Авторы рассматривают три вида связей: функциональные, генетические и стилизационные. Признаки, меняющие облик изображения, названы функциональными, признаки, отражающие уровень стилизации — стилизационными, а признаки, незначимые по отношению к сюжету и стилю изображения, отражающие неосознанную передачу изобразительной традиции — генетическими [5, с. 63—64]. Последние могут свидетельствовать о родстве или общем происхождении. При этом функциональное сходство объясняется сходностью задачи или общей идеи.

Методику, отчасти опирающуюся на разработки И. С. Каменецкого, Б. И. Маршака и Я. А. Шера, использовала для изучения кубанского локального варианта скифского звериного стиля Е. В. Переводчикова. Она, однако, усомнилась в универсальности предложенной тремя исследователями классификации и сформулированной ими теории изобразительных инвариантов, представляющей стиль совокупностью устойчивых элементов, безразличных к изображению [9, с. 120, 122]. Е. В. Переводчикова внесла свои коррективы, подчеркнув, что при очевидности наличия в каждом стиле определенного инвариантного уровня «представляется неправомерным сводить стиль только к нему». Далее Е. В. Переводчикова справедливо указывает на недостаточную убедительность отнесения различных вариаций изображений одного мотива к области незначимого, отмечает, что «такое исключение значимых признаков из области стиля обедняет наши представления о нем как о явлении искусства» [9, с. 121]. Е. В. Переводчикова предлагает рассматривать скифский звериный стиль как изобразительную систему. Выдвинув тезис о том, что «любая традиция изображения может быть рассмотрена как самостоятельная система, элементы которой (признаки изображений) могут быть правильно расположены нами только в том случае, если мы исходим из ее внутренних закономерностей» [9, с. 119], автор исследует прикубанский вариант звериного стиля, достаточно четко и обоснованно выделив его специфические характеристики.

В отличие от методики Я. А. Шера, И. С. Каменецкого и Б. И. Маршака, Е. В. Переводчикова делит все классификационные признаки на значимые и незначимые, связан-

ные и не связанные с сюжетом изображения. Значимые признаки, по Е. В. Переводчиковой, могут быть общими для больших или меньших групп животных или же специфическими для каждого вида. «При этом признаки различной значимости образуют систему, в которой каждому их традиция отводит свое место и свою роль» [9, с. 123]. Значимые признаки выделяются путем корреляции вида животного и приемов его изображения. Определив место признаков в системе, возможно получить первоначальный набросок предполагаемой системы [9, с. 123].

Обработка материала методом корреляции приемов изображения и вида изображаемого животного, позволившем автору определить основные принципы организации произведений звериного стиля, дала Е. В. Переводчиковой возможность выявить отличительные черты прикубанского варианта. В результате своего исследования она выделила три модификации изобразительной системы звериного стиля Прикубанья (ранняя группа, по Е. В. Переводчиковой, характеризуется теми же приемами, что и искусство архаики других регионов Северного Причерноморья; группа круга Семибратних курганов V в. до н. э.; художественные изделия из курганов у ст. Елизаветинской и близкие им вещи IV в. до н. э.). Е. В. Переводчикова подчеркнула, что инвариантами для всех видов животных оказались: моделировка поверхности тела животных и манера изображения глаза, лопатки и бедра; напротив, поза, способ передачи ушей, ноздрей, пасти и концов ног зверей всегда значимы для определения сюжета изображения. Для ранней группы памятников были выделены характерные черты, не свойственные зооморфным изображениям других групп [10, с. 45].

Метод, предложенный Е. В. Переводчиковой, весьма плодотворен. Следует отметить как положительный момент и то, что она подробно изложила принципы своей работы, а также и то, что исследование проделано на профессиональном уровне с точки зрения искусствоведческих позиций, чем обычно считают возможным пренебрегать археологи.

Однако, несмотря на не вызывающее возражений стремление автора видеть в зооморфных изображениях скифского искусства «пластическую идеограмму», Е. В. Переводчикова в своих выводах не пошла дальше все тех же формальных характеристик прикубанского локального варианта звериного стиля.

Как уже было сказано выше, искусство отражает мировоззрение своих создателей, и в исследовании искусства необходимо рассматривать всю систему художественного явления,

искусства как формы общественного сознания, имеющей материальное воплощение.

По отношению к искусству звериного стиля попытка такого системного исследования представляется чрезвычайно интересной. Характерное акцентирование определенных признаков животных заставляет видеть в зооморфных изображениях искусства скифского мира своего рода схемы, «чистые идеи», свободные от всего случайного и индивидуального. Такого рода искусство получило название «идеопластического» [9, с. 114; 8, с. 60, 61].

В искусствоведении в настоящее время широко применяется иконологический метод, предложенный Э. Панофским [19]. В основу его положена иконография, но не как самоцель, а как вспомогательное средство. Более традиционный для искусствознания иконографический метод практически давно используется и для археологических памятников искусства. Под иконографическим методом понимают описание и систематизацию типологических признаков и схем, принятых при изображении каких-либо персонажей, мифов или сюжетных сцен. В изучение звериного стиля такой метод ввел К. Шефольд, положивший начало исследованию зооморфных изображений по отдельно взятым мотивам и сюжетам [20]. Попытка применения такого метода наметилась уже у Г. Боровки [18]. В дальнейшем этот метод с успехом разрабатывался многими исследователями (Н. Л. Членова, В. А. Ильинская, А. И. Шкурко и др.), получил распространение и принес свои результаты. Однако этот метод подвергся сомнению. Н. Н. Погребова высказала справедливое критическое замечание, указав, что такой подход ведет к разрыву стилистических групп [11, с. 135].

Иконология делает своим предметом исследование различных сюжетов и мотивов с целью определить их значение и смысл в контексте данной культуры и выявить отраженные в них черты миропонимания [3, с. 122]. Иконологический метод предполагает раскрытие символического смысла произведения искусства, влияние идеологии на художественное творчество, соответствие идейного замысла форме. Иконологический метод сближается с комплексным, но «не дает полного ответа на вопросы, возникающие в связи со стилистической проблематикой», — считает Г. К. Вагнер [4, с. 258]. «Можно досконально вскрыть символическое содержание анализируемого произведения или группы произведений, даже проследить, насколько художественная форма произведения адекватна содержанию, но это еще не будет определением стиля», — пишет далее автор [4, с. 258]. Не признавая всеоб-

ъемными иконографический и иконологический методические подходы к изучению искусства, Г. К. Вагнер делает вывод, что «ни иконографический, ни иконологический методы не имеют своим предметом структуру... искусства, а без изучения структуры последнего вряд ли возможен объективный подход к проблеме стиля» [4, с. 259].

Для древнерусского искусства Г. К. Вагнер предложил метод, условно названный автором эстетическим, который включает в себя и иконографию, и иконологию, имея в основе проблему стиля, понимаемого широко [4, с. 268]. Предложенный метод практически является структурным, хотя Г. К. Вагнер уточняет, что «понятие структурного подходит к эстетическому методу лишь частично, так как отражает нечто общенаучное, но не специфически искусствоведческое», и подчеркивает, что «нельзя назвать его и «морфологическим», так как речь идет не только о формах, но и об их содержании» [4, с. 268].

Выдвинутый Г. К. Вагнером метод перспективен и рассчитан на всестороннее изучение объекта. Однако указанные выше методы, не претендующие на столь всеобобщающее исследование такого сложного и многогранного предмета, как искусство, а способствующие решению частных задач, направленные на раскрытие лишь определенных его сторон и объяснение некоторых аспектов, безусловно имеют право на существование и уже дали самые положительные результаты.

Кроме того, не кажется удачным название метода — эстетический, которое, как отмечает сам автор, условно. Г. К. Вагнер относит его только к сфере изучения древнерусского искусства, хотя возможно его гораздо более широкое применение, в частности, в исследовании древнего искусства вообще с поправкой на то, что область жанра выпадает из общей схемы, поскольку жанр еще практически не выделялся и в большинстве случаев в искусстве древнего мира отсутствует.

Правда, следует оговориться, что во многом различная оценка методов связана с терминологической казуистикой и отсутствием общего понимания определенных дефиниций. Так, Э. Панофски полагает, что «стилистическая характеристика возникает на первой низшей стадии изучения произведения искусства. Далее идет иконографическое определение сюжета и, наконец, в иконологии вскрывается содержание и смысл произведения» [19, р. 258]. По мнению Г. К. Вагнера, «если речь идет об искусствоведении, то стилистический анализ должен завершить собой всё изучение. В этом анализе синтезируются все данные содержания и формы произведения. Такой метод... будет

частнонаучным, но, так сказать, более общим искусствоведческим методом, по отношению к которому иконография и иконология будут подсобными или «подводящими» [4, с. 258]. В исследовании искусства звериного стиля наиболее оправданным представляется подход к этому явлению как к знаковой системе, требующей прежде всего подробного анализа «языка» с выявлением генезиса и развития знаков, передающих «текст».

Предпринятые попытки исследователей различных явлений древнего искусства рассматривать объект изучения как систему, несомненно, чрезвычайно перспективны. Причем в рамках этой системы необходимо рассматривать и содержание искусства, отразившее мировоззрение своего времени в историческом развитии, и стиль, обусловленный содержанием. Такая методика является общенациональной, и в этом отношении совершенно правомерно ее применение к истории искусств и, в частности, к изучению памятников звериного стиля скифского времени. В то же время в исследовании искусства звериного стиля применим и такой специфически искусствоведческий метод, как иконологический. Что касается условно названного «эстетическим» и предложенного Г. К. Вагнером метода, то по существу он является очень близким иконологическому и комплексному, и различия их в значительной степени сводятся к терминологическим тонкостям. И вряд ли целесообразно введение в этом случае новых дефиниций.

1. Акишев А. К. Искусство и мифология саков. Алма-Ата, 1984.

2. Артамонов М. И. Сокровища скифских курганов. Прага; Л., 1966.

3. Богемская К. Г. Иконография.— БСЭ, 3-е изд. М., 1972, т. 10.

4. Вагнер Г. К. Методологические предпосылки изучения стиля древнерусского искусства.— В кн.: Критерии и суждения в искусствознании. Сб. ст. М., 1986.

5. Каменецкий И. С., Маршак Б. И., Шер Я. А. Анализ археологических источников (возможности формализованного подхода). М., 1975.

6. Кузьмина Е. Е. О «прочтении текста» изобразительных памятников искусства евразийских степей скифского времени.— ВДИ, 1983, № 1.

7. Лазарев В. Н. О методологии современного искусствознания.— В кн.: Критерии и суждения...

8. Мириманов В. В. Первобытное и традиционное искусство. М., 1973 (МИИ).

9. Переводчикова Е. В. О возможности исследования скифского звериного стиля как изобразительной системы.— В кн.: Проблемы истории античности и средних веков. [Сб. ст.] М., 1980.

10. *Переводчикова Е. В.* О локальных чертах скифского звериного стиля Прикубанья.— СА, 1987, № 4.

11. *Погребова Н. Н.* К вопросу о скифском зверином стиле.— КСИИМК, 1950, [вып.] 34.

12. *Раевский Д. С.* К характеристике основных тенденций в истории скифского искусства.— В кн.: Художественные памятники и проблемы культуры Востока. [Сб. ст.] Л., 1985.

13. *Раевский Д. С.* Модель мира скифской культуры: Пробл. мировоззрения ираноязыч. народов евразийск. степей I тысячелетия до н. э. М., 1985.

14. *Смирницкая Е. В.* К вопросу о стилистических принципах средневекового зооморф-

ного орнамента (на материале древнерус. серебряных наручей).— В кн.: Художественный язык средневековья. [Сб. ст.] М., 1982.

15. *Успенский Б. А.* К исследованию древней живописи.— В кн.: Жегин Л. Ф. Язык живописного произведения (условность древнего искусства). М., 1970.

16. *Формозов А. А.* Очерки по первобытному искусству. М., 1969.

17. *Шер Я. А.* Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980.

18. *Borovka G.* Scythian Art. London, 1928.

19. *Panofsky E.* Studies in Iconology: Humanistic Themes in the Art of the Renaissance. New York, 1962.

20. *Schefold K.* Des Scythische Tierstil im Südrussland.— ESA, 1938, vol. 12.

И. А. БАЖАН, М. Б. ЩУКИН

К ВОПРОСУ О ВОЗНИКНОВЕНИИ ПОЛИХРОМНОГО СТИЛЯ КЛУАЗОННЕ ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

Вступление. Постановка задачи. Изделия красно-золотого полихромного стиля, ставшие своего рода диагностирующим признаком эпохи переселения народов, или так называемого гуниского времени, давно занимают исследователей. Выявление истоков этого стиля в целом и его вариантов, этапов его эволюции, определение хронологии могло бы действительно способствовать прояснению многих запутанных вопросов той бурной эпохи.

Специфической особенностью полихромного стиля времени Великого переселения народов, отличающей его от полихромных изделий других эпох — эллинистической, римской, средневековой, — является широкое применение техники клуазонне (*cloisonné*), когда вся поверхность изделия сплошь покрывается плоскими фигурными пластинками полудрагоценных камней, чаще всего красных алмандиновых гранатов, с тонкими золотыми перегородками между ними.

И. П. Засецкая, классифицируя полихромные изделия гуниского времени, выделила среди них несколько стилистических групп. Самой ранней с вещами в технике клуазонне оказалась IV группа, которую исследовательница датировала концом IV — 1-й половиной V в. [18; 19].

Не занимаясь проблемой происхождения всех особенностей полихромного стиля гуниской эпохи, мы ограничили свою задачу поисками вещей с элементами клуазонне, характерными для IV стилистической группы, по И. П. Засецкой, но датирующихся более ранним временем. Районы, где изделия такого рода могли бы производиться, должны соответствовать определенным условиям.

Во-первых, здесь должно быть в достаточном количестве сырье — гранаты. Впрочем, в данном случае это условие не принци-

пально. Практически во всех горных районах Южной Европы, Передней Азии и Северной Африки гранаты встречаются.

Во-вторых, как показала Б. Аррениус, специально занимавшаяся технологическим аспектом проблемы, изготовление вещей этого стиля — дело не простое, требует немалых профессиональных навыков и достаточно сложного технологического оборудования для точного распиливания гранатов на пластинки, придания им определенной формы, шлифовки. Кроме того, требуется знание рецептов паст для крепления пластинок и многое другое. Вряд ли такое производство было возможно в сугубо варварской среде. Всеми этими приемами владели античные мастера-мозаичисты [51, с. 45—60]. Следовательно, искать нужно в районе, где существовала древняя традиция обработки полудрагоценных камней и где изготавливались мозаики, или во всяком случае в областях, примыкающих к такому району.

В-третьих, исследователи уже давно обращали внимание на сходство некоторых вещей в технике клуазонне с изделиями провинциально-римских эмальеров [42]. Сплошное покрытие поверхности камнями по сути дела имитирует эмали. Они должны были бы быть так же знакомы заказчикам, как и мастерам.

В-четвертых, как показал Я. Тейрал, в эпоху переселения полихромный стиль был свойствен не столько самим кочевникам-гунам, сколько был модой, распространенной в разнородной среде варваров-федератов, так или иначе служивших римлянам [66], был своего рода культурным койне этой социальной прослойки варварского общества. Сами римляне пользовались такого рода вещами значительно меньше. И первыми потребителями изделий клуазонне скорее всего тоже должна была бы быть подобная группа варваров

из непосредственного пограничья Империи.

Две гипотезы. Со времени М. И. Ростовцева широко бытует идея боспорского центра производства полихромных изделий [38, с. 557], хотя западноевропейские ученые обычно ссылаются на юг России без более точной локализации.

Действительно, Боспор почти идеально соответствует названным условиям. В склепах Госпитальной улицы в Керчи — обилие полихромных изделий, в том числе и в интересующей нас технике клуазонне; традиция изготовления золотых вещей с цветными вставками восходит в Восточном Причерноморье еще к эллинистической эпохе; знакомо население и с римскими эмалями, и с мозаиками.

Однако А. К. Амброз заметил, что в склепах Госпитальной улицы «нет признаков постепенного сложения нового стиля... ведущие формы вещей появились здесь как бы в готовом виде» [3, с. 14—15]. Это заставило искать другой центр, и А. К. Амброз видел его в Среднем Подунавье. Изделия полихромного стиля объединяют «не только дальневосточные, боспорские и восточно-аланские, но и западно-сарматские (среднедунайские), древнегерманские и провинциально-римские элементы. Такой сплав мог образоваться только на Дунае. Это определяет дату сложения стиля не ранее 420-х годов» [3, с. 15]. Полихромный стиль эпохи переселения, по А. К. Амброзу, возник в эпоху Аттилы и был затем перенят другими народами Европы, а его распространение далеко на восток связано с обратным движением гуннов после разгрома на Каталунских полях в 451 г. «На Боспоре был более скромный местный вариант этого стиля. Его появление связано с подчинением Боспора гуннам» [3, с. 15]. Идея дунайского происхождения полихромного стиля и была отправной точкой всех дальнейших расчетов хронологической системы А. К. Амброза.

Что касается техники клуазонне, то дунайская идея имеет право на существование. Чехия и сегодня славится своими гранатами, в римское время в Подунавье изготавливались эмали, а римские виллы украшались мозаиками. Правда, далеко уходящей в прошлое традиции обработки драгоценных камней и их использования в ювелирных изделиях здесь нет. В этом отношении восточные провинции Империи, составной частью которой был и Боспор, имеют явное преимущество. Кроме того, И. П. Засецкая заметила, что те хронологические группы изделий полихромного стиля, которые наметил А. К. Амброз, относятся самую раннюю из них ко времени Аттилы, а поздние — к VII в., имеют один и тот же круг аналогий, сочетаются в одних и тех же комплек-

сах, а следовательно, не могут быть асинхронными, они «принадлежат одной исторической эпохе» [16; 18; 19]. А «большая часть погребального инвентаря керченских склепов относится ко 2-й половине IV — первым десятилетиям V в.», что подтверждается находками серебряных чаш с изображениями императора Констанция II (337—361) и монетами от Констанция Галла (351—354) до Валентиниана II (375—392) [16, с. 11]. Одно время считалось, что среди них есть и монета Валентиниана II (425—455) [42, с. 115], но это оказалось ошибкой [16, с. 11]. Таким образом, боспорские склепы по времени несколько раньше венгерских находок полихромного стиля, и тезис о дунайском его происхождении можно снять. Именно на Боспоре, по мнению И. П. Засецкой, гунны получили полихромный стиль и в своем движении на запад широко разнесли его по Европе, где чаще встречаются вещи уже более поздних — V и VI — стилистических групп [18, с. 25—26].

Тем не менее тезис А. К. Амброза о появлении полихромного стиля на Боспоре «в готовом виде» сохраняет силу, и вопрос о его происхождении по-прежнему остается открытым. Решить проблему, очевидно, невозможно без привлечения новых материалов, без расширения круга поисков. А такие возможности есть.

Полихромный стиль в Закавказье. Первые проявления техники клуазонне. Почему-то мимо внимания исследователей прошел еще один регион, где имеются все названные выше условия и где полихромные изделия, в том числе и в технике клуазонне, представлены целым рядом хорошо датированных находок. Они всем специалистам хорошо известны, но в дискуссии о полихромном стиле почему-то не использовались. Имеются в виду находки с территории Грузии, с территории древнего Иберийского царства.

Так, золотой медальон и кольцо с гранатовыми вставками, которые по всему набору элементов полностью соответствуют IV стилистической группе И. П. Засецкой, происходят из погребения 9 могильника Арагвиспири (рис. 1: 18, 19) [35, рис. 2: 1]. Инкрустированные гранатами пряжка и медальон на цепочке, в центре которого имеется также эмалевая вставка, найдены в богатом погребении 13 того же могильника (рис. 1: 16, 17) вместе с серебряной чашей. На донном медальоне чаши — изображение коня перед алтарем. В этом же погребении — два серебряных кувшина со сценами охоты и другие вещи III в., в том числе золотые и серебряные монеты, позднейшая из которых — ауреус Валериана 254—260 гг. По составу находок могильник Арагви-

спири очень близок расположенному 20-ю км южнее известному некрополю Армазисхеви в Мцхете, бывшему местом упокоения, как считают грузинские археологи, картлийских высших сановников — питиахшей [6]. На разборе комплексов этого богатого могильника стоит остановиться несколько подробнее.

Самое раннее погребение 1, где был похоронен, если верить греческой надписи на перстне с портретной геммой (рис. 1: 1), «питиахш Аспарук» [6, с. 25—46]. Для Иберии несколько странным представляется и иранское имя этого человека, и его титул. Некие Аспаруки известны, кстати, в составе двора первого сасанидского шаха Папака и его сына Арташира, то есть в 224—242 гг. [26, с. 43]. Что означал титул «питиахш» в сасанидской «табелли о рангах», не ясно, на этот счет существует богатая литература, но очевидно, что положение его весьма высокое, сразу после наследных принцев [27, с. 27]. Однако картлийский «питиахш Аспарук» жил почти на сто лет раньше. Его погребение относится ко времени Адриана (117—138), о чем могут свидетельствовать блюдо с портретом Антиноя и четыре ауреуса Адриана. Здесь же найден кинжал в золотых ножнах (рис. 1: 2), уже несколько напоминающий изделия клуазонне, но с более редкими вставками бирюзы и алмазидинов. Наконец ножон украшен медальоном синей эмали с узором из тонких золотых перегородок.

Аналогичный кинжал найден в богатом склепе в 1975 г. в Горгиппии. Алмазидины здесь лишь окаймляют ножны, а основное поле занято изображениями хищных птиц, терзающих зайцев. Отдельные детали подчеркнуты вставками бирюзы, как в изделиях сарматского бирюзово-золотого звериного стиля. Из этого же склепа происходит бронзовая курильница, украшенная эмалью, — прекрасное произведение провинциально-римских, скорее всего галльских эмальеров [1, цв. вкладки между с. 80—81]. Склеп датирован III в. по имеющимся на его стенах росписям «инкрустационно-цветочного стиля», являвшегося, возможно, еще одним источником вдохновения ювелиров, работавших в технике клуазонне. Целый ряд декоративных элементов этих росписей совпадает с элементами IV стилистической группы И. П. Засецкой [1, табл. 42]. Датировку склепа 1975 г. можно было бы сузить до первой половины III в., так как в середине этого века Горгиппия была разрушена.

Что касается дальнейших аналогий кинжалу Аспарука, то искать их следует, очевидно, на востоке. В частности, такую же конструкцию имеют ножны из Тилля-Тепе в Афганистане [39], изготовленные в более раннем бирюзово-золотом стиле.

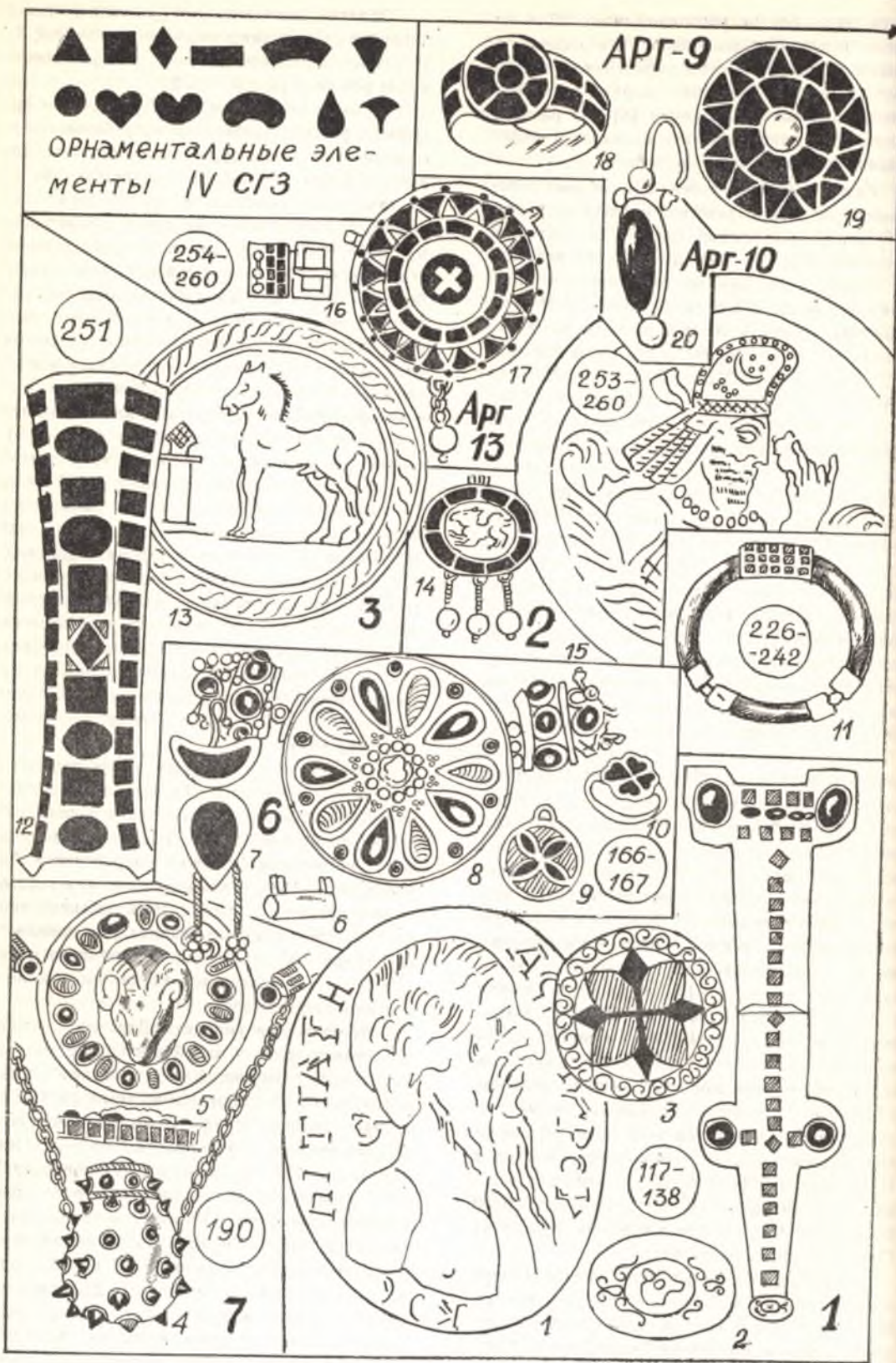
Обратим внимание, что из захоронения Аспарука происходит и эмалевая брошь (рис. 1: 3) с красно-оранжево-зеленой четырехлепестковой розеткой [6, табл. 9: 2].

Женские погребения 6 и 7 грузинские археологи рассматривают как погребения представительниц следующего поколения рода Аспарука. В них — целый ряд предметов, обильно осыпанных гранатовыми кабушонами: сережки, браслеты, подвески, гривна, флакончик и т. д. [6, с. 74—112]. Для наших рассуждений особенно важны два медальона: один из погребения 7, поскольку незаконники цепочки, на которой он подвешивался, и его боковые стороны (рис. 1: 5) украшены прямоугольными бирюзовыми вставками в технике клуазонне [6, табл. 9], и второй, из погребения 6, круглый, с четырехлепестковой розеткой, напоминающей декор эмалевой броши Аспарука (рис. 1: 9). Сделан он, однако, в технике перегородчатой инкрустации со вставками граната и бирюзы [6, табл. 6: 4]. Обращает на себя внимание и перстень из того же погребения [6, табл. 10: 4]. Щиток его украшен четырьмя сердцевидными вставками гранатов в технике клуазонне (рис. 1: 10). Б. Аррениус считает сердцевидные вставки одним из наиболее ранних мотивов инкрустационного стиля [51, с. 11]. Датируются оба погребения сериями монет, из которых позднейшая в могиле 7 — ауреус Марка Аврелия 166—167 гг., а в могиле 6 — ауреус Коммода 190 г.

Таким образом, находки в Закавказье, в отличие от Боспора и Подунавья, позволяют проследить процесс зарождения и начало эволюции инкрустационного стиля. В самом раннем — погребении Аспарука, современника Адриана (117—138), стиля клуазонне как такового еще нет, но есть эмали. В погребениях конца II в. (№ 6 и 7) эта техника уже появляется, но еще очень немного, в сочетаниях с бирюзой и с каменными вставками, которые иногда имитируют эмаль.

Историческая справка. Для того, чтобы представить себе, в какой обстановке мог зародиться интересующий нас стиль, необходимо обратиться к некоторым известным фактам из истории Иберии. В сферу римских интересов Иберийское царство попало во времена Помпея, в 66—63 гг. до н. э., и с тех пор иберийские цари постоянно держатся в русле приморской ориентации. Римляне в этом заинтересованы, поскольку царство занимало важную стратегическую позицию. С одной стороны, оно прикрывало выход из Дарьяльского прохода, откуда всегда могли угрожать кочевники, с другой стороны, нависало над северными границами Армении, из-за которой у римлян постоянно возникали конфликты с Парфи-

ей. Иберийских царей неоднократно использовали в этой борьбе (Тацит. *Анналы*, VI, 32—37, XI, 8—10, XII, 44—51, XIII, 37). Кроме того, римские стратеги, начиная с Цезаря, вынашивали планы удара по Парфии с фланга с использованием закавказского плацдарма. Первые реальные шаги в подготовке этого похода предпринимал Нерон, а частично реализовали Флавиус. Римские легионы дошли до Апшерона. В Мухете римляне строили укрепления, о чем свидетельствует надпись 75 г. [6, с. 1].

Но когда на рубеже I—II вв. начались войны с даками, римляне войска из Закавказья вывели, сохранив за собой лишь прибрежную полосу, где начинается строительство Понтийского лимеса (цепи крепостей-кастеллов вдоль побережья Черного моря) [24]. Подступы же к ним должны были обезопасить полувластные государства «друзей и союзников римского народа». Создание таких буферных клиентальных государств было обычной практикой римской внешней политики. В число «друзей» входили и Иберия, и Боспор.

Отношения с Иберией, впрочем, складывались не однозначно. Когда в 129 г. Адриан инспектировал восточную границу, царь Иберии Фарасман II отказался принять его, а в 135 г. открыл Дарьял аланам. Поход алан был направлен на Мидию, но их вторжения опасался и римский наместник Каппадокии Арриан, в ведении которого находился и Понтийский лимес. Вероятно, именно в это время кастеллы на берегу Черного моря укрепляются кирпичными стенами [64]. В Апасарусе, контролирувавшем путь в Иберию, гарнизон насчитывает пять когорт, что должно было быть четвертой частью всех регулярных войск Каппадокии. Но как показал М. Спидель, лишь одна (II Клавдиева) была регулярной, остальные состояли из ауксiliarиев, т. е. были набраны или из провинциалов, или из варваров. Входила в со-

став армии Арриана и милиция колхов [64]. Известно также, что при Адриане где-то на границах с Арменией была поставлена II Боспорская когорта [48, с. 38]. Гарнизон Фасиса насчитывал всего 400 человек, но был усилен артиллерией, а состоял он не из легионеров, а из воинов, которых Арриан называет «эпилектос», т. е. отборными [64, с. 659], очевидно, своего рода группа «командос».

Военные приготовления, проведенные Аррианом, вероятно, оказали воздействие на Фарасмана. Он едет в Рим, где его встречают весьма торжественно. «... Адриан увеличил его область, позволил принести жертву в Капитолии, поставил его конную статую на Марсовом поле и смотрел на военные упражнения самого Фарасмана, его сына и других знатнейших иберов» (Дион Кассий, XIX, 15, 3). А Спартиан (XVII, 17, 9) сохранил еще одно любопытное свидетельство: «Многим царям дал он (Адриан) огромные дары, но никому не дал больше, чем царю иберов, которому после великолепных даров дал слона и пятисотенный отряд». Вряд ли это была когорта регулярной армии, скорее всего некая группа воинов-«эпилектос» из варваров, находившихся на римской службе, вроде тех, погребения которых открыты на известном «Золотом кладбище» в Прикубанье. Обилие римского импорта в могилах этих дружинников позволило Н. И. Веселовскому даже считать их «варваризованными римлянами» [11], хотя скорее можно было бы говорить о «романизированных варварах» [15]. Не объясняется ли подобной ситуацией странное иранское имя человека из погребения I в Армазисхеви? Не мог ли выходец из кочевнической среды занять при дворе иберийских царей такое же положение, какое его сородичи, представители знатных сакских родов, занимали при дворе парфянских вла-

Рис. 1. Некоторые упоминаемые в тексте вещи из комплексов в Армазисхеви и Арагвиспире (в кружках — даты наиболее поздних монет)

Армазисхеви, погребение 1: 1 — увеличенная прорисовка геммы с изображением питнакша Аспарука; 2 — золотые ножны с инкрустацией бирюзой, алмазными-кабошонами и с эмалевой вставкой на наконечнике; 3 — эмалевая брошь

Армазисхеви, погребение 7: 4 — флакончик-подвеска с алмазными; 5 — медальон с резной головкой барала и инкрустацией бирюзой и алмазными, наконечники цепочки и боковые стенки медальона — в технике клуазонне с бирюзой

Армазисхеви, погребение 6: 6 — золотая трубочка-амулетница; 7 — сережка с алмазными (аналогичная и в погребении 7); 8 — медальон-коробочка витой тривиз; 9 — медальон с орнаментом, имитирующим эмаль в технике клуазонне

Армазисхеви, погребение 1981 г.: 11 — гранатовый браслет с золотой накладкой, украшенной бирюзой в технике клуазонне

Армазисхеви, погребение 3 (питнакша Берсула): 12 — рукоять книжала с инкрустацией гранатами и бирюзой; 13 — плафон серебряного блюда с изображением кося перед алтарем с шишкой ливанского кедра (подобное в могиле 13 Арагвиспире)

Армазисхеви, погребение 2: 14 — медальон с геммой в оправе клуазонне; 15 — плафон сасанидского серебряного блюда питнакша Панака

Арагвиспире, погребение 13: 16 — золотая пряжка с инкрустацией гранатами и бирюзой; 17 — медальон с гранатовой инкрустацией в технике клуазонне, в центре — эмаль

Арагвиспире, погребение 9: 18 — перстень в технике клуазонне; 19 — медальон в технике клуазонне

Арагвиспире, погребение 16: 20 — сережка

дык? Из их числа всегда назначался главнокомандующий, и их слово было решающим при выборе нового царя (Плутарх. Красс, 21).

В реальные взаимоотношения при иберийском дворе мы проникнуть не можем, но наличие здесь среды, где роскошные полихромные вещи пользовались успехом, несомненно. С другой стороны, отчетливо виден и провинциально-римский характер городской культуры Мцхеты этого времени. В резиденции пнтиахшей были построены бани-термы с гиппокаустом [6, с. 178—180], в могильнике Самтавро мы находим стелы с греческими и иудейскими надписями, погребения в ящиках из каменных плит или плоского римского кирпича, захоронения в пифосах и амфорах, широко практикуется обряд с «оболом Харона». Часто встречаются золотые погребальные венки, перстни с геммами, много бальзамариев и другой стеклянной посуды — все то, что мы находим на синхронных некрополях Херсонеса, Питиунта, городов Боспора и Средиземноморья. Как и в других провинциальных городах, население здесь было в значительной мере смешанным, в состав его могли входить выходцы из самых разных уголков Империи, в том числе и мастера-ремесленники. Таким образом, в Иберии были все предпосылки для возникновения стиля клуазонне. А теперь вернемся к некрополю Армазисхеви.

Полихромный стиль III в. в Закавказье. Следующее по времени погребение в Армазисхеви относится к середине III в. Это погребение 3, датированное сплошным рядом золотых монет от Гордиана (238—244) до Гостилиана (251) и принадлежащее пнтиахшу Берсуму, о чем свидетельствует серебряное блюдо с его надписью. Найдены здесь же серебряные чаши с изображениями римского легионного орла и коня перед алтарем с шишкой ливанского кедра [6, табл. 6—8, рис. 26—28, 30, с. 53—68]. Последняя почти точная копия упомянутого блюда из Арагвиспири (рис. 1: 13). Обращает на себя внимание рукоять парадного кинжала Берсума (рис. 1: 12), по внешнему виду вплотную примыкающая к изделиям с перегородчатой инкрустацией, хотя в данном случае применена несколько иная техника. Прямоугольные пластинки граната, густо покрывающие поверхность рукояти, вставлены в специально вырезанные в золотом листе гнезда. Но под камни, как это часто делалось в гунискую эпоху, подложена золотая фольга [6, табл. 3, с. 55, 56].

Представляет интерес еще одна находка, сделанная в Мцхете в 1981 г. В богатом женском погребении был найден гагатовый шарнирный браслет той же конструкции, что и в погребениях 1 и 6 Армазисхеви [6, табл. 5].

Его украшают золотые накладки с ровными рядами квадратных вставок бирюзы в технике клуазонне [7, табл. 52: 1]. В погребении — золотая монета иранского шаха Арташира (226—242).

Наконец, в подлинной технике клуазонне выполнена оправа медальона с геммой (рис. 1: 14) из самого позднего женского погребения в Армазисхеви [6, с. 46—53, табл. 2: 2]. Перегородки между прямоугольными плоскими вставками граната изготовлены из напаянных золотых пластинок, под камни подложена золотая фольга. Дату погребения определяют ауреусы от Септимия Севера (193—211) и Валериана (253—260) и серебряное блюдо с изображением сасанидского вельможи (рис. 1: 15) и со среднеперсидской надписью. Надпись эту читают различно.

Ш. Я. Амирашвили: «Папак пнтиахш божественного Арташира сына божественного Папака дарит пнтиахшу страны Грзн Арес (эту чашу весом) 53 зузна» [6, с. 52, 53].

В. Б. Хеннинг: «Папак, пнтиахш, сын Арташира, пнтиахша, сына Шапура, пнтиахша. Из серебряных драхм — 254 драхмы» [6, с. 154].

В. Г. Луконин: «Папак, пнтиахш, сын Арташира, сына Арташира, пнтиахша. Драхм серебряных 253 драхмы» [27, с. 25].

От прочтения надписи зависит и датировка. Для предлагаемой нами концепции наиболее подходящим было бы чтение грузинских археологов. Из «божественных» шахиншахов дома Сасанидов сыном Папака был Арташир I, короновавшийся в 227 г. и умерший в 243 г. Дата блюда соответствовала бы и найденным в погребении монетам. Но с мнением таких крупных специалистов, как В. Б. Хеннинг и В. Г. Луконин, необходимо считаться. По Хеннингу, чаша датируется временем после 293 г. Пнтиахш Папак упоминает среди придворных шахиншаха Нарсе, короновавшегося в этом году. В. Г. Луконин же справедливо замечает, что занимать эту должность Папак мог и раньше, но не ранее 262 г., поскольку в надписи Шапура I на доколе «Каабы Зороастра» его еще нет [27, с. 26].

Грузинские археологи считают, что резиденция пнтиахшей в Мцхете была разрушена в 260 г. и тогда же прекратились богатые захоронения в Армазисхеви. Это приходит в противоречие с последними датировками блюда Папака. Однако погребение 2, где оно было найдено, — парное. Сначала похоронили ребенка, а несколько позже женщину с блюдом [6, с. 46—53]. Не исключено, что женщину хоронили на покинутом уже кладбище.

Поздней части Армазисхеви соответствует и могильник Арагвиспири [35]. Впрочем, в

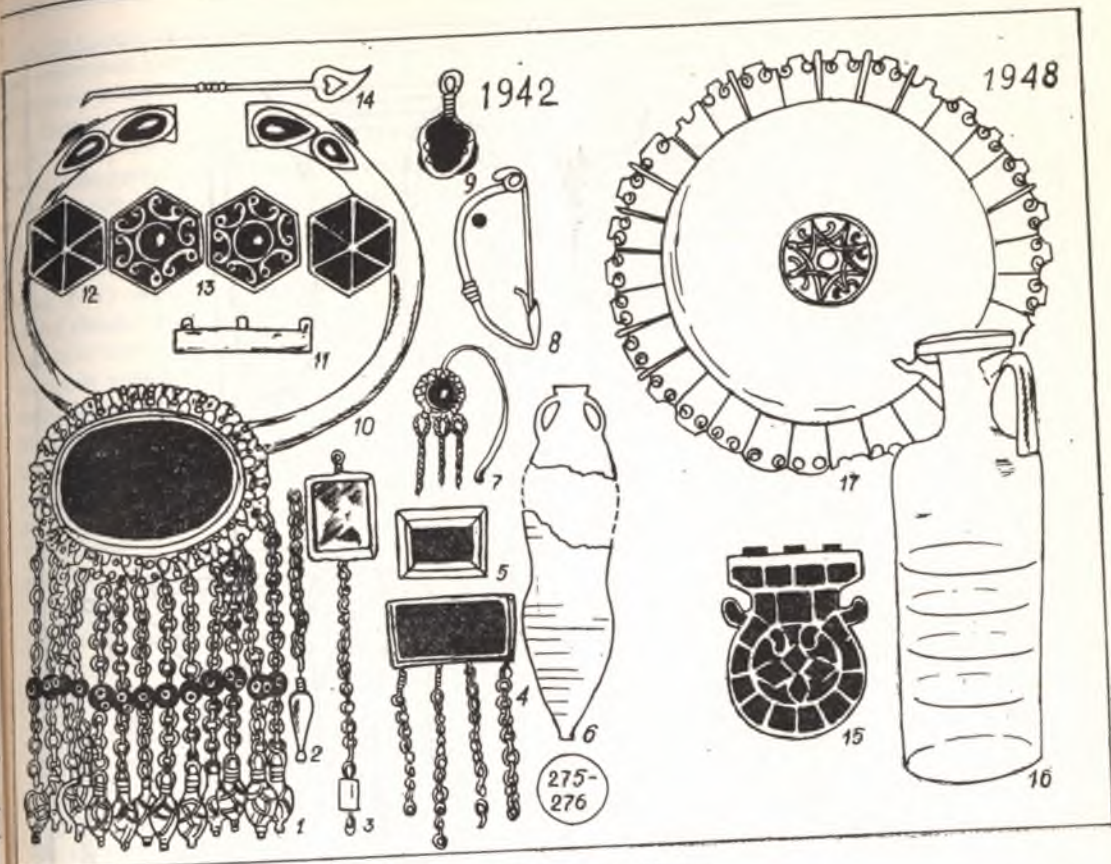

Рис. 2. Находки из Уреки

Комплекс 1942 г.: 1 — фибула-нисигния; 2 — цепочка с подвеской; 3—5 — обломки украшения со вставками «таблицами»; 6 — амфора; 7 — сережка; 8 — лучковая фибула; 9 — подвеска; 10 — браслет; 11 — трубочка-амулетница; 12—13 — бляшки от пояса; 14 — «устричный нож»
Комплекс 1948 г.: 15 — наконечник пояса (?); 16 — стеклянная бутылка; 17 — серебряное блюдо

Армазисхеви есть и более поздние захоронения конца IV в. Но это уже другой некрополь. Расположен он в 500 м от первого, и по стратиграфическим соображениям грузинские археологи четко их различают [6, с. 119—145]. Среди этих поздних захоронений и гробница 43 с монетой Констанция II (357—361), где были найдены два золотых браслета с инкрустацией гранатами и эмалью [6, табл. 13: 1, 2]. Эти браслеты Б. Арениус считала одним из наиболее ранних проявлений стиля клуазонне, что, в частности, и позволило ей вести отчет эволюции стиля именно с конца IV в. [51, рис. 16, с. 14]. Браслеты по облику и техническим приемам очень близки золотым вещам из ранней группы погребений II—III вв. и в могиле 43 являются уже в какой-то мере анахронизмом. Дальнейшей эволюции стиля клуазонне в Мцхете не происходит.

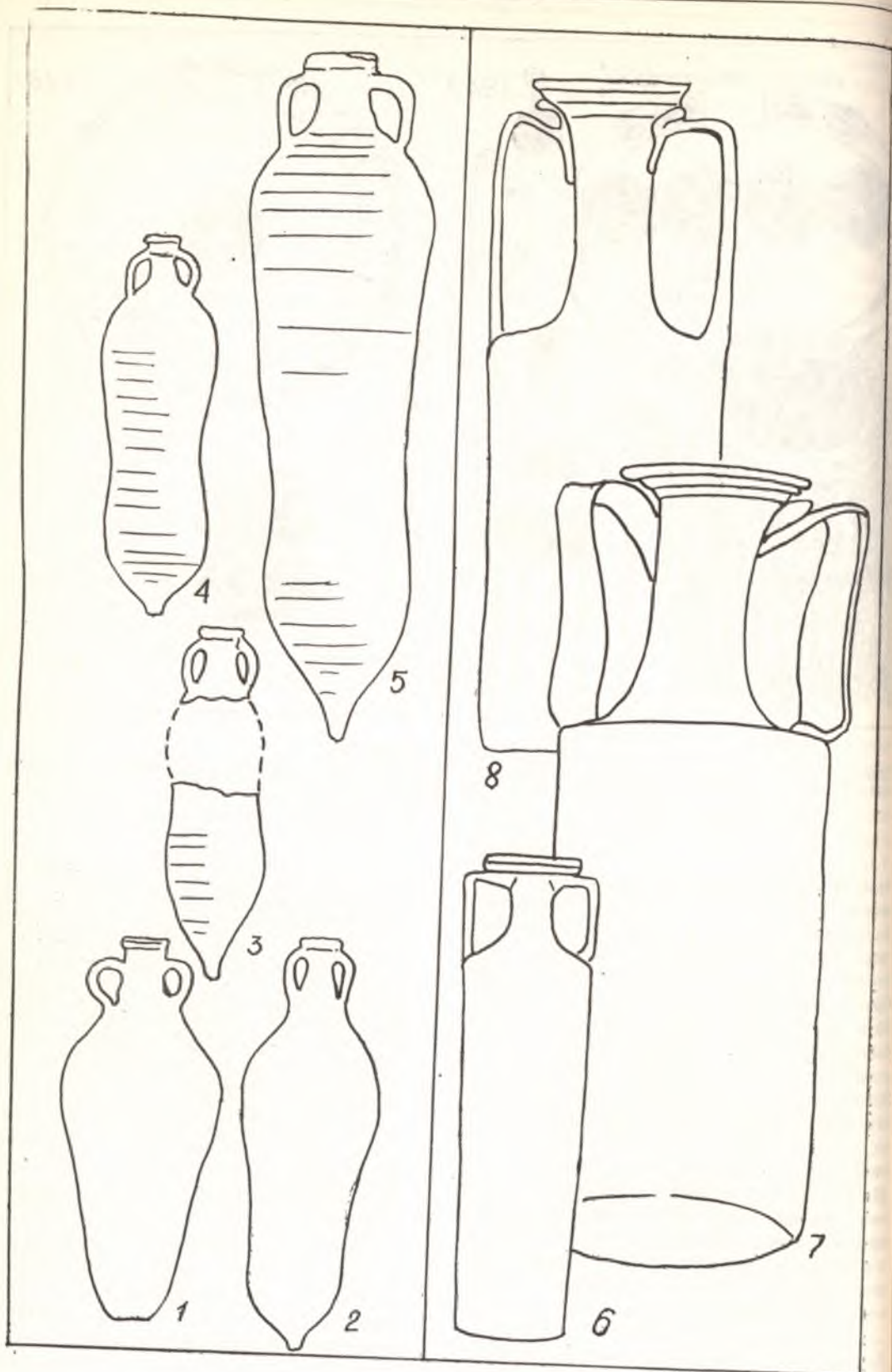
Его мы можем наблюдать в другом месте Закавказья, на Черноморском побережье. Имеется в виду комплекс из Уреки в устье р. Риони. Часть вещей была обнаружена в 1942 г.,

а часть в том же месте в 1948 г., и остается неясным, имеем мы дело с одним комплексом или с двумя. Первоначально А. М. Апакидзе [5], Р. В. Пугуридзе [33] и Н. В. Хоштария [47] датировали Уреки III в., но затем В. А. Левкинадзе передатировал на конец IV — начало V в. [25]. Основным доводом для этого служила хронология именно вещей в инкрустационном стиле и некоторых других из боспорских склепов Госпитальной улицы.

Но если воспользоваться теми же параллелями, которые приводит В. А. Левкинадзе вещам из Уреки, можно прийти к нескольким выводам. Многие из них окажутся раньше конца IV — начала V в.

В технике клуазонне изготовлены шестиугольные бляшки из Уреки, служившие украшением пояса. Их две разновидности: с простыми треугольными вставками и с перегородками, образующими довольно сложный, «крендельный», по выражению В. А. Левкинадзе, узор (рис. 2: 12—13).

Этот «крендельный» орнамент встречается на некоторых украшениях из известного Николовского клада в Болгарии [45, рис. 8, табл. 5: 1]. Болгарские археологи датируют клад 249 г. [46, с. 246]. Этот мотив вообще достаточно широко распространен в позднеримское время [62, рис. 28: e, f, g, h], но не в эпоху переселения народов.

Затем фибула-инсигния с цепочками (рис. 2: 1). Аналоги: со вставкой, изображающей Люция Вера, из Цихисдзири в Грузии; из Сирии — «второй половины III в. или более позднего времени»; из Карм-аль-Шейха с монетой Константина (307—337) [25, с. 197]. Добавим, что ажурное обрамление урекской броши очень близко ажурному фризу в виде стилизованных цветов лотоса, обрамляющему обкладку ножа меча из погребения конца III — 1-й половины IV в. в Кёльне [58; 37, с. 164, рис. 129].

Серьги из Уреки (рис. 2: 7) с таким же обрамлением подобны сережкам из упомянутого комплекса в Карм-аль-Шейхе около Иерусалима.

Массивные многогранные золотые бусины находят аналогию в том же Николовском кладе [45, с. 199]. Там же имеется и подобная грекской трубочка-амулетница. Длинный список таких вещей приводит Н. В. Пятыхшева [34, с. 59—61], и все они I—III вв. Имеется всего два случая, когда такие амулетницы встречены в комплексах IV—начала V в. [22, с. 109].

Все четыре проволочные фибулы из Уреки — лучковые одночленные с верхней тетивой (рис. 2: 8), что характерно для памятников II—III вв. Позже их сменяют двучленные [2, с. 54]. В Цебельдинском некрополе одночленные лучковые фибулы встречаются только в первом периоде функционирования могильника [44, табл. 17: 3, 6, 9, 11; 13, рис. 2: 24, 44]. По неопубликованной пока разработке корреляционным методом хронологии Цебельдинского некрополя, выполненной И. А. Бажаном, первый период относится к 260—310 гг., а второй — к 310—330 гг. Во втором периоде, кстати, появляется клуазонне на ножках цебельдинских фибул [44, табл. 1: 1, 2, 18; 13, 17, 46: 16]. В погребениях первого и второго периодов находят аналогию и некоторые другие урекские вещи — листовидные подвески на цепочках (рис. 2: 2), большие сердечковидные пла-

стинки в оправках (рис. 2: 3—5) [44, табл. 44: 2, 12; 8, 4: 6]. Подобные пластинки с нитью входят в состав ожерелья из коллекции иранских древностей Ребеню. Ожерелье датируется парфянской эпохой (II в. до н. э.—III в. н. э.) [63, табл. 76, № 741, с. 126].

«Устричный нож» из Уреки действительно напоминает ручку ложки, происходящей из «склепа 24 июня 1904 г.» в Керчи [16, рис. 1: 47], другая аналогия ножу чуть раньше — в кладе из Кайзераугсета (около Базеля), зарытого между 350—360 гг. [24, с. 201].

Действительно напоминают керченские и браслеты с алмадинами-кабюшоном на концах (рис. 2: 10), но напоминают они и значительно более ранние браслеты из Тилля-Тепе [39]. У последних лишь вставки бирюзовые.

Важным аргументом в пользу поздней датировки комплекса 1942 г. из Уреки служила найденная здесь амфора с перехватом в середине тулова (рис. 2: 6). И. Б. Зеест относил такие амфоры к IV в. [20, с. 121], и они действительно встречаются в комплексах, хорошо датированных этим временем (например, в слоях разрушения Ильичевского городища на Тамани, погибшего в 370-х гг. [41, рис. 1]). Следует отметить, что все найденные здесь монеты относятся к 318—327 гг. Н. И. Соколовский объясняет отсутствие более поздних монет их редкостью и прекращением боспорской чеканки в 336 г., а дату дает на историческом основании — разгром гуннами. Таким же образом датируется и амфора из Тиритаки [14].

Выясняется, однако, что амфоры с перехватом бытовали очень долго, со II в. до н. э. Их эволюция во времени, их типология изучены еще недостаточно. Исследователи склонны приписывать их производство Гераклею Понтийской [12]. На Южно-Донузлавском городище в Крыму обломки таких амфор найдены в комплексе 1-й половины I в. н. э. [30, с. 64], в Горгиппии — в слое разрушения середины III в. [23, с. 150]. По форме урекская амфора ближе всего горгиппийской (рис. 3: 3), если принять реконструкцию последней, предложенную Ю. Г. Виноградовым и Н. А. Онайко [12, рис. 4в]. У донузлавских более раздутое в верхней части коническое тулово (рис. 3: 1, 2), у ильичевской (рис. 3: 5) и тиритакской (рис. 3: 4) — более заметные плечики.

Из всего сказанного следует, что мы вряд ли имеем основания ограничить дату комплекса 1942 г. из Уреки концом IV — началом V в.

Рис. 3. Гераклеийские амфоры с «перехватом» и стеклянные бутылки

1—2 — Южно-Донузлавское городище, I в. н. э.; 3 — Горгиппия, середина III в.; 4 — Тиритака, конец IV в.; 5 — Ильичевское городище, конец IV в.; 6 — Страже-1, конец III в.; 7 — Монсо-ле-Нёф, середина IV в.; 8 — Бьёвильяль, конец IV — начало V в.

По сочетанию всех данных можно было бы скорее говорить о конце III — начале (или 1-й половине) IV в. Такой дате соответствуют и найденные здесь монеты, позднейшая из которых — ауреус Тацита (275—276).

Датировать комплекс 1948 г. труднее. Возможно, он и позднее, но опять, судя по приводимым В. А. Левкинадзе данным, для ограничения даты лишь концом IV в. достаточных оснований нет. При датировке серебряного блюда (рис. 2: 17) можно говорить о IV в. в целом [24, с. 205, 206].

Стеклобутылка (рис. 2: 16) из находки 1948 г. в Уреки может быть и того раньше. Это тип 245 по Г. Эггерсу [54, табл. 16]. Два таких сосуда (рис. 3: 6) найдены в богатом погребении Страже I в Словакии, относящемся к числу наиболее ранних комплексов горизонта «княжеских» погребений типа Лейна — Хаслебен 260—270 гг. [55, с. 107]. В погребении 2 Монсо-ле-Нёф такая бутылка (рис. 3: 7) сочетается с монетой или Константина II (337—340), или Констанция II (337—361) [52, табл. 130, с. 324]. В Спонтине, в погребении G — с монетой Аркадия, чеканенной после 388 г., и во Бьёнвилле — с монетами Константина III (407—411) и Иовиана (411—413) аналогичные сосуды имеют уже более короткое тулово [52, табл. 102: 10, с. 300, табл. III: 210]. Бутылка из Уреки по пропорциям ближе всего находкам из Страже I.

«Бляха» в стиле клуазонне из комплекса 1948 г. точных аналогий не имеет (рис. 2: 15). В какой-то мере ее напоминают наконечники поясов, распространенные в среде рейнских федератов Империи в 350—400 гг. Их находят в комплексах I ступени (по хронологии Х. Бёме) для памятников междуречья Эльбы — Луары [52, табл. 1, с. 77, 78, 82, табл. А: 16; табл. 2, табл. 16: 16, 57, 7, 81: 6, 115: 10] с монетами от Валентиниана I (364—375) до Магнуса Максима (383—388). Но рейнские наконечники не инкрустированы, «отростки» у них оформлены в виде лошадиных головок. Аналогии достаточно далекие и перенос этой даты на Уреки был бы вряд ли оправдан, так же как и датировка восточных проявлений полихромного стиля в целом по европейским находкам. Сочетание же всех вещей, найденных в Уреки, скорее всего свидетельствует о конце III — 1-й половине IV в.

Следующий этап развития стиля клуазонне дают уже находки из склепов Госпитальной улицы в Керчи [16]. Широко распространилось мнение, что они являются эталоном для эпохи конца IV — начала V в. [25, 57 и др.], хотя строго говоря, это не совсем точно. Склепы использовались для захоронений многократно и не являются в полном смысле слова

«закрытыми комплексами». Правило «наипозднейшей монеты» в данном случае не применимо. Скорее, весь набор вещей соответствует тому сплошному ряду монет, которые здесь обнаружены, то есть от Констанция Галла (351—354) до Валентиниана II (375—392). А в этом случае склепы непосредственно принадлежат во времени к Уреки.

Итак, как было показано выше, еще в II в. н. э. в Иберии сложились все предпосылки для возникновения стиля клуазонне, появляются и первые, еще робкие, попытки использовать эту технику, но чаще с применением бусин. Подлинную же технику клуазонне мы находим на вещах, датированных около 260 г.

Историческая справка. В середине III в. политическая ситуация обостряется. На развалинах Парфии, распавшейся на «двести соросов владений», возникла новая сила — держава Сасанидов. С 230 г. иранские всадники стали тревожить римские гарнизоны в Месопотамии, а в 231 г. войска Арташира I проникли в Сирию и Каппадокию. Император Александр Север выступил против них и пытался перейти Евфрат. Война не принесла решительного успеха ни одной из сторон, хотя обе объявили о своей победе [26, с. 51].

В 237 г. во главе персидской армии встал сын и наследник Арташира Шапур, проводивший ряд блестящих операций. В 242 г. юный Гордиан, как сообщает Шапур в своей надписи, «собрав войска со всей Римской империи, с готов и германцев, выступил к Асурестану... у города Месаха произошло большое сражение. Гордиан, кесарь, был убит. И римское войско было рассеяно. И римляне сделали Филиппа кесарем. И Филипп, кесарь, пришел к нам с просьбой мира и, дав нам 500 тысяч динаров за жизнь своих друзей, стал нашим данником» [26, с. 53].

Лишенный римской поддержки, царь Армении Хосров не мог противостоять персам, был вероломно убит, и где-то между 244—253 гг. Армения была завоевана и включена в дастакерт Шапура, занявшего в 243 г. престол шахиншаха. Иберия оказалась, таким образом, непосредственным соседом Сасанидской державы.

Римляне пытались «отыграться», но опять были разбиты у Барбалиссы. Около 256 г. война была прервана и заключен мир [26, с. 57].

Неудачи на Востоке в эти годы не были единственными для римлян. Пожаром варварских вторжений отмечены и все северные границы по Рейну — Дунаю [59, с. 32—57, карта 2]. Особенно опасно складывалась ситуация на Нижнем Дунае и Балканах, куда начиная с 238 г. постоянно вторгаются готы и другие союзные им германские и негерманские племена.

В борьбе с ними погиб в 251 г. император Деций. Готы не ограничились Балканами: в 40—50-х гг. один за другим горят города и поселения Северного Причерноморья. Но Боспор эта судьба миновала, потому что здесь «по исчезновению царского рода во главе правления стали недостойные и презренные люди, боясь за себя, они предоставили скифам (т. е. готам) проход через Боспор в Азию и переправили их на собственных судах» (Зосим, I, 32). С 252 по 267 гг. готы, выходя с Балтики, организуют серию морских походов в Малую Азию. Из них самым разрушительным был поход 257 г. Пострадали при этом и города восточного и южного побережья Черного моря, в том числе Горгиппия, Питиунт, Себастиополис, Трапезунд. Устоял только Фасис [36, с. 88—91]. В этих условиях римляне уже не в силах удерживать Понтийский лимес. Между 256—276 гг. практически все кастеллы по берегу моря перестали существовать. Все рассредоточенные ранее отдельные подразделения концентрируются теперь в Фасисе, в устье Риони [25]. Около него и обнаружен самый поздний из памятников типа Армазисхеви — могильник Уреки.

Шапур не преминул воспользоваться затруднениями в стане противника, и над империей вновь нависла восточная угроза. Император Валериан, собрав армию «из германских пределов, Реции, Норика, Дакии, Паннонии, Пуники, Иудеи, Арабии, Месопотамии, числом более 70 тысяч» и, очевидно, исчерпав все свободные воинские ресурсы империи, вышел на встречу персам [26, с. 58, 59]. Сражение у Эдессы в 260 г. римляне проиграли, а затем и сам император попал в плен. В своей победной надписи 262 г. среди стран, вошедших в состав Ираншахра, Шапур называет Грузию, а в списке своих придворных — царя Иберии Хамазаспа [26, с. 62]. Данные источников, правда, несколько расходятся. Юлий Капитолин сообщает, что иберы, албаны и кушаны отказались принять письма Шапура о пленении Валериана и обещали римлянам поддержку [26, с. 50]. Впрочем, за два года могло иметь место и то и другое. Может быть, именно в результате этого отказа в Мцхете был сожжен дворцовый комплекс с термами и усыпальницей питнахшей, раскрытый раскопками грузинских археологов, а столица была перенесена на другой берег реки Армазисхеви [6, с. 185].

После 270 г. положение Рима начинает несколько выправляться. Готы понесли решительное поражение при Наиссе, ушли за Дунай и больше Балканские провинции в течение столет не беспокоили. Боспорский царь Савромат IV опять носит титул «друг кесаря и друг римлян». После смерти Шапура в 272 г. в

Иране началась борьба за трон. К 293 г. победителем оказался его сын Нарсе, наместник шахиншаха сначала в Сакастане, а затем в Армении [27, с. 59—73]. За эти двадцать лет римляне сумели почти полностью восстановить свои восточные границы. В Армении воцарился их ставленник Тиридат IV. Нарсе был вынужден заключить «вечный мир» с императором Галерием.

В IV в. римляне, не имея уже сил содержать регулярную армию на своих растянутых границах, все чаще прибегают к помощи варваров-федератов, предпочитая оплачивать безопасность деньгами, но не кровью римских солдат. Варварские дружины, племена и даже целые народы все чаще становятся федератами, получая за услуги деньги и подарки. В 330 г. столица Империи была перенесена в Константинополь, и безопасности восточных границ было необходимо уделить больше внимания. Федератами с 332 г. стали готы, обеспечивавшие спокойствие в Северном Причерноморье; римляне способствовали становлению царства лавов в Колхиде. Около 340 г. прекратилась местная династия на Боспоре, во всяком случае перестали выпускаться монеты от ее имени, а вскоре здесь появилась и та социальная группировка, представители которой похоронены в склепах на Госпитальной ул. Не были ли это потомки воинов и командного состава той дружины федератов, которая некогда под названием II Боспорской когорты была направлена Адрианом царю Иберии, потом стояла в Фасисе, а при Констанции II была призвана обеспечить безопасность в Северо-Восточном Причерноморье?

На возможность боспоро-иберийских связей династического или какого-то иного характера в IV в. могут указывать и некоторые косвенные данные. В 369—370 гг. царем Иберии был некий Савромат, ставленник римлян [60, с. 176; 65, с. 187]: имя неизвестное в Грузии, но встречающееся в династических списках царей Боспора. Можно обратить внимание на совпадение еще некоторых элементов. Из материалов склепов, разграбленных 24 июня 1904 г., происходит объемное серебряное изображение шишки ливанского кедра [16, рис. 1: 37], а в Згудерском могильнике в Западной Грузии найдена культовая курильница, выполненная в виде алтаря, на котором стоит шишка ливанского кедра [32, рис. 1: 37]. Изображение того же алтаря мы видим на плафоне блюд из Арагвиспири и Армазисхеви [6, рис. 28]. Аналогичны боспорским из тех же склепов [16, рис. 2: 44] и золотые браслеты Уреки. Аналогичны некоторые формы сережек, подвесок и т. д. Нельзя исключить возможность, что основные захоронения на Госпитальной улице

были совершены до нашествия гунов. Самые поздние монеты склепов, чеканенные при Валентиниане II (375—392), могли попасть в могилу и в первые годы его правления. Да и о том, в какой последовательности развивались события в связи с гуннским нашествием, мы знаем очень мало.

Заключение. Мы не станем настаивать на исключительной роли II Боспорской когорты в использовании и распространении стиля клуазонне. Само существование ее в достаточной мере гипотетично, хотя имеющийся на сегодня материал и позволяет высказать такое предположение. Если оно и реально, то все равно это лишь фрагмент более широких культурных процессов.

Ни для кого не секрет, что техника клуазонне была известна еще в Ахеменидское время. Образцы ее дают, например, находки из Келермесских курганов [10, табл. 22, 23, 36, 37], Амударьинского клада [21] и из Сибирской коллекции [9]. Но ни в Иране, ни в Передней Азии, ни в других местах пока не известны изделия с перегородчатой инкрустацией промежуточного времени от III в. до н. э. по III в. н. э. Единственные редкие исключения — сережки Тухларского могильника [29, табл. 59: 6, 9] и туалетная коробочка из Хохлача [43, с. 138, рис. 162], которые проблему пока не решают.

Как известно, Сасаниды всячески подчеркивали свою связь с древней династией Ахеменидов, стремились возродить старые персидские традиции [28, с. 140], но, очевидно, за 600 лет сама техника клуазонне была утрачена и ее пришлось изобретать заново. Возрождение ахеменидских традиций могло лишь способствовать ее более быстрому освоению. Результатом этого освоения и могло быть появление полихромных изделий в стиле клуазонне на восточных пределах Сасанидской державы (например, Шамси в Таджикистане) [2, рис. 10], хотя в собственно сасанидском искусстве мы таких вещей и не знаем. Исключения лишь два: хранящийся в Лувре медальон, окаймленный гранатовыми вставками и напоминающий медальон из погребения 2 в Армазисхеви, с геммой, изображающей какого-то позднесасанидского вельможи [49, рис. 12; 53, рис. 107e], да украшенное камнями блюдо с изображением Хосрова Апарвеза (590—628) [57, табл. 16: 9]. Справедливости ради следует заметить, что в Закавказье изделия в технике клуазонне появляются лишь с момента установления непосредственных контактов с Сасанидами, после завоевания Шапуром Армении. Но само сасанидское искусство представляет собой неожиданный феномен и возникает как бы вдруг именно в это время. В. Г. Луко-

нин, исследуя его истоки, кроме ахеменидского и парфянского, представляющего, в свою очередь, пеструю мозаику стилей и концепций, отметил определенный «западный» вклад, идущий от искусства Месопотамии и римских восточных провинций. Проявлением его, в частности, являются постройки с мозаиками в Бишапуре, созданные руками римских пленников [27, с. 106, 146, 159].

Если Иран не был родиной повторного изобретения техники клуазонне (для подобного утверждения пока данных не достаточно), то скорее всего это могло произойти в том регионе, на который указывала и Б. Аррениус, — где-то в пределах Восточного Средиземноморья и Причерноморья, и не обязательно только златокузнецами Армазисхеви. Но последние, как показывают находки, отнюдь не были от этого мира изолированы.

Тем не менее именно в Западном Закавказье во 2-й половине III в. сложилась этнокультурная ситуация, в какой-то мере напоминающая ту, что была в Среднем Подунавье в 20—50-х гг. V в. Здесь, хотя может быть и в меньшей степени, были представлены все те этнические элементы, сплав которых А. К. Амброс считал необходимым для создания полихромного стиля. О провинциально-римских, боспорских и сарматских мы уже говорили. Не исключено и наличие раннегерманского элемента как из числа солдат армий Гордиана и Валериана, так и из числа участников готских морских походов. Возможно, не случайным является сходство распространившихся в северо-германской среде гривен типа Равалунда с круглой коробочкой-медальоном в центре [50, рис. 28] и гривны (рис. 1: 8) из погребения 6 в Армазисхеви [6, табл. 4]. И даже «дальневосточный» элемент, если под носителями его А. К. Амброс подразумевал вышедших из Центральной Азии гунов, мог здесь присутствовать. М. И. Артамонов уже обратил внимание на известия армянских источников об участии гунов в событиях III — начала IV в. в Закавказье, хотя и не очень доверял им за отсутствием корректирующих данных. Гуны упоминаются в связи с легендарной историей возникновения династии Сасанидов в 224—226 гг., армянские цари Хосрой I (217—238) и Хосрой II (332—338) используют их контингенты [8, с. 51—52].

Не может ли служить подтверждением этих известий комплекс у озера Батыр в Казахстане? Сережки, диадема и флакончик из этого комплекса имеют достаточно выразительные параллели в Армазисхеви, на что уже указывала К. М. Скалон [40].

Если сложение полихромного инкрустационного стиля и началось не в конце IV — на-

чале V в., а на сто лет раньше, в не менее бурной обстановке передвижений различных племен и группировок середины и второй половины III в., это не означает необходимости немедленной датировки всех комплексов с полихромными вещами в Центральной Европе и в евразийских степях. В Европу этот стиль скорее всего был действительно принесен вместе с движением гунов и гонимых ими народов. Хотя возможности для удревнения датировки некоторых комплексов в этой связи и не исключаются. «Чары гуннской эпохи», заставляющие все изделия в красно-золотом полихромном стиле безоговорочно относить к этому времени, становятся тормозом в понимании реального хода событий. Но это уже тема других работ.

Когда эта статья уже была закончена, до нас дошла новая книга Виргит Аррениус [51]. Шведской исследовательнице остались неизвестны комплексы из Арагвиспири, а для Уреки она приняла датировку В. А. Левкинадзе. Хотя выводы наши и не идентичны, но в прямое противоречие не приходят. «Находки из Армазисхеви показывают, что в III—IV вв. в Юго-Восточной Грузии был расцвет гранатообрабатывающего искусства, очень близкого крымскому... Возможно, мастерская по обработке камней была перенесена в Константинополь в результате завоевания Иберии и Армении Сасанидами около 370 г. ... Можно видеть следующую гипотетическую последовательность событий: в результате завоевания Грузии Сасанидами и гуннского нашествия в Южной России, включая Крым, безработные резчики из этих районов переселились в большие города и не только в Константинополь, но и в центры вроде Томи и Аквинка на Дунае, и создали в этих местах новые мастерские. Их заказчиками стали новые правители — гуны и германцы» [51, с. 120—123]. Существенное место в рассуждениях Б. Аррениус занимает так называемый «клад» из Ольвии, хранящийся в Вашингтоне. Обстоятельства обнаружения его не ясны. Сережка из этого клада [50, рис. 63] очень близка армазисхевским, а подвеска украшена равноконечными крестами [50, рис. 64], аналогичными изображенному в центре медальона из Арагвиспири. Вовсе не обязательно видеть в этом простом орнаментальном мотиве христианский символ. Думается, что и ольвийский «клад» можно было бы датировать серединой — концом III в. н. э., когда Ольвия была разрушена готами, а не концом IV в., когда жизнь в городе или полностью прекратилась, или едва теплилась.

С запозданием дошла до нас и работа Хельмута Рота [61], который уже обратил внимание на комплексы из Армазисхеви, где

имеются самые ранние проявления техники клуазонне. В основном же его очень интересная статья посвящена изучению источников, преимущественно поздних, которые могут подтвердить реальность импорта гранатов из Индии.

1. Алексеева Е. М. Горгияпия. — В кн.: Античные города Северного Причерноморья. М., 1984 (сер. «Археология СССР»).

2. Амброс А. К. Кочевнические древности Восточной Европы и Средней Азии V—VIII вв. — В кн.: Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981 (сер. «Археология СССР»).

3. Амброс А. К. Фибулы юга европейской части СССР. М., 1966 (САИ, [вып.] Д1—30).

4. Амброс А. К. Хронология раннесредневековых древностей Восточной Европы. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра ист. наук. М., 1974.

5. Апакидзе А. М. Археологические памятники позднеантичного времени из Уреки. — ВГМГ, 1947, вып. 14-3.

6. Апакидзе А. М., Гобеджишвили Г. Ф., Каланадзе А. Н., Ломтатидзе Г. А. Археологические памятники Армазисхеви по раскопкам 1937—1946 гг. — В кн.: Мухета: Итоги археол. исслед. Тбилиси, 1958, т. 1.

7. Апакидзе А. М., Николишвили В. В. и др. Результаты полевых изысканий в Мухета. — В кн.: Полевые археологические исследования в 1981 г. Тбилиси, 1984.

8. Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962.

9. Артамонов М. И. Сокровища саков. Л., 1973.

10. Артамонов М. И. Сокровища скифских курганов. Прага; Л., 1966.

11. Веселовский Н. И. Курганы Кубанской области в период римского владычества. — ТАС-ХII. М., 1905, т. 1.

12. Виноградов Г. Г., Онайко Н. А. Об экономических связях Гераклеи Понтийской с Северным и Северо-Восточным Причерноморьем в эллинистическое и римское время. — СА, 1975, № 1.

13. Воронов Ю. Н., Юшин В. А. Ранний горизонт (II—IV вв. н. э.) в могильниках цебельдинской культуры (Абхазия). — СА, 1979, № 1.

14. Гайдукевич В. Ф. Раскопки Мирмекия в 1935—1938 гг. — В кн.: Боспорские города. М., 1952, т. 1 (МИА, № 25).

15. Гуцина И. И., Засецкая И. П. О хронологии и происхождении «Золотого кладбища» римской эпохи в Прикубанье (в печ.).

16. Засецкая И. П. Боспорские склепы гуннской эпохи как хронологический эталон для датировки памятников восточноевропейских степей. — В кн.: Проблемы хронологии памятников Евразии в эпоху раннего средневековья. М., 1979 (КСИА, [вып.] 158).

17. Засецкая И. П. Классификация полихромных изделий гуннской эпохи по стилистическим данным. — В кн.: Древности эпохи Великого переселения народов V—VIII вв. М., 1982.

18. Засецкая И. П. Некоторые итоги изучения хронологии памятников эпохи переселения в южнорусских степях. — АСГЭ, 1986, [вып.] 27.

19. Засецкая И. П. О хронологии и культурной принадлежности памятников южнорусских степей и Казахстана гуннской эпохи. (Постановка вопроса).—СА, 1978, № 1.
20. Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора. М., 1960 (МИА, № 183).
21. Зеймаль Е. В. Амударьинский клад: Кат. выставки. Л., 1979.
22. Зубарь В. М. Некрополь Херсонеса Таврического I—IV вв. н. э. Киев, 1982.
23. Кругликова И. Т. Боспор в позднеантичное время: Очерки экономической истории. М., 1966.
24. Левкинадзе В. А. Богатое погребение конца IV века из Уреки (Грузия).—СА, 1975, № 4.
25. Левкинадзе В. А. Понтийский лимес.—ВДИ, 1969, № 2.
26. Луконин В. Г. Иран в III веке: Новые материалы и опыт ист. реконструкции. М., 1979.
27. Луконин В. Г. Искусство древнего Ирана. М., 1977.
28. Луконин В. Г. Культура сасанидского Ирана. Л., 1969.
29. Мандельштам А. М. Кочевники на пути в Индию. М., 1966 (МИА, № 136).
30. Михлин Б. Ю. Амфоры «коричневой глины» из Северо-Западного Крыма.—СА, 1974, № 2.
31. Мровели Л. Жизнь картлийских царей. М., 1979.
32. Немсадзе Г. М. Погребение иберийской знати из Згудери.—КСИА, 1977, [вып.] 151.
33. Пугуридзе Р. В. Позднеантичные археологические памятники Западной Грузии.—МАГК, 1959, [вып.] 5.
34. Пятышева Н. В. Ювелирные изделия Херсонеса. М., 1956.
35. Рамишвили Р. М. Новые открытия на востройках Арагвйского ущелья.—КСИА, 1977, [вып.] 151.
36. Ременников А. М. Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III в. М., 1954.
37. Римское искусство и культура: Выставка Римско-Германского музея города Кёльна. Кат. Кёльн, 1984.
38. Ростовцев М. И. Скифия и Боспор: Крит. обозрение памятников лит. и археологии. [Л.] 1925.
39. Сараниди В. И. Афганистан: сокровища безмянных царей. М., 1981.
40. Скалон К. М. О культурных связях Восточного Прикаспия в позднесарматское время.—АСГЭ, 1961, [вып.] 2.
41. Сокольский Н. И. Ильичевское городище.—СА, 1966, № 4.
42. Сплицын А. А. Вещи с инкрустацией из Керченских катакомб 1904 г.—ИАК, 1905, вып. 17.

43. Толстой И. И., Кондаков Н. П. Русские древности в памятниках искусства. СПб., 1890, [вып.] 3.
44. Трапп М. М. Труды. Тбилиси, 1971, т. 3: Культура цебельдинских некрополей.
45. Филов Б. Римского съкровище от Николаево.—ИБАД, 1913, т. 4 (1915).
46. Фракийское искусство и культура болгарских земель: Кат. выставки. М., 1974.
47. Хоштария Н. В. Археологическое исследование Уреки.—МАГК, 1955, [вып.] 1.
48. Цветаева Г. А. Боспор и Рим. М., 1979.
49. Amiet P. Departement des Antiquités Orientales.—RL, 1967, t. 17.
50. Arrhenius B. Granatschmuck und Gemmen aus nordischen Funden des frühen Mittelalters. Stockholm, 1971.
51. Arrhenius B. Merovingian Garnet Jewellery. Göteborg, 1985.
52. Böhme H. W. Germanische Grabfunde des 4. bis 5. Jahrhunderts zwischen unteren Elbe und Loire. München, 1974.
53. The Cambridge History of Iran. Cambridge, 1983, vol. 3.
54. Eggers H. J. Der römische Import im freien Germanien. Hamburg, 1951.
55. Godlowski K. The Chronology of the Late Roman and Early Migration Periods in Central Europe. Kraków, 1970.
56. Henning W. B. The Sassanian Silver Bowl from Georgia.—BOAS, 1961, vol. 24.
57. Horhoiu R. The Treasure from Pietroasa, Romania.—BAR, Supplementary Series, 1977, t. 24.
58. Kisa A. Römische Ausgrabungen an der Luxemburger Strasse in Köln.—BJ, 1896, Bd 99.
59. Laser R. Römisch-germanischen Beziehungen im 3. Jahrhundert.—In: Die Germanen. Berlin (DDR), 1983, Bd 2.
60. Paginol A. L'empire chrétien. Paris, 1972.
61. Roth H. Almandinhandel und Verarbeitung im Bereich des Mittelmeeres.—AVA, 1980, Bd 2.
62. Ruxer M. S., Kubczak J. Naszyjnik grecki w okresie hellenistycznym i rzymskim. Warszawa; Poznań, 1972.
63. Sept milles ans d'art en Iran. Paris, 1967.
64. Spiedel M. The Caucasus Frontier: Second Century Garnisons at Apsarus, Petra and Phasis.—In: Studien zu den Militärgrenzen Roms: 13. Internationales Limeskongress. 1983. Aalen. Vorträge. Stuttgart, 1986.
65. Stein E. Histoire de Bas-Empire. Paris, 1959, vol. 1.
66. Tejral J. Mähren in 5. Jahrhundert. Praha, 1973.

И. П. ЗАСЕЦКАЯ

ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ХРОНОЛОГИЯ СКЛЕПОВ ПОЗДНЕАНТИЧНОГО И РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО БОСПОРСКОГО НЕКРОПОЛЯ (КОНЕЦ IV — НАЧАЛО VII в.)

О материальной культуре Боспора эпохи переселения народов можно судить по находкам из погребений обширного некрополя, расположенного в Керчи по северному склону горы Митридат; восточной границей некрополя была Госпитальная улица, поднимающаяся с С на Ю, северной — Константиновская, а южная граница проходила по Эспланадной ул. На 3 некрополь тянулся широкой полосой на несколько километров вплоть до вала, спускающегося с Золотого кургана.

Первые находки отдельных вещей и комплексов указанного периода относятся к началу XIX в. и носят случайный характер. Систематическое же исследование памятников началось только с начала нашего столетия, с момента открытия В. В. Шкорпилом некрополя на Госпитальной улице. Наиболее плодотворным оказался 1904 год, когда было раскопано 36 катакомб-склепов и 8 гробниц — грунтовых могил конца IV — начала VII в. [25, с. 1—66]. Кроме того, тогда же кладоискателями были обнаружены два богатейших склепа, известных в литературе как «две катакомбы или два склепа, открытые 24 июня 1904 г.» [13, с. 78—83, рис. 123—133]. Продолжались раскопки боспорского некрополя и в последующие годы [26, с. 51—98].

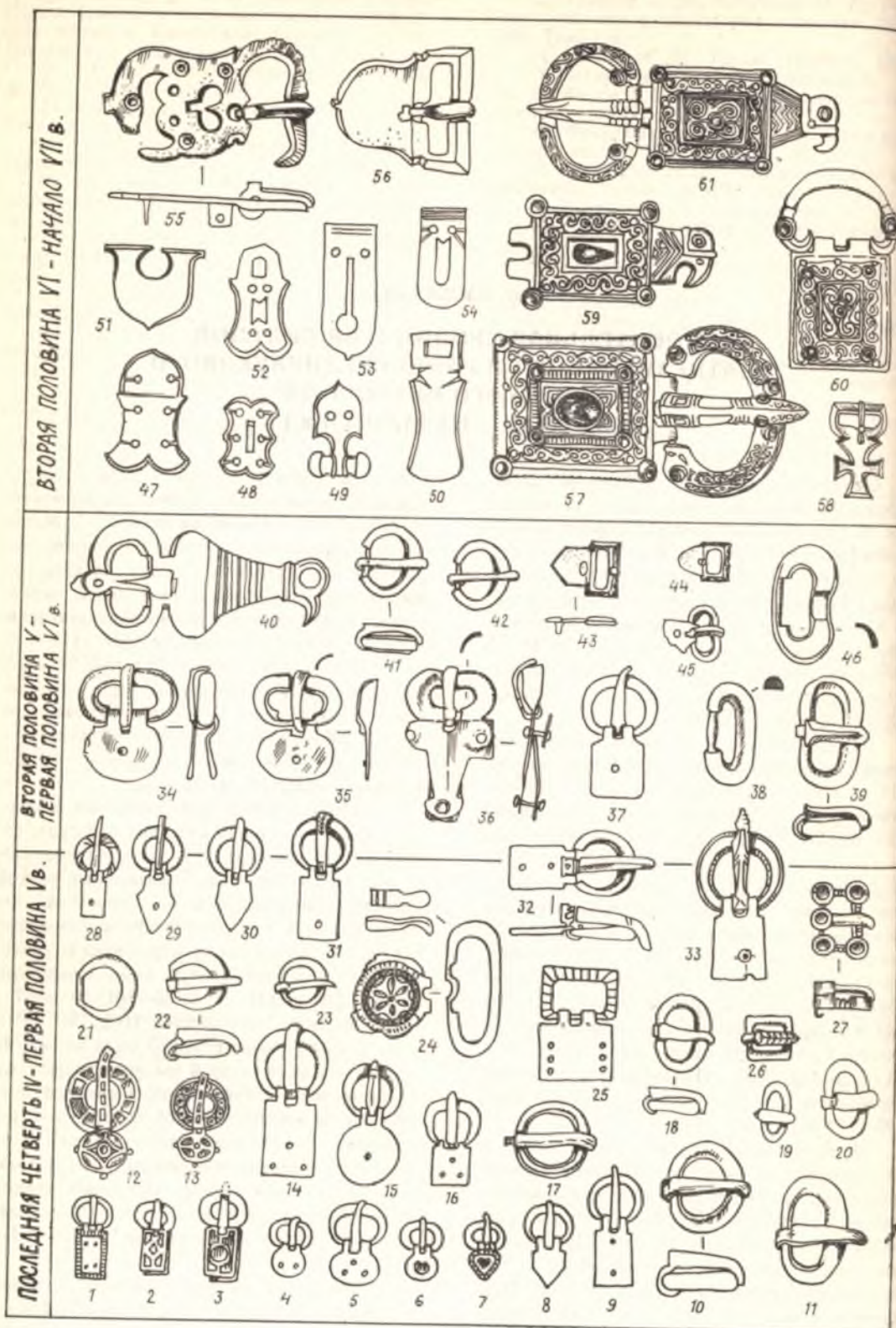
Несмотря на то, что уже первые находки из некрополя вызвали большой интерес исследователей, до сих пор нет ни сводной публикации материала, ни обобщающих работ, не разработана и хронология склепов. Практически мы располагаем лишь монографией Л. А. Мацулевича «Серебряная чаша из Керчи» [12], которая в основном посвящена искусствоведческому анализу серебряных византийских изделий и, главным образом, знаменитой чаше с триумфальной сценой, изображающей импера-

тора Констанция II верхом на коне в сопровождении оруженосца и венчающей императора богини Ники. Но, кроме того, Л. А. Мацулевич останавливается также на краткой характеристике некрополя в целом, на вопросах происхождения полихромных изделий, исполненных в технике перегородчатой инкрустации, и на датировке отдельных склепов (145, 146, 147, 152, 154, «два склепа, открытые 24 июня 1904 г.», христианские катакомбы и др.), которые он датировал IV—V вв., включая при этом и комплексы с пальчатыми фибулами и массивными пряжками с выступом в виде соколиной головы [12, с. 23—53].

Большое значение для датировки боспорских комплексов имеет стеклянная посуда, составляющая неотъемлемую часть погребального инвентаря. Серьезные исследования в этой области принадлежат Н. П. Сорокиной. Ею поднимаются и решаются вопросы, связанные с происхождением, распространением и временем бытования отдельных форм стеклянной посуды [19, с. 134; 18, с. 85—101; 20, с. 57—67]. Датировке пяти склепов (145, 154, 165 и «два склепа 24 июня 1904 г.») была посвящена и наша статья, в которой мы, подчеркивая, что большая часть погребального инвентаря этих склепов, за исключением 165, относится ко 2-й половине IV — первым десятилетиям V в., приходим к выводу, что склепы 145, 154 и оба «склепа 24 июня» следует датировать концом IV — 1-й четвертью V в., склеп же 165 — более поздний и относится к середине V в. [6, с. 5—17].

Однако, как мы уже отмечали, в целом хронология боспорского некрополя остается неразработанной, особенно это касается погребений раннего средневековья, то есть 2-й половины V—VII в. Учитывая широкий диапазон

древностей боспорского некрополя, мы попытались выделить последовательные хронологические периоды его существования.

В основу предлагаемой хронологической периодизации нами положены три категории вещей — фибулы, пряжки и стеклянная посуда, которые отличаются не только наибольшей изменчивостью форм, но и массовым характером.

В результате корреляции их и сравнительного анализа материалов погребений внутри одного склепа, а также между склепами мы выделили три последовательных хронологических периода, которым соответствуют три группы памятников: I период охватывает время с конца IV в. до середины V в.; II период — 2-я половина V — 1-я половина VI в.; III период — 2-я половина VI — начало VII в.

На иллюстративных таблицах представлены выделенные нами три категории вещей: пряжки (рис. 1), фибулы и стекло (рис. 2), которые демонстрируют изменение формы и ассортимента этих предметов за период с IV по VII в.

Погребения I периода определяются преимущественно пряжками серебряными, а также золотыми, реже бронзовыми, которые служили поясным и обувными застегками. Наиболее ранние формы пряжек, восходящие к образцам IV в. н. э., представлены овально-рамчатыми образцами с уплощенными широкими язычками или хоботовидными, но с опущенными под прямым углом свободными концами (рис. 1: 11, 18, 19, 20). Подобные пряжки типичны для последнего этапа черняховской культуры, который датируется IV в. н. э., а также для позднеримских могильников Юго-Восточной Европы [5, с. 15, 16; 22, табл. 24; 23, табл. 35; 29, табл. XCIV: 8, XCV: 8, CIX: 9, CXXXIII: 5, XXXVI: 10]. Этим же временем датируются круглорамчатые пряжки в виде сравнительно ровного толстого круглого в сечении кольца с коротким хоботовидным язычком, загнутый конец которого плотно охватывает край рамки (рис. 1: 10). Аналогичные пряжки найдены в позднеантичном некрополе у с. Заморское в Крыму, материал которого и по другим категориям вещей идентичен предметам из комплексов I хронологического периода боспорского некрополя [10, с. 27—45].

Определенно к концу IV в. относятся золотые пряжки типа представленных здесь (рис. 1: 4, 5) и мелкие инкрустированные пряжки (рис. 1: 6, 7).

Наряду с указанными формами пряжек в одних и тех же склепах присутствуют пряжки, типологически более поздние. Это пряжки с вытянутой вперед и резко сужающейся к концам рамкой с выпрямленной тыльной стороной, на которой нередко фиксируются уступочки-выемки, препятствующие скольжению петель щитков, с длинным хоботовидным язычком, опущенным вниз под тупым углом. Иногда конец язычка оформлен в виде схематичной головки зверя (рис. 1: 21—23, 28—33). Для первой группы памятников характерны также пряжки, исполненные в технике перегородчатой инкрустации (рис. 1: 2, 3, 12, 13). Аналогии этого рода пряжкам мы находим в комплексах Юго-Восточной и Центральной Европы, а также в погребениях южнорусских степей гуниской эпохи [28, S. 149, Abb. 3: 3, 4; 30, p. 17, Pl. C; 27, Taf. 34; 6, рис. 1].

Оригинальна находка бронзовой пряжки небоспорского происхождения из погребения 2 склепа 154 (рис. 1: 24). Аналогичная серебряная пряжка происходит из могилы Tiszaladány. Тейрал датирует ее V в. н. э. [35, Taf. 1: 7]. Подобная же пряжка была обнаружена в верхнем слое северо-восточного участка Танаиса, которую Д. Б. Шелов относит к гуниской эпохе [24, с. 129, рис. 6: 1]. Все три экземпляра пряжек одинаковы по форме, конструкции, а также по технике и рисунку орнамента, что несомненно свидетельствует о единстве их происхождения и времени бытования в 1-й половине V в. н. э.

Пряжки I периода сочетаются с определенными типами фибул. Наиболее ранние из них — мелкие двупластинчатые фибулы с короткой ромбовидной ножкой и сегментовидной или полукруглой головкой (рис. 2: 3). Подобные фибулы были широко распространены в черняховской культуре IV в. [3, с. 82—86]. Рубежом IV—V вв., началом V в. датируются небольшие фибулы с ромбовидной ножкой, расширенной в нижней трети (рис. 2: 2, 9). К 1-й половине V в. относятся двупластинчатые литые фибулы с удлиненной ромбовидной ножкой [3, с. 82—94], а также фибулы-мухи

Рис. 1. Хронологическая таблица по пряжкам

1—13, 21, 27—32 — пряжки из двух склепов, открытых кладовщиками 24 июня 1904 г.; 11, 18, 21 — типы пряжек из склепа 145; 19—24, 26, 28, 33 — типы пряжек из склепа 154; 14—17, 21—23, 25, 29—31, 37 — типы пряжек из склепа 165; 34, 35, 40, 43, 44, 46 — пряжки из склепа 78; 41, 42 — пряжки из первичного погребения склепа 152; 37—39 — пряжки из вторичного погребения склепа 6; 36 — пряжка из Керчи (точное место находки неизвестно); 45 — пряжка из склепа 113; 48, 49, 51—54, 56 — накладки и пряжка от поясного набора из гробницы 64 (1873 г.); 47, 51, 53—55 — накладки и пряжка от поясного набора из склепа 180; 57 — пряжка из раскопок на горе Митридат (1875 г.); 58 — пряжка из гробницы 83; 60 — пряжка (Керчь, 1867 г.); 61 — пряжка из склепа 180

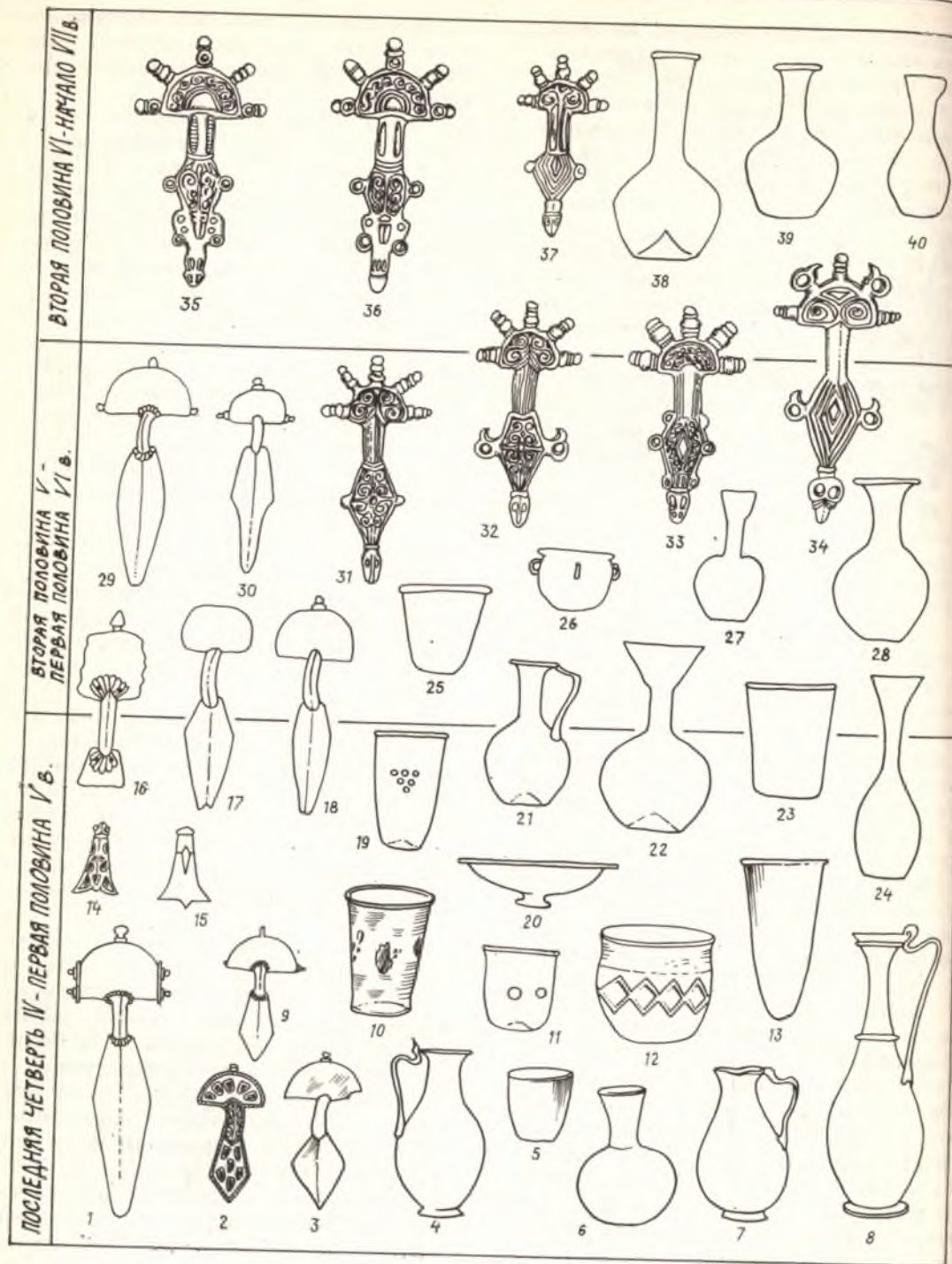

Рис. 2. Хронологическая таблица по фибулам и стеклянным сосудам

1, 11—13, 19—21 — фибула и стеклянные сосуды из склепа 154; 2, 5, 6, 9, 14, 15 — фибулы и стеклянные сосуды из двух склепов, открытых кладовщиками 24 июня 1904 г.; 9, 10 — фибула и стеклянный стакан из склепа 145; 4, 7, 8, 11, 16—18, 22—24 — фибулы и стеклянные сосуды из склепа 165; 25, 28, 30, 32, 33, 36, типа 39 и 40 — фибулы и стеклянные сосуды из склепа 78; 29 — фибула из склепа 6; 34 — фибула из гробницы 3; 37 — фибула из гробницы 13; 35, 38—40 — фибулы и стеклянные сосуды из гробницы 180

(рис. 2: 1, 14, 15). Зафиксированные в склепе 165 фибулы типа «смолен» датируются серединой V в. н. э. [35, Abb. 4: 3, 5; 6, 8: 3, 4, 9: 12, 13], отсюда же происходят вырезанные из цельной пластины кованые фибулы, характерные в основном для 2-й половины V в. (рис. 2: 16—18).

Такая же картина наблюдается при сравнении стеклянной посуды, обнаруженной в комплексах I хронологического периода. Наряду с ранними формами, характерными для конца IV—1-й половины V в. (рис. 2: 4—8, 10—13, 19, 20), в тех же склепах присутствуют и типы стеклянных сосудов, бытование которых продолжается во 2-й половине V и в VI в. (рис. 2: 21—24). Следует также отметить чрезвычайно богатый ассортимент стеклянной посуды для данного периода, представленной кувшинами, стаканами и чашами, кубками и колбообразными сосудами.

Кроме рассмотренных категорий вещей склепы I периода содержат очень разнообразный и многочисленный материал, что отличает их, как мы увидим ниже, от склепов последующих периодов.

Этот погребальный инвентарь памятников I периода, к которому относится большинство склепов*, представлен предметами вооружения, конской сбруей, украшениями, серебряной и стеклянной посудой, туалетными принадлежностями, глиняными светильниками и др. Многие из этих вещей сделаны из драгоценных металлов — золота и серебра и украшены цветными вставками камня или стекла в напаянных или перегородчатых гнездах. В ряде склепов найдены монеты и индикации монет с изображением портретов римских императоров III—IV вв., некоторые из них воспроизведены на золотых погребальных венках.

Отличительной особенностью комплексов погребений I хронологического периода является присутствие в них более древних вещей, чем время, в которое совершались захоронения. Особенно это характерно для богатых погребений, таких, какие были обнаружены в 145 склепе или «двух склепах 24 июня 1904 года», — семейных усыпальниц высшей боспорской знати, а возможно, и боспорских правителей. Из этих усыпальниц происходят две серебряные чаши-блюда с бюстом Констанция II, выпущенные в честь двадцатилетия его цезар-

ства в 343 г., о чем свидетельствует латинская надпись. Чаши могли попасть на Боспор в качестве римских даров боспорским правителям или представителям высшей знати в период царствования Констанция II (до 361 г.). Несомненно таким же даром была и знаменитая «чаша из Керчи» со сценой триумфа императора. Концом IV — началом V в. датируются серебряные кувшины, тазики с горохатым ободком, ситочки, ложки и пиксиды византийской работы [12, с. 23—35].

Из этих же погребений происходят украшения, исполненные в технике перегородчатой инкрустации, проблеме происхождения которых посвящены работы многих исследователей. И тем не менее данный вопрос до сих пор остается нерешенным. Обнаруженные в боспорском некрополе эпохи переселения народов полихромные изделия несомненно представляют единую однородную группу украшений как по стилистическим особенностям, так и по технике исполнения. Прав А. К. Амброз, отмечая, что вещи подобного стиля появились «как бы сразу в сложившемся виде» [1, с. 102]. Кроме того, как мы уже отмечали, они встречаются лишь в богатых погребениях, при этом в наиболее ранних склепах, и время их бытования на Боспоре ограничено фактически лишь несколькими десятилетиями. Примечательно, что техника перегородчатой инкрустации никогда не была характерна для ювелирного искусства Боспора, но зато с древнейших времен известна на Востоке. Уже автор первой публикации изделий, исполненных в технике перегородчатой инкрустации, предполагал, что «эти поделки привозного происхождения» [21, с. 116]. Важно подчеркнуть и тот факт, что дальнейшее развитие этот стиль получает не на Боспоре, а в Центральной и Западной Европе, где при той же технике вещи приобретают иную художественную окраску за счет изменения орнаментальных мотивов и форм предметов [7, с. 14—30]. Все эти обстоятельства действительно могут указывать на импортный характер украшений, исполненных в технике перегородчатой инкрустации. Однако не исключено, что какие-то отдельные предметы, особенно, например, пряжки, могли быть изготовлены и в мастерских Боспора, где художественные традиции ювелирного искусства были достаточно высоки.

Остальные категории вещей, такие как удила с гранеными цветного металла наконечниками с кольчатыми псалиями, снабженными пластинчатыми зажимами, трехлопастные ромбовидные наконечники стрел с прямыми и вогнутыми контурами лопастей, однолезвийные мечи, характерные наконечники поясов в виде коробочки с выступающим с одной стороны

* К первой группе относятся: 17 катакомб-склепов из 35, открытых В. В. Шкорпилом в 1904 г., «два склепа 24 июня 1904 г.», Новиковский склеп и склеп 1896 г., склеп в имени Гордиковых и на Тарханской дороге, а также подбойные гробницы 98, 100, 145/1877 г., 46, гробница в саду Н. Тумаковского и др.

валиком и др., бытуют в течение всей 1-й половины V в. Этим же временем датируются зеркала с петелькой на оборотной стороне, указанные выше двупластинчатые фибулы с удлиненной ромбовидной ножкой, пряжки с длинным хоботовидным язычком и колбообразные сосуды. Последняя группа вещей характерна как для Боспора, так и для памятников южнорусских степей, Юго-Восточной и Центральной Европы гуннской эпохи. Наиболее близки боспорским комплексам находки из Унтерзибенбрунна (Австрия) [31, S. 32—67], Айран (Италия) [35, Abb. 1—9], Рабопордани, Нодьсекшош и отчасти Регей (Венгрия) [27, S. 65—74; 33, с. 66—91]. Много общих черт можно отметить и с погребальным инвентарем могильника Чаквар в Венгрии, который датируется концом IV — началом V в. [34, с. 147—178]. В боспорских погребениях I хронологического периода и в чакварских комплексах найдены идентичные пряжки, некоторые формы стеклянной посуды, в частности стаканы с синими напаями, серьги с 14-гранным литым выступом на одном конце. Обнаруженные на Боспоре костяной гребень и коническая четырехгранная подвеска, орнаментированные врезными кружочками с точкой в центре, находят прямые аналогии в чакварском материале, так же как и серебряные пластинчатые уголки от гроба.

Таким образом, среди материалов I хронологического периода четко выступают архаичные и современные гуннской эпохе вещи. В этой связи следует отметить, что объединенные нами в одну группу склепы не абсолютно синхронны. Некоторые склепы, вероятно, датируются в пределах последней четверти IV — и первых двух десятилетий V в. н. э. Это уже упомянутые склепы 145 и «два склепа 24 июня 1904 г.», а также склепы на Тарханской дороге, в имени Гордиковых, Новиковский склеп и склеп 1896 г. Другие же склепы существовали более длительное время. Так, например, склеп 154, сооружение которого, вероятно, следует относить к самому концу IV в. или рубежу IV—V вв., функционировал всю первую половину V в., склеп 165 до середины V в. и даже до начала второй половины V в. В погребении 3 данного склепа найдена пара фибул типа «смолен», дата которых определяется серединой V в. Найденные же в 165 склепе другие фибулы, в отличие от своих прототипов — литых двупластинчатых фибул с удлиненной ромбовидной ножкой первой половины V в. н. э., сделаны в иной технике. Они вырезаны из целой пластины и затем раскованы (рис. 2, 17, 18). Подобная техника при изготовлении фибул получает широкое распространение в следующий хронологический период,

в основном в его первой половине. Из этого же склепа происходят и стеклянные колбообразные сосуды, а также некоторые формы кубических сосудов, которые становятся ведущими формами в комплексах II периода (рис. 2: 21, 22, 23, 24).

Итак, склеп 165, будучи наиболее поздним среди склепов I хронологического периода, может рассматриваться как переходный памятник от I ко II периоду. Для полной характеристики памятников I периода остановимся кратко на описании погребальных сооружений, которые в течение длительного времени существования боспорского некрополя не оставались неизменными.

Для боспорского некрополя позднеантичного и раннесредневекового времени известны три типа погребальных сооружений: катакомбы или склепы, подбойные земляные гробницы и обычные прямоугольные грунтовые могилы. Склепы, вырубленные в скалистом или глинистом грунте, состояли из наклонного по направлению к камере коридора-дромоса, ориентированного по линии С—Ю, З—В или СВ—ЮВ. Длина дромоса достигала 4,50 м, ширина 0,7—1 м. Вход в камеру сооружался на глубине 5—10 м от дневной поверхности и был оформлен в виде арки высотой 0,75—1,20 м, длиной 0,74—0,98 м и шириной 0,65—0,85 м. С наружной стороны арка закрывалась каменной плитой. При входе в камеру, в некоторых случаях, вырубался порожек-ступенька высотой 0,40 м, при этом пол камеры находился ниже пола арки. Камера имела форму неправильного квадрата, или прямоугольника, или трапеции (последнее характерно для позднего периода). Размеры камеры варьировались в пределах 2,30×2,25 м; 2,70×1,56 м; 2,59×1,83 м и т. д. при высоте потолка 1,60—1,80 м. Потолок камеры был плоским или слегка округлым. С трех сторон камеры в стенках на высоте 0,50—0,90 м от пола высекались специальные лежанки шириной 1,90—2,20 м, глубиной 0,90—1,20 м, на которые помещались деревянные гробы. Кроме того, в стенах камеры по сторонам входа, а также около лежанок устраивались небольшие ниши шириной 0,36—0,62 м, глубиной 0,15—0,30 м и высотой 0,36—0,62 м. Ниши в количестве от двух до пяти служили местом для погребальных приношений и светильников.

Этот тип погребальных сооружений, появившийся на Боспоре еще на рубеже нашей эры и получивший широкое распространение во II—III вв. н. э. [11, с. 33—43], продолжает существовать вплоть до VII в. н. э. Однако в целом подобная конструкция погребального сооружения характерна для I хронологического периода. При этом наиболее распространенными были склепы с квадратными и прямоуголь-

ными камерами. Последние сосредоточены в основном на определенном участке некрополя, а именно на Госпитальной улице, где было открыто 36 склепов.

Второй тип погребальных сооружений представлен подбойными гробницами, состоящими из входной ямы прямоугольной формы, ориентированной длинными сторонами по линии С—Ю, реже З—В, и узкого подбоя, вырытого в южной или северной, иногда в западной стенках входной ямы. Длина подбоя 1,59—2,30 м, ширина 0,50—0,80 м, высота 0,40—0,70 м. Вход в подбой закладывался камнями и плитами. В некоторых случаях при одной входной яме в двух противоположных длинных стенках устраивались два подбоя.

Третий тип — простые грунтовые могилы подпрямоугольной формы длиной 2 м, шириной 0,60—0,70 м и глубиной 0,40—0,50 м, перекрывавшиеся сверху плитами или досками.

Оба последних типа могил, как и вышеописанные склепы, существовали на Боспоре с давних пор и не являются чем-то новым в погребальном обряде жителей позднеантичного и раннесредневекового Боспора [4, с. 382—383]. Однако в первой хронологической группе памятников они составляют незначительную часть, по сравнению со склепами.

Подбойные гробницы и прямоугольные грунтовые могилы были характерны в основном для последующих периодов, что свидетельствует о вытеснении обычая коллективных захоронений одиночными индивидуальными захоронениями.

II хронологический период, в отличие от I периода, характеризуется погребениями с более бедным и однообразным погребальным инвентарем. В нем почти полностью отсутствуют предметы вооружения, конской упряжи, полихромные украшения с перегордчатой инкрустацией, художественные импортные изделия. Заметно меняется ассортимент пряжек, фибул и стеклянной посуды.

В погребениях II периода появляются пряжки со слабо выраженным В-образным вырезом на передней стороне пластинчатой со скошенными краями рамки (рис. 1: 35, 36, 40, 45, 46) с неподвижным щитком (рис. 1: 36, 43, 44), а также пряжки с фигурными рамками и щитками (рис. 1: 36, 40—42).

Продолжающиеся же бытовать старые формы видоизменяются в деталях в сторону упрощения. Например, кругло- или овально-рамчатые пряжки с подвижным щитком сделаны из тонкого дрота с узенькими проволочными язычками, резко отличающимися от массивных литых язычков с уступом и срезом на тыльном конце, характерных для пряжек I хронологического периода, часто встречаются

пряжки с плоскими пластинчатыми язычками (рис. 1: 34—37). Пряжки же с рамкой в виде вытянутого овала, напротив, представляют теперь сплошной литой овал с узкой прямой перекладиной на тыльной стороне (рис. 1: 38, 39), на которую надевались петли щитка.

Во II хронологическом периоде, в его 1-й половине, как мы уже отмечали, бытуют вырезанные из пластины и затем раскованные фибулы. Так, в склепе 6 найдены обычные для 1-й половины V в. фибулы с удлиненной ромбовидной ножкой, округлой головкой и ободками из рубчатой проволоки в основании дужки. От своих предшественниц они отличаются более мелкими размерами, наличием однорядной пружины и техникой изготовления (рис. 2: 29). В склепе 78 найдена пара пластинчатых фибул полого типа, ножка которых имеет выгнутые края, а голова подтрапециевидную форму (рис. 2: 30). Однако массовый характер во II периоде, и в основном в его второй половине, приобретают так называемые пальчатые фибулы, вопрос датировки которых до сих пор остается дискуссионным. Как уже указывалось, Л. А. Мацулевич датировал их V в. Этого же мнения придерживались А. П. Калитинский и Г. Кюн [9, с. 308; 32, S. 94]. В. К. Пудовини на основании типологии фибул датировал их в пределах первой половины V—VI в. [15, с. 142—148]. И. Вернер все разновидности северопрichernоморских пальчатых фибул отнес к первой половине VI в. [37, с. 26—33, № 108—126]. А. К. Амброс полагает, что они бытовали в течение всего VI в., отрицая их существование в V в. [2, с. 211—214].

Представленная В. К. Пудовини типологическая схема развития пальчатых фибул в целом нам представляется верной и находит подтверждение в боспорских материалах. Однако предложенная им дата некоторых типов фибул — 1-я половина V в. — вряд ли справедлива. Как свидетельствует материал некрополя, пальчатые фибулы появляются на Боспоре не ранее 2-й половины V в. В этом отношении интересна находка пары фибул типа, представленного на рис. 2: 31 из женского погребения подбойной могилы 19. В. К. Пудовини датирует такой тип фибул 2-й половиной V в. Фибулы были обнаружены вместе с бронзовыми браслетами из гладкой проволоки, серьгами с литой четырнадцатигранной бусиной на конце, со стеклянным, раннего типа колбообразным сосудом с грушевидным туловом и широкой глубокой воронкой (рис. 2: 24), а также с красноглиняной миской со штампом в виде креста с четырьмя кружочками по углам. Аналогичная миска с неясным штампом находилась в мужском погребении этой же могилы. Подобные миски, по классификации Ф. Вааге,

относятся ко 2-й половине V в. [36, p. 53—57, fig. 34, Tab. 8, 9].

Стеклянная посуда из комплексов II периода в основном представлена колбообразными сосудами, которые по форме в целом продолжают линию развития аналогичных сосудов I периода (рис. 2: 27, 28). При этом наиболее типичны сосуды с узким горлом, заканчивающимся низким воронкообразным расширением или широкими горизонтально отогнутыми полями с узким рельефным валиком по краю (рис. 2: 28). Ко 2-й половине V в. относятся также стаканы конической формы, бокалы на ножке, лампадки, а также кувшины, известные в литературе как сосуды неправильной искаженной формы, и цилиндрические кувшины, многогранные в сечении (рис. 2: 25, 26).

Как и памятники I периода, так и комплексы II периода различаются по абсолютным датировкам. Судя по характеру погребального комплекса, более ранними, дата которых ограничивается 2-й половиной V в., являются могилы 1, 7, 14, 19, 20, 28, 46, 123, 182, 183 и др. Этим же временем датируются и некоторые погребения из семейных склепов, таких как 6, 52, 78, 83 (рис. 1: 34—39, 2: 25—30). Хотя последние сочетаются здесь с более поздними погребениями, относящимися не только к 1-й половине VI в., но и к его 2-й половине.

В этом отношении показателем склеп 78, в котором было обнаружено 14 погребений. Как свидетельствует материал, склеп использовался длительное время — со 2-й половины V по VI в., то есть около 100 лет. Наиболее ранние погребения содержат вещи 2-й половины V в., формы которых продолжают традиции предшествующего времени. Но наряду с ними в этом склепе представлены все разновидности пальчатых фибул, вплоть до самого позднего варианта: с двойными выступами, на ножке — схематичное изображение птичьих голов (рис. 2: 32, 33, 36). Последние происходят из погребения 8 и найдены вместе с золотыми бляшками-подвесками, известными в литературе под названием «городки» и характерными для комплексов 2-й половины VI в. Сууксинского могильника [16, с. 12, табл. V: 2, 3]. Фактически это погребение уже относится к третьему хронологическому периоду. Таким образом, склеп 78, так же как 165 склеп, является переходным памятником.

III хронологический период характеризуется еще меньшим разнообразием материала. Ведущими категориями вещей являются массивные пряжки с боковым выступом в виде головы птицы, часто называемые «пряжки с соколиными головами» (рис. 1: 57, 59—61), пальчатые фибулы в основном позднейшего варианта (рис. 2: 35—36), стеклянные колбо-

образные сосуды, представленные преимущественно одной разновидностью — сосудами с округлым туловом и высоким узким горлом, слегка расширяющимся к краям; по краю — рельефный валик. К концу этого периода относятся три поясных набора, один из которых происходит из гробницы 64, другой из 180-го склепа и третий — случайная находка 1878 г. (рис. 2: 47—56).

Наиболее полным и хорошо сохранившимся памятником III периода является 180-й склеп, где было открыто семь погребений, при этом самым богатым оказалось женское погребение (по отчету В. В. Шкорпила — погребение № 7). Ему принадлежали две пальчатые фибулы позднейшего варианта, пряжка с выступом в виде соколиной головы, браслеты проволочные с утолщенными концами, серебряная пиксида и бусы. За головой погребенной лежали вещи, вероятно, принесенные в качестве посмертных даров, — кинжалчик, от которого сохранились серебряная обкладка рукояти с янтарным навершием и поясной набор. Другие погребения, представленные лишь отдельными предметами, стеклянными колбообразными сосудами всех разновидностей, краснолаковой плоской тарелкой на низком кольцевом поддоне и серебряным проволочным браслетом.

Погребения III хронологического периода близки памятникам Сууксинского могильника близ Гурзуфа в Крыму. Но, как справедливо отметил Л. А. Мацулевич, наиболее поздние керченские комплексы (наш III период) являются началом «гурзуфского этапа», который относится ко 2-й половине VI в. — 1-й половине VII в. [12, с. 47, 49]. Некоторые же исследователи отрицают последовательность керченского и гурзуфского этапов, предполагая, что они синхронны. В качестве доказательства высказывается мысль, что пальчатые фибулы керченских типов образуют устойчивый горизонт находок вместе с двупластинчатыми фибулами сууксинского типа (по классификации А. К. Амброза, вариант IIa) [3, с. 87—88, рис. 6: 3] с орлиноголовыми пряжками дунайского, керченского и южнокрымского типов, с серебряными поясными наборами и другими вещами VI — начала VII в., что не подтверждается археологическим материалом.

Корреляция находок комплексов 2-й половины VI — начала VII в. боспорского некрополя убеждает, что пальчатые фибулы, будучи на Боспоре массовым материалом и представленные несколькими вариантами, бытовали в течение всего отрезка времени. При этом только один — позднейший вариант их — встречен вместе с птичьеголовыми массивными пряжками, да и то лишь в одном случае, в 180 склепе.

В этом отношении показателем упомянутый выше неграбленный склеп 78, в котором при наличии почти всех разновидностей пальчатых фибул, за исключением самых ранних, нет ни одной пряжки с выступом в виде соколиной головки. Найденные же несколько образцов фибул керченского типа в Сууксинском могильнике не могут свидетельствовать о синхронности этих фибул в целом с типичными для гурзуфского этапа двупластинчатыми крупными фибулами и соколиноголовыми пряжками.

Вообще предметы VII в. из боспорских склепов крайне малочисленны и представлены в основном не комплексами, а случайными находками, что, вероятно, свидетельствует об опустении Боспора в это время. На юге же Крыма, напротив, в данный период наблюдается оживление и рост населения. Такое положение вещей вполне объяснимо, если обратиться к историческим событиям VI—VII вв.

Как сообщает византийский историк Прокопий, в середине VI в. при императоре Юстиниане I (527—565 гг.) на южном побережье Крыма были построены два укрепления Алустан и Горзувиты (Алушта и Гурзуф), чтобы обезопасить население горных долин, «готов», от набегов степняков [14, с. 249]. Кроме того, удаленность этих районов от беспокойных южнорусских степей способствовала развитию здесь земледельческих центров. Археологические открытия в южной части Крыма свидетельствуют о непрерывности и продолжительности жизни оседлых поселений на данной территории. Это подтверждается и Сууксинским могильником, в котором было открыто 200 погребений.

Совершенно иначе складывается судьба Боспора, который в течение всей своей истории находился, с одной стороны, под влиянием степных соседей, а с другой — греко-римской культуры. Оставаясь длительное время самостоятельным сначала государством, а потом городом, он в конце концов утрачивает и свою независимость и главенствующую роль культурного центра в Северном Причерноморье. Во время господства гуннов Боспор, вероятно, находился под гуннским игом, выплачивая им дань и одновременно попадая в полную зависимость от Византии. Из сообщений Прокопия известно, что «...автономные раньше боспориты...» признали над собой власть императора Юстиниана (518—527 гг.). При этом теперь Боспор сам искал покровительства сильного и могущественного государства — Византийской империи, способного защитить его от постоянного вторжения степных соседей. Византия же, для которой Боспор был лишь торговым пунктом для обмена с варварскими племенами,

поддерживала его существование. Так, например, Юстиниан I отстроил заново стены города для безопасности населения. Но Византия была далеко и не всегда могла прийти на помощь увядающему Боспору. Близость последнего к южнорусским степям, которые превратились в арену военных столкновений сменявшихся друг друга племен, мало способствовали процветанию Боспора. Временная стабилизация политической обстановки в Северном Причерноморье в период господства здесь гуннского племенного союза закончилась с его распадом. Во второй половине VI в. через южнорусские степи прокатилась новая волна кочевых племен аваров, которые, разгромив утигуров, кочевавших в приазовских степях, и кутригуров, занимавших степи между Доном и Днестром, прошли далеко на запад до реки Тиссы, где когда-то находилась ставка гуннского вождя Аттилы. И хотя путь аваров лежал в стороне от Боспора, тем не менее разыгравшиеся в степи события не могли не отразиться на жизни города и прежде всего на его экономике и торговле. Следующие за аварами другие тюркские племена в 580 г. осадили и взяли Боспор. Несомненно, все эти события, а также последующие, завершившиеся взятием Боспора хазарами в VII в., сыграли губительную роль в истории города. Стремительная смена хозяев степей, в силу обстоятельств заинтересованных лишь на краткий срок в сохранении старых земледельческих и торгово-ремесленных центров, и то в основном для получения дани, постоянно нарушала нормальное течение жизни Боспора и в конце концов привела его к почти полному запустению. Во всяком случае археологический материал боспорского ранне-средневекового некрополя свидетельствует, что последний прекратил свое существование в первой половине VII в.

1. Амброз А. К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы [ч. 1]. — СА, 1971, № 2.

2. Амброз А. К. [Рец. на кн.:] J. Werner, Katalog der Sammlung Diergardt (Völkerwanderungszeitliche Schmuck). Bd 1. Die Fibeln. Berlin, 1961. — СА, 1966, № 4.

3. Амброз А. К. Фибулы юга европейской части СССР (II в. до н. э. — IV в. н. э.). М., 1966 (САИ, [вып.] Д1-30).

4. Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.; Л., 1949 (сер. «Итоги и пробл. соврем. науки»).

5. Гороховский Е. А. Периодизация массовых категорий украшений черняховских памятников Поднепровья и Побужья. — В кн.: Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР: Республик. конф. молодых ученых. Тез. докл. Киев, 1981.

6. Засецкая И. П. Боспорские склепы гуннской эпохи как хронологический эталон для датировки памятников восточноевропей-

ских степей.—В кн.: Проблемы хронологии памятников Евразии в эпоху раннего средневековья. М., 1979 (КСИА, [вып.] 158).

7. Засецкая И. П. Классификация полихромных изделий гуннской эпохи по стилистическим данным.—В кн.: Древности эпохи Великого переселения народов V—VIII вв. М., 1982.

8. Засецкая И. П. О хронологии и культурной принадлежности памятников южнорусских степей и Казахстана гуннской эпохи. (Постановка вопроса).—СА, 1978, № 1.

9. Калитинский А. П. К вопросу о некоторых формах двуплоскостных фибул из России.—СК, 1928, т. 2.

10. Корпусова В. Н. Сельские поселения пизноантичного Боспору.—Археология, 1973 № 8.

11. Масленников А. А. Некоторые особенности некрополей городов Европейского Боспора первых веков нашей эры.—СА, 1981, № 1.

12. Мацулевич Л. А. Серебряная чаша из Керчи. Л., 1926 (ПГЭ, [т.] 2).

13. ОАК за 1904 г. Спб., 1907.

14. Прокопий. О постройках. Пер. С. П. Кондратьева.—ВДИ, 1939, № 4 (9).

15. Пудовин В. К. Три боспорские лучевые фибулы. (К вопросу о дате боспорских фибул).—СА, 1962, № 2.

16. Репников Н. И. Некоторые могильники области крымских готов, ч. 2.—ЗООИД, 1907, т. 27.

17. Репников Н. И. Некоторые могильники области крымских готов, ч. 1.—ИАК, 1906, вып. 19.

18. Сорокина Н. П. О стеклянных сосудах с каплями синего стекла из Причерноморья.—СА, 1971, № 4.

19. Сорокина Н. П. Позднеантичное и раннесредневековое стекло с Таманского городища.—В кн.: Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963.

20. Сорокина Н. П. Стеклянные сосуды IV—V вв. и хронология Цебельдинских могильников.—В кн.: Проблемы хронологии памятников Евразии...

21. Спицын А. А. Вещи с инкрустацией из керченских катакомб 1904 г.—ИАК, 1906, вып. 17.

22. Сымонович Э. А. Раскопки могильника у овчарни совхоза Приднепровского.—В кн.: Черняховская культура. М., 1960 (МИА, № 82).

23. Федоров Г. Б. Малаештский могильник.—Там же.

24. Шелов Д. Б. Раскопки северо-восточного участка Тананса (1955—1957 гг.).—В кн.: Древности Нижнего Дона. М., 1965.

25. Шкорпил В. В. Отчет о раскопках в г. Керчи в 1904 г.—ИАК, 1907, вып. 25.

26. Шкорпил В. В. Отчет о раскопках, произведенных в 1906 году в г. Керчи и в его окрестностях.—ИАК, 1909, вып. 30.

27. Alföldi A. Funde aus der Hunnenzeit und ihre ethnische Sonderung.—AHg, 1932, N 9.

28. Bakay K. Bestattung eines vornehmen Kriegers vom 5. Jahrhundert in Lengyeltöti.—AAH, 1978, N 30.

29. Diskona Gh. Tirgsor. Necropola din secolele III—IV e. n. Bucuresti, 1965.

30. Kazanski M. Deux riches tombes de l'époque des Grandes Invasions au Nord de la Gaule: Airan et Ponan.—AM, 1982, N 12.

31. Kubitschek W. Grabfunde in Untersiebrunn.—JAK, 1911, Bd 5.

32. Kühn H. Die germanischen Bügelfibeln der Völkerwanderungszeit in der Rheinprovinz. Bonn, 1940.

33. Mészáros A. Regölyi korai népvandorlásokorij fejedelmi sír.—AE, 1970, vol. 97.

34. Salomon A., Barkóczi L. Pannonien in nachvalentinianischer Zeit (376—476).—In: Severin zwischen römerzeit und Völkerwanderung. Katalog der Ausstellung des Landes Oberösterreich im Stadtmuseum Enns 1982. Linz, 1982.

35. Tejral J. Mähren im 5. Jahrhundert.—SAUC, 1973, N 3.

36. Waagé F. O. Hellenistic and Roman Tableware of North Syria.—In: Antioch-on-the-Orontes. Princeton (N. J.), 1948, Part 4: Ceramics and Islamic Coins.

37. Werner J. Katalog der Sammlung Diergardt (Völkerwanderungszeitlichen Schmuck). Berlin, 1961, Bd 1: Die Fibeln.

Е. И. ОЯТЕВА

БРОНЗОВАЯ ФИГУРКА МЕДВЕДЯ ИЗ СОБРАНИЯ СТРОГАНОВЫХ (ОПЫТ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ДЕШИФРОВКИ)

Среди изделий металлической пластики искусства пермского звериного стиля, хранящихся в Эрмитаже, имеется бронзовая фигурка медведя. Она была найдена случайно в песке, «на поле крестьянина гг. Лазаревых», неподалеку от с. Ильинское Пермской губ. [23, с. 10]. В районе с. Ильинское на р. Маслянка — правом притоке р. Обва (правого притока Камы) расположено древнее городище, на склоне которого — костище начала I тысячелетия н. э. [6, с. 194, № 109, 110]. Вполне возможно, что фигурка медведя происходит с этого же костища, но точных данных на этот счет нет. Нашли ее, видимо, где-то между 1851 г., когда С. Г. Строганов обратился к управляющему имением В. А. Волегову с письменной просьбой собирать разлягные древние вещи и чудских богов, и 1859 г. — временем первичной публикации.

О том, как создавалось собрание Строгановых, писал А. А. Спицын: «Из сохранившейся переписки и по преданию известно, что вещи поступали сперва к так называемым сельским приказчикам, которые препровождали их в Ильинское управление при донесениях о месте и обстоятельствах находки» [29, с. 2]. Вероятно, и нашедший фигурку крестьянин, по заведенному порядку, передал ее приказчику, а последний — В. А. Волегову, от которого вещи отправлялись к Строгановым. В 1925 г. коллекция пермских древностей поступила в Эрмитаж.

Фигурка высотой 9,1 см изготовлена из высококачественной оловянистой бронзы со значительным включением серебра (2—5%) золотисто-желтого с лимонным оттенком цвета; в настоящее время покрыта зелено-коричневой патинной. Туловище животного выполнено в невысоком рельефе, голова — в технике объемного литья. На нижних конечностях ос-

татки литников. Пятачок носа и верхняя губа чуть асимметричны, что могло произойти, если голова медведя моделировалась из двух половин, которые при соединении сдвинулись. Обратная сторона отливки слегка вогнутая, необработанная, на месте головы — поля вогнутой (рис. 1: 1, 2).

Изображение медведя весьма близко к натуре: общий облик, пропорции туловища, знак пола. Особенно натуралистично выполнена голова: ее контур, уши арочной формы, высоко посаженные и несколько увеличенные, нос пяточком, маленькие глазки, разинутая пасть. Поверхность туловища медведя слабо граненая. Особо остановимся на позе. Поза очень выразительная: медведь стоит на задних лапах, косолапо повернутых носками внутрь, передние лапы с острыми когтями и раскрытыми ладонями согнуты в локтях и подняты кверху. Голова слегка откинута назад, глаза прикрыты, пасть разинута в крике. При всей натуралистичности изображения туловище и конечности, по сравнению с головой, более обобщены, а на лапах изображено по четыре пальца, в то время как лапы медведя пятипалые.

На туловище медведя обращают внимание нанесенные до отливки (на модели) различные знаки-индексы. Углубленные линии на ладонях передних лап как бы отсекают фаланги пальцев, на ладони правой передней лапы изображен крестообразный знак, а на запястьях передних, на щиколотках и паховых частях задних лап — браслеты. Три антропоморфные личины расположены треугольником: на груди одна, на брюхе — две рядом. Более крупная личина на груди: глаза без зрачков и рот показаны овалами, нос и брови прямыми линиями, фоном служила вертикальная штриховка. На брюхе медведя — две равновеликие, но не-

Рис. 1. Бронзовые фигурки медведя

1 — фигурка из с. Ильинское. Лицевая сторона; 2 — фигурка из с. Ильинское. Обратная сторона; 3 — фигурка с р. Соплес (по А. А. Спицыну)

скольких меньших размеров, чем нагрудная, личины. Набрюшные личины различаются между собой только фоном: правая — на фоне вертикальной штриховки, левая — на гладком фоне. Глаза, нос, рот и брови набрюшных личин выполнены в той же манере, как и нагрудной личины, однако имеются незначительные на первый взгляд отличия: углубленные линии от носа к углам рта — носогубные складки. Нагрудная личина носогубных складок не имеет.

Фигурку медведя первым опубликовал в 1859 г. профессор истории Московского университета С. В. Ешевский. Для издания он воспользовался рисунком строгановского крепостного рисовальщика Г. К. Козьминых, составившего для В. А. Волегова альбом находок [10, с. 140, фиг. 7]. Описание коллекции пермских древностей из собрания С. Г. Строганова, среди которых была и фигурка медведя, в 1877 г. включено в атлас И. Р. Аспелина [30, с. 133, рис. 557]. В 1893 г. эту находку подробно разбирает Ф. А. Теплоухов в своей работе «Древности Пермской чуди в виде баснословных людей и животных» [23, с. 10, 11]. В 1906 г. вышла в свет сводная работа А. А. Спицына «Шаманские изображения», где рисунок медведя полностью совпадает с опу-

бликованным в статье С. В. Ешевского [21, с. 102, рис. 374]. После А. А. Спицына к данной находке исследователи пермских древностей специально не обращались.

Бронзовую фигурку медведя как Ф. А. Теплоухов, так и А. А. Спицын единодушно отнесли к ритуальным предметам. «Эти изображения показывают, что Пермская Чудь питала и медведю более, чем простое уважение», — писал Теплоухов, однако его затруднила интерпретация, поскольку отнести «эту фигурку к идолам или баснословным животным едва ли возможно, так как в общем медведь представлен вполне натуралистично» [23, с. 10, 11].

А. А. Спицын, в свою очередь, писал: «Фигурки медведей многочисленны и довольно разнообразны. Между ними особое внимание привлекают фигуры рис. 362, 374 (т. е. медведь из с. Ильинское. — Е. О.) и 375, ставящие медведей явно в ряд изображений религиозного характера» [21, с. 11]. И далее: «Так как религия инородцев урало-алтайского мира есть шаманизм, то вполне удобно и законно такие поделки называть шаманскими» [21, с. 1]. А. А. Спицын и датирует фигурку медведя из с. Ильинское VIII—IX вв. — «время расцвета шаманских изображений» [21, с. 6]. Однако

А. В. Шмидт в 1927 г. в своей работе «К вопросу о происхождении пермского звериного стиля» период наивысшего расцвета искусства металлической пластики пермского звериного стиля счел возможным датировать более ранним временем — VI—VIII вв. [29, с. 160]. Все исследователи единогласно относят основную массу изделий художественной металлической пластики Прикамья к ломоватовской археологической культуре, хронологические рамки которой охватывают обе вышеприведенные даты — V—IX вв. [6]. Все это позволяет нам говорить обобщенно о 2-й половине I тысячелетия н. э. Конкретизация хронологии данной вещи, как и любой другой, зависит от разработки типологической схемы развития изображений искусства металлической пластики Прикамья I тысячелетия н. э.

Изобразительные элементы бронзовой фигурки медведя из собрания Строгановых в своей совокупности представляют большой интерес для изучения знаково-понятийной системы художественной металлической пластики, тем более, что ни Ф. А. Теплоухов, ни А. А. Спицын не только не расшифровали их, но и не на все знаки обратили внимание.

В изобразительном искусстве медведи известны с палеолитической эпохи вплоть до наших дней — в графике на камне, в мелкой скульптуре из бивня мамонта, рога, кости, камня, глины, металла.

Изображения медведей в искусстве металлической пластики Прикамья и Западной Сибири встречаются, как среди памятников раннего железного века — I тысячелетия до н. э., так и среди памятников интересующего нас времени — I — начала II тысячелетия н. э. Их типологизация позволит наиболее точно определить место ильинского медведя среди художественных бронз 2-й половины I тысячелетия н. э.

Основной типологической схемой являются простые изображения, в той или иной степени натуралистично воспроизводящие комплекс характерных признаков внешнего вида медведя. Среди них целые фигурки, «половинники» (профильные «двуногие» фигурки), протомы (верхняя часть туловища до пояса — голова и передние лапы), головы. Простые изображения медведей встречаются на подвесках, пронизках, накладках, пряжках, браслетах и прочих деталях костюма, а также на ножках кинжалов, ложках, посуде и других предметах утвари. Выполнены изображения в различной технике: плоские, объемные, в сочетаниях плоского и объемного литья.

Сложные изображения медведей делятся на две группы: сложные зооморфные и сложные зооантропоморфные.

Сложные зооморфные состоят из основы и дополнительного изображения, причем как первое, так и второе представляют собой простое зооморфное изображение, где животное воспроизведено целиком или частично. Дополнительных изображений может быть несколько. Иллюстрируют группу сложных зооморфных изображений две подвески. Одна подвеска — плоская односторонняя фигурка стоящего на четырех лапах медведя с оскаленной клякастой пастью; на шее орнаментированный ошейник, поверхность туловища животного сплошь покрыта рядами звериных голов (лося?). Подвеска происходит из могильника Рёлка на р. Обь [28, рис. 35: 4]. Другая подвеска из клада на р. Васюган изображает медведя, стоящего на задних лапах, с птичьими крыльями, на шее — ожерелье. Крылатый медведь (или медведица) держит перед собой антропоморфное существо. Отлита фигурка в сложной технике: плоское туловище, объемная голова [12, рис. 25: 12].

Сложные зооантропоморфные, как и зооморфные, состоят из основы и дополнительного изображения. Основа в данном случае — зооморфная, а дополнительное изображение — антропоморфное существо или личина (личина — знак антропоморфности); дополнительных изображений может быть несколько — одинаковых или разных.

Группу сложных зооантропоморфных изображений, где на зооморфную основу нанесено одно или несколько антропоморфных существ, иллюстрирует подвеска в виде стоящего в профиль на четырех лапах медведя с оскаленной клякастой пастью, с орнаментированным ошейником, браслетами на всех четырех лапах; на туловище животного изображены разновеликие антропоморфные двурукие существа в фас. Подвеска происходит из Усть-Вымского клада (Коми АССР) [21, рис. 375; 22, с. 53, № 75].

Сложные зооантропоморфные изображения с личиной на зооморфной основе представлены двумя фигурками медведя, стоящего на задних лапах. Одна из них происходит с р. Соплес [21, рис. 428]. Фигурка медведя односторонняя пластинчатая, животное изображено стоящим на задних лапах с опущенными вниз вдоль туловища передними лапами, есть знак пола и пуп, на груди медведя — личина (рис. 1: 3). Передние конечности четырехпалые с браслетами на запястьях; задние лапы с браслетами на щиколотках, несколько расставлены в стороны пятками вместе, носками врозь. Верхняя часть туловища и передние конечности оконтурены «защипами». Личина на груди не оконтурена и образована всего тремя кружками: два побольше — глаза, один по-

меньше — рот, над глазами веером пять коротких черточек (волосы?).

Другая фигурка — именно та, которой посвящена эта статья, — найдена близ с. Ильинское (ГЭ 563/7).

Изображения ильинского и соплесского медведей похожи только на первый взгляд. И хотя они оба относятся к единому типу изображений, различия видны во всем: в постановке фигуры, технике отливки, манере передачи шкуры, выполнении личины. На изображении ильинского медведя пупа нет, а у соплесского пуп есть. Главное же отличие заключается в количестве антропоморфных личин на туловищах обоих медведей: у соплесского — одна, у ильинского же — три разных. Для того чтобы понять смысл изображения, необходимо расшифровать каждый знак в отдельности и образ в целом. Семантическая дешифровка изображения с позиций знаковой структуры может быть достоверна лишь при комплексном методе исследования с привлечением смежных дисциплин (этнографии, фольклористики, лингвистики).

Знаковая структура изображения ильинского медведя состоит из зооморфной основы и дополнительных знаков-индексов. Основой является натуралистическое воспроизведение комплекса естественных признаков животного: видовых, возрастных, половых. Видовые признаки сохраняют облик медведя, весьма близкий к натуре. Взрослые особи различных животных, в том числе и медведи, отличаются не только пропорциями тела, но и густой темной шерстью. Орнамент на их изображениях, покрывающий всю поверхность туловища, передает характер шерстного покрова, подчеркивая возраст животного. Этот изобразительный прием в сочетании с размерами туловища встречается на изображениях медведей неоднократно. Особенно это наглядно, когда в единой композиции даны взрослые и молодые особи [21, рис. 317—321, 324—325]. По-видимому, граненая поверхность туловища ильинского медведя и является показателем его зрелого возраста. Знак пола на изображениях медведей и других животных в искусстве пермского звериного стиля присутствует не всегда [13, с. 27]. Поскольку ильинский медведь знак пола имеет, вероятно, было необходимо подчеркнуть, что перед нами взрослый медведь-самец.

Очень выразительна поза животного: медведь стоит на задних лапах, голова закинута назад, глаза прикрыты, пасть разинута в крике, передние конечности согнуты в локтях и подняты вверх. В естественных условиях в такую позу встают медведи, а чаще всего медведицы, отпугивая или защищая от врагов свое потомство. Эта естественная поза защиты ста-

ла канонической (поза оранты). В этой позе изображались не только животные, а и антропоморфные существа [15, с. 74—124], ее отождествляют с позой адорации (моления, поклонения). В христианской символике она интерпретируется как «моление о защите».

У ильинского медведя лапы четырехпалые, что является явным нарушением природы, а следовательно, знаком условным. «Негидальцы говорят, что медведь похож на человека, одетого в толстую шубу: когда с убитого зверя сдерут шкуру, он «чистый человек», т. е. имеет вид настоящего человека, только голова у медведя большая и отсутствует большой палец» [26, с. 149]. На изображениях медведей с четырехпальными конечностями видно, что отсутствует именно большой палец, который селькупы называют «кагаль-мун» — «человеческая душа». Медведь, лишенный большого пальца, это — оборотень, человек в шкуре медведя, медведь-человек. Неполный комплект пальцев — знак, отличающий оборотня от простого медведя [5, с. 140—141].

На передних лапах медведя имеется еще один знак — углубленные линии, отделяющие фаланги пальцев. Такой знак широко использовался в изобразительном искусстве и означал отделение, отсечение. Археологические находки действительно подтверждают, что фаланги, украшенные на концах головками животных, и когти нередко фигурируют с глубокой древности в качестве амулетов-оберегов [11, с. 53; 5, с. 139].

Крестообразный знак нанесен на ладонь правой, поднятой вверх, передней лапы ильинского медведя. Прежде чем напомнить о семантике этого знака, следует коснуться сакральной функции правой передней лапы медведя. Во время обряда медвежьего праздника народы Сибири, до того как обдирать шкуру с убитого жертвенного медведя, отрубали в запястье правую переднюю лапу. С помощью отрубленной лапы гадали, подбрасывая ее трижды над тушей, над правым пахом. Если лапа падала ладонью вверх, то ответ был положительный, если ладонью вниз — отрицательный. Гадали по любому поводу, выясняя прежде всего, какого из умерших родственников медведь представляет, сколько дней он собирается гостить, чем его угощать надо [1, с. 95]. Отрубленная медвежья лапа в дальнейшем хранилась в священном амбаре и служила талисманом, на ней давали клятву — «кой-убат» («медвежье слово», «медвежья правда») [4; 5, с. 138].

Крестообразный знак изображен на правой лапе медведя не случайно. В соответствии с мифопоэтической традицией крест относится к символам высших сакральных ценностей.

Формы крестообразных знаков различны: перекрещивающиеся линии, четыре треугольника вершинами к центру, Т-образный крест с петлей (египетский «анх») и без петли, круг, расчлененный на четыре сектора, свастика и т. п. [8, с. 201].

Семиотики считают главной идеей этого знака — перекрестие, центр и основные направления, идущие от центра. Крест часто фигурирует в качестве модели человека или геометризованного варианта древа жизни с теми же двумя основными координатами вертикальной и горизонтальной системой космогонической ориентации.

Крест является символом жизни, процветания, удачи, бессмертия, плодородия, счастья и играет роль оберега, защитника, талисмана. Он известен также как элемент орнамента и знак защиты. В деревнях изображение креста на входных дверях и окнах домов — защита от нечистой силы, напасти, болезней, бед.

В то же время крест — знак смерти, мучений, пытки, несчастья, упадка, знак вычеркивания, упразднения, отмены.

Одновременно крест органично соединял в себе противоположные понятия как единство: жизнь и смерть, счастье и несчастье, удачи и неудачи. Он понимался как переход от одного состояния к другому: через крестные муки, через крестную смерть к новой жизни, к бессмертию.

Крест использовался в гаданиях как выбор дорог: направо — жизнь, счастье, процветание, удача, налево — смерть, несчастье, упадок.

Исключительную роль играет крест в геральдике, сфрагматике, в шифрах и тайнописи. Крестом подписывались. В средневековой Европе крест являлся личным знаком королей и знатных лиц. Практиковалось окружение сакрального имени крестами, а также многократное воспроизведение креста с целью усиления или увеличения магической защиты [24, с. 12—14].

Появляются крестообразные знаки очень рано. Так, на стенах дома, именуемого «храм охоты» (5800 лет до н. э.), в Чатал-Хююке вместе со сценами ритуальных игр с жертвенными животными имеются изображения крестообразных знаков [31, табл. 117: 29; 16, с. 80, 93, рис. 25].

Е. А. Алексеев пишет: «У курейских кетов существовал своеобразный обычай ставить на месте, где убили медведя, колышек, на границах которого каждый из охотников вырезал тамгу — крестик, крестик, крестообразную фигуру в виде четырех треугольников, обращенных вершинами к одной точке, и т. п.» [1, с. 96]. По-видимому, как в Чатал-Хююке,

так и в Сибири, крестообразные знаки, оставляемые охотниками, — знаки участия в ритуальном убийстве священного животного.

Крестообразный знак на правой сакральной лапе ильинского медведя может быть интерпретирован как знак жизни, единства жизни и смерти, как знак бессмертия, знак защиты, что органично сочетается с защитной позой животного.

Браслеты на передних и задних конечностях ильинского медведя — также определенный символ.

Люди стали делать и носить браслеты с эпохи древнего каменного века. Материалом для них служили бивень мамонта, кость, рог, камень, глина, раковины, металл, разноцветное стекло и пр. Браслеты были узкие и широкие, массивные и тонкие, гладкие и витые, украшенные резным орнаментом, изображениями зверей, вставками из драгоценных камней и металлов.

Носили браслеты на руках и ногах дети и взрослые, мужчины и женщины, люди разного социального положения. «Обычай носить браслеты на руках и ногах в качестве украшений (а возможно, и не только украшений) был широко распространен в городах харапской культуры, как и в позднейшей Индии» [2, с. 62].

На некоторых браслетах встречаются надписи, свидетельствующие, что «браслеты принадлежали лицам, облеченным особыми полномочиями, например, властью (духовной или светской), являлись символическим атрибутом их особого социального статуса» [2, с. 62]. Характер надписи на браслетах должностных лиц определяется как «титул с общим значением «первый, главный» (иногда с уточнением)» [2, с. 63]. Надписи также свидетельствуют о том, что браслеты употреблялись «как амулеты-обереги».

Древние традиции нашли свое продолжение в средневековье. Так, в тамильском эпосе V—VI вв. «Повести о браслете» постоянно упоминаются женщины, руки и ноги которых украшены тонкими золотыми и стеклянными браслетами, царь, «ноги которого украшены браслетами война» [2, с. 63].

В наши дни в Индии в штате Карнатур «все женщины (кроме вдов) и девушки носили от двух до шести пар браслетов. На свадьбу невесте требовалось семь пар. Когда рождался ребенок, мать должна разбить свои стеклянные браслеты и вместо них заказать новые» [14, с. 111]. «Жених надевает браслет на руку, так как считается, что это приносит удачу» [14, с. 115].

Этнографические материалы свидетельствуют об участии браслетов, ошейников и дру-

гих украшений в ритуальных действиях медвежьего культа. «Медвежонку надевали серьги и ошейник-ожерелье, то и другое обязательно из красной меди. Ошейник ежегодно меняли, надевая по мере роста медвежонка более широкий. В некоторых случаях на лапы надевали медные же браслеты» [1, с. 93]. Народы Сибири, поклонявшиеся священному медведю, выращивали медвежат не только для ритуального убийства, а и вместо детей (сына или дочку), особенно бездетные семьи. Такой медвежонок жил в доме своих «приемных» родителей, с ним обращались, как с ребенком, кормили лакомствами, брали в гости, украшали медными ошейниками и браслетами. Животное, достигшее двухлетнего возраста, держать в доме было опасно, его выпускали на волю, в лес, предупредив об этом соседей, чтобы медвежонок не убили. Убить «окольцованного» медведя все равно, что убить человека [1, с. 92, 93].

Браслеты, кольца, ожерелья, гривны, пекторали, головные обручи, повязки, ошейники, пояса — относятся к группе предметов «овеществленной магии», ибо в их основе магический круг. «Круг, один из наиболее распространенных элементов мифопоэтической символики, чаще всего выражающий идею единства, бесконечности и законченности, высшего совершенства» [25, с. 18, 19]. Главная идея круга в разграничении внутреннего и внешнего пространства — отделение космоса, порядка, завершенности, совершенства от внешнего неорганизованного хаоса.

Магия окружения, объезда, опахивания, очерчивания, ограничения, окольцевания является непременным действием всех защитных обрядов. В Абхазии и по сей день существует обычай: хозяйка дома обычно делает попытку обойти вокруг гостя или покружить рукой над его головой, приговаривая при этом: «Да падут на меня все твои болезни» [3, с. 168—169, примеч. 56—58].

Во время медвежьего праздника жертвенного медведя водили вокруг селения, а также проруби на реке: тем самым осуществлялась защита от всех невзгод, напастей, болезней, врагов, нечисти. Защита — одна из главных функций священного медведя.

Таким образом, по представлениям древних, любой круглый предмет — кольцо на пальце, браслет на руке или ноге, ожерелье, ошейник, головной обруч, повязка, пояс — все, чем окружают, является талисманом, амулетом-оберегом, символом магической защиты. Владующий таким талисманом находится под защитой, «окольцован», и сам может осуществлять защиту. «Окольцованный» медведь —

оборотень, человек в шкуре медведя, медведь-человек.

Антропоморфные личины, изображенные на фигурке нашего медведя, не только подтверждают его антропоморфную сущность, но и вносят дополнительную информацию.

В изобразительном искусстве антропоморфные личины появляются довольно рано, они известны в наскальных изображениях и бытуют в обрядовой практике до настоящего времени. Обращает на себя внимание исключительное разнообразие личин при столь немногочисленных компонентах: глаза, нос, рот, брови, контур лица, уши, волосы. Каждый из компонентов мог быть изображен по-разному: глаза открытые или закрытые, личина оконтурена или нет и пр. На личине может отсутствовать или один глаз, или уши, или рот. Отсутствие одного из компонентов имело значение: если не изображены уши, то данное существо не слышит, если нет глаз — не видит, если нет рта — не говорит. Кроме основных компонентов личины, могли присутствовать и дополнительные знаки [18].

Личины и маски часто понимают как взаимозаменяемые понятия. И действительно, маска может, как и личина, передать особенности зооморфного и антропоморфного существа: пол, возраст, характер и настроение. Отождествление масок и личин закономерно, ведь они и призваны передавать нужную информацию. Изобразительные элементы личин — самостоятельная знаковая система в языке искусства, хотя и с небольшим ассортиментом знаков, тем не менее с весьма разнообразными возможностями их сочетаний.

Личины на ильинском медведе выполнены в схематичной манере, да и основных знаковых компонентов относительно немного: глаза, брови, нос, рот изображены одинаково, однако две личины — старческие, а одна — молодая; молодая и одна старческая — «шерстные», так как изображены на фоне вертикальной штриховки, символизирующей шерсть; вторая старческая личина — не шерстная. Следует отметить, что старческая нешерстная личина расположена на брюхе медведя слева, а ведь левая сторона сакральная, женская [3, с. 133].

Личина на изображении медведя — символ его антропоморфности. Но для того чтобы показать, что перед нами не простой медведь, а оборотень, человек под шкурой, медведь-человек, достаточно одной личины. В искусстве металлической пластики Прикамья именно таким приемом пользовались для того, чтобы передать образ птицы-человека, лося-человека, да и на соплещком медведе всего одна личина. Какую же дополнительную информацию несут

две расположенные рядом старческие личины шерстного и нешерстного существа?

Анализ сложного зооантропоморфного изображения показал единую семантическую сущность образа: медведь-самец, медведь-оборотень, человек в шкуре медведя, медведь-человек.

Фольклор народов мира знает художественный образ зверя-человека. Он сохранился в мифах, в преданиях, в героическом эпосе, в поэзии, в волшебных сказках. Зверь-человек известен как волшебный супруг, продолжатель рода, вступающий в брачные отношения с женщиной, их потомство наследует сверхъестественные способности [19, с. 115; 20].

Чтобы по возможности наиболее полно прочитать информативный текст, зашифрованный в изображении ильинского медведя, необходимо вспомнить образ зооморфного фольклорного героя.

Мы уже неоднократно обращались к обрядовым действиям и мифам народов Прикамья и Сибири, для которых медведь — священное животное. Культ медведя выражается в особом отношении к животному и проявляется в обрядовом комплексе, связанном с охотой на медведя, и коллективном поедании его мяса. Миф о медведе не только объясняет обрядовые действия, а является как бы сценарием этих действий. В основе мифа генеалогическое повествование: происхождение, рождение, воспитание, вступление в брак с женщиной (девочкой), появление потомства, обстоятельство смерти медведя. Своего рода житие.

Многочисленные работы посвящены изучению культа медведя, в которых выявлен ареал распространения, порядок и смысл обрядовых действий, а главное, основная функция животного, как родоначальника, продолжателя рода, покровителя, посредника, защитника рода [4]. Сравнительное изучение мифов о медведе показывает порядок развития представлений: вначале он — сын Беры-медведицы, затем появляются два родителя (медведица и охотник; женщина и медведь). Кудым-Ош в коми-пермяцких преданиях, рожденный женщиной от медведя, имеет зооморфный облик: «Медведь там жил, только по коми говорить как человек умел и народу помогал» [17, с. 14, № 4]. Говорить по-человечески может только медведь-человек, простой медведь этого не может.

Образ родоначальника — зверя-человека в фольклоре народов зафиксирован в различных ипостасях: зооморфной и антропоморфной.

В кетском мифе о медвежьем сыне (койдэхып) также на первом месте его родословная: «Когда-то жил в лесу кайгусь — лесовой человек, сын медведя и женщины. Шесть лет

ему было, до семи не дошел, задумал жениться, девку у людей взять. Отец не велел: «Мал еще, подрасти надо». Сын на своем стоит. Отец тогда семь шагов (следов) отсчитал, до восьмого допрыгнуть велел: «Допрыгнешь — к людям иди, не сможешь — нельзя идти, убьют тебя люди». Рослому допрыгнуть легко, сын маленький был, не смог, но все-таки к людям пошел, взяв в подарок платок и платье» [1, с. 93].

Тема происхождения зооморфного родоначальника — первейшая во всех генеалогических мифах. Ведь родословная определяет происхождение героя, а следовательно, и его социальный статус в родовом и в сословном обществе [7, с. 116—144]. Герой кетского мифа имеет зооморфное обличье: он — медведь, однако рожденный женщиной, да и отец его хотя также медведь, но не простой медведь, а медведь-человек, оборотень. Естественно, что сын продолжает традицию — хочет жениться на женщине. Конечно, кетский миф не самый древний ибо в нем речь идет уже о медведе-супруге. «Пришел медвежий сын (койдэхып) к реке, где чум старика стоит. Дочь старика за водой пошла. Кайгусь схватил ее и ушел с ней в тайгу. Поздно уже хватились люди — нет дочери старика, медвежий след узнали. Утром небо посветлело, старик людей собрал, пальмы наточили, медведя гонять стали. Гоняли, гоняли, дочь старика, жена медведя, погоню слышит: „Это отец нас гоняет с людьми“. И хотя кайгусь — медвежий сын и имеет звериное обличье, ведь его узнали по медвежьему следу, но ведет себя как человек: похитив жену, откупается от погони шкурами пушных зверей («лесных людей»), оставляя на своем пути кучки шкурок бурундуков, белок, колонков, горностаев, соболей, росомх и волков. Такие действия медвежьего сына производят впечатление на людей и понимаются как человеческие: «Это муж твоей дочери выкуп тебе оставляет, не зверь он, зачем гоняешь».

Медвежий сын и действительно «не зверь»: он за жену выкуп — «цену человека» платит. Все отдал, даже платок и платье. «Сын медведя уже уставать стал: „Я им все оставил, все равно убьют“, — говорит. „Все равно убьют они меня, пугаю я их. Если не убьют, то мы не как лесные звери, а по-человечьи ходить будем“».

Сын медведя и женщины — оборотень, способный к превращению в человека, может и «по-человечьи ходить». Однако не суждено ему этого. Сбывается предсказание отца. Старик убивает вышедшего к людям медведя. Перед тем как выйти к людям, медведь-супруг дает наставление жене: «Если меня убьют, пусть правую руку отрезают, пусть бросают,

сколько дней сидеть буду, чем кормить меня пусть узнают».

В своем последнем наставлении медведь перечисляет все обрядовые действия медвежьего праздника. Дальше все делали, как велел кайгусь: «Лапу бросали, на бересте тень медведя, душу рисовали. На руках, ногах, шее медь красную протыкали,— так он сказал» [1, с. 93, 94].

На фигурке ильинского медведя, судя по знаковой структуре, воспроизведен герой такого мифа. Полностью дана характеристика самого героя: его вид, пол, возраст, зооантропоморфная сущность (медведь-человек), а главное, документировано и происхождение от отца — медведя-человека, символом которого является правая набрюшная старческая личина на шерстном фоне, и матери-женщины — ее символизирует левая (левая сторона всегда принадлежала женщине, и она сакральна) набрюшная старческая личина на гладком, нешерстном фоне, то есть она — человек.

На конечностях ильинского медведя надеты браслеты, и кайгусю тоже на руках, ногах и шее медь красную протыкали, то есть надевали браслеты и ошейник из красной меди в знак его антропоморфной сущности. Соответствует, по-видимому, и поза ильинского медведя позе вышедшего к людям кайгуся. Загнанный медведь вставал на дыбы и бросался на своих преследователей, как описывают охотники и натуралисты.

Кайгусь и ильинский медведь рождены женщиной, и уже поэтому они — смертны. На фигуре же соплесского медведя присутствует символ его смертности — пуп, что равнозначно свидетельству рождения женщиной.

Бронзовая фигурка медведя из с. Ильинского не индивидуальный амулет-оберег, это — родовой фетиш. Медведь-человек изображен в фас, лицом к зрителю, оборотная сторона отливки не обработана, по-видимому, она была скрыта от глаз. Фигурку легко прикрепить к какой-либо вертикальной плоскости, а петлями могли служить просветы между поднятыми вверх передними лапами и головой. В культовых постройках возле очага помещался вертикальный (воршудный) столб, на котором и крепился родовой фетиш. Весьма возможно, что фигурку не постоянно держали на столбе. Размеры ее небольшие, фигурка легко умещается на человеческой ладони, что дает нам право предполагать, что она могла также служить иллюстрацией рассказа о медведе во время медвежьего праздника или посвящения юношей в тайны рода при инициации.

Изучение отдельных изображений искусства металлической пластики пермского звериного стиля на фоне общей типологической схе-

мы развития, их семантическая дешифровка знаково-понятийной структуры комплексным методом — путь к реконструкции системы миропонимания, зашифрованной в художественных образах древнего искусства.

1. Алексеев Е. А. Культ медведя у котов.— СЭ, 1960, № 4.

2. Альбедиль М. Ф. Типы протониндийских надписей.— В кн.: Древние системы письма. Этническая семиотика. [Сб. ст.] Отв. ред. Ю. В. Кнорозов. М., 1986.

3. Ардзинба В. Г. Ритуалы и мифы древней Анатолии. М., 1982.

4. Васильев Б. А. Медвежий праздник.— СЭ, 1948, № 4.

5. Гемцев И. Н. Некоторые аспекты культуры медведя и их археологические параллели.— В кн.: Урало-алтаистика. (Археология. Этнография. Язык). [Сб. ст.] Новосибирск, 1985.

6. Голдина Р. Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск, 1985.

7. Гуревич А. Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970.

8. Донини А. Люди, идолы и боги: Очерк истории религии. Пер. с ит. 2-е изд., испр. и доп. М., 1966.

9. Древности камской чуди по коллекции Теплоуховых: Атлас рисунков с предисл. А. А. Спицына. Спб., 1902 (МАР, № 26).

10. Ешевский С. В. Заметки о пермских древностях.— В кн.: Пермский сборник. М., 1859, кн. 1.

11. Корепанов К. И. Изображение медведя в искусстве Прикамья второй половины I тысячелетия до н. э.— ВАН, 1981, [вып.] 15.

12. Косарев М. Ф. Западная Сибирь в древности. М., 1984.

13. Костюхин Е. А. Типы и формы животного эпоса. М., 1987.

14. Куценков А. К. Эволюция индийской касты. М., 1983.

15. Марковин В. И. Культовая пластика Кавказа.— В кн.: Новое в археологии Северного Кавказа. М., 1986.

16. Мелларт Дж. Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. Пер. с англ. М., 1982.

17. Ожегова Н. М. Коми-пермяцкие предания о Кудым-Оше и Пере-богатыре. Пермь, 1971.

18. Окладникова Е. А. Загадочные личины Азии и Америки. Новосибирск, 1979.

19. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946.

20. Серов С. Я. Медведь-супруг. (Вариации обряда и сказки у народов Европы и Исл. Америки).— В кн.: Фольклор и историческая этнография. [Сб. ст.] М., 1983.

21. Спийцын А. А. Шаманские изображения.— ЗОРСА РАО, 1906, т. 8, вып. 1.

22. Стоколос В. С., Королев Е. С. Археологическая карта Коми АССР. Отв. ред. Л. Н. Жеребцов. М., 1984.

23. Теплоухов Ф. А. Древности Пермской чуди в виде баснословных людей и животных.— В кн.: Пермский край. Пермь, 1893, вып. 2.

24. Топоров В. Н. Крест.— В кн.: Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1982, т. 2.

25. Топоров В. Н., Мейлах В. М. Круг.— Там же.

26. Цинциус В. И. Воззрения негидальцев, связанные с охотничьим промыслом.— В кн.: Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX — начале XX века. Л., 1971 (Сб. МАЭ, [т.] 27).

27. Чернецов В. Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры.— В кн.: Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири. М., 1967 (МИА, № 58).

28. Чиндина Л. А. Могильник Рёлка на Средней Оби. Томск, 1977.

29. Шмидт А. В. К вопросу о происхождении пермского звериного стиля.— Сб. МАЭ, 1927, [т.] 6.

30. Aspelin J. R. Antiquités du Nord Finne-Ougrien. Helsingfors, 1877.

31. Müller-Karpe H. Handbuch der Vorgeschichte. München, 1968, Bd 2: Jungsteinzeit. Taffeln.

SUMMARIES

I. Kalinina, E. Ustinova

TECHNOLOGICAL CLASSIFICATION OF THE ORNAMENTS
OF NEOLITHIC AND ENEOLITHIC POTTERY FROM THE URAS

Pottery and, first of all, its ornamentation, has traditionally been regarded as the most expressive element of Neolithic-Eneolithic cultures.

To-day's very complicated terminology pertaining to the ornaments in question has resulted from classifications based on the shape of ornamental elements which, not infrequently, have been designated according to production methods, e. g. pitching comb. However, this method of technological analysis has not been developed and applied consistently enough.

The description of ornamentation technology ought to be based on the analysis of tools and methods used in the making of ornaments. The ornaments on the pottery in the region under review were applied with both indented and non-indented tools. Experimental modelling has confirmed the existence of the

eight, previously postulated methods of ornamentation: (1) forming; (2) rolling; (3) pitching; (4) pitching-and-rolling; (5) pulling through; (6) pitching-and-pulling through; (7) indentation; (8) incision.

For the first time, the following objects used as ornamentation tools have been established: fragments of ribs, and ulnar and tubular bones. *Unio* shells forming a separate group. In the Kama and the Transuralian region, vessels have been found, ornamented with the upper jaw of small beasts of prey.

The present study has shown that tools and methods of ornamentation are the chief distinctive features of a culture. Various traditions of ornamentation can be traced in the region in question during the Neolithic and Eneolithic Ages.

G. Smirnova

SITES OF THE KISHINEV-KORLATEN TYPE
IN THE INTERFLUVE OF THE DNIESTER AND SIRET
AND BELEGISH II GROUP IN THE YUGOSLAVIAN DANUBE BASIN

The article is concerned with local distinctions of two cognate groups of Thracian Halstatt sites in the south-east of the USSR. One of them, Gava-Goligrady, is located in the west of the Ukraine, the other, Kishinev-Korlaten, in Moldavian forest-steppe. The distinctions which manifest themselves predominantly in pottery, resulted from the latter's having originated from different types of early-Halstatt fluted pottery of the Carpathian Danube basin. Comparison of the pottery in question and the Halstatt fluted pottery of Surchin—Belegish—

Dubovac (Belegish II) in the Yugoslavian Danube basin suggests that the main types of Kishinev pottery derive from that of Belegish, and, hence, the people of Belegish II culture of Kishinev-Korlaten.

Belegish influence was exerted throughout the lower Danube Porechye (south of Oltenia, Muntenia, northern regions of Bulgaria) as far as the interfluvium of the Dniester and Siret, which resulted in the formulation, in place of various late-bronze cultures, of several groups of Halstatt sites, cognate to Belegish II.

L. Galanina, A. Alexeyev

NEW MATERIALS ON THE HISTORY OF THE TRANSKUBANIAN REGION
IN THE EARLY-SCYTHIAN TIME

The article is concerned with the publication of two early-Scythian complexes (second half of the 7th c. B. C.) discovered on the

well-known Kelermes burial site in 1983 and 1985. One of these is the Scythian barrow partly excavated early in this century by

D. G. Schultz, the other is a rich interment in a Bronze Age barrow, connected to an autochthonous grave located on the same barrow field. The old and newly found materials, in conjunction with written sources, allow for the following conclusions concerning the ethnic and social history of the region. The Scythian ethnic component of the 7th c. B. C. on the present territory existed not only among the autochthonous Caucasian population but also among the

closely related Indo-Arians or Iranians, a possible representative of the latter being the tribe of Dandarii, first mentioned by Hecataeus of Miletus. Secondly, the comparison of the interments of the Kelermes burial, both autochthonous and Scythian, has yielded seven groups of burials reflecting the social stratification of the local society, namely, groups 1—6 (37 graves) and group 7 (4 Scythian barrowtombs).

L. Barkova

DEER IN THE ART OF THE ANCIENT ALTAI
(GREAT ALTAI BARROWS)

Nine subjects have been differentiated among the 45 depictions of deer, the lying or standing deer belonging to the general Scythian motifs, deer string or fight being of Near Eastern origin. Altaic motifs proper include a slightly coiled deer, the depicted body being in the same plane as the moulded head; a deer with the figure dissected, as it were, into two parts; and scenes of „tearing to pieces“, conveyed in a generalized manner, using heads only.

There are various methods of handling the head and two methods of handling the body,

namely, the accentuation of the shoulder and thigh either with a spiral pattern or with wide planes. The former is typical of Central Altaic depictions, the latter, of those found in Pazyryk barrows.

The depiction of the deer appears in ancient Altaic art in the 6th c. B. C., a time characterized by a well-established iconography. Most of the depictions date from the 5th c. B. C., the depictions being very expressive and accurate. The depictions of the 5th and 4th c. B. C., though well executed, are more ornamental.

R. Minasian

DEPICTIONS OF THE COILED BEAST OF PREY
AND THE LYING DEER IN THE ART OF SCYTHO-SIBERIAN TRIBES

A coiled beast of prey and lying deer is a motif popular in Scytho-Siberian art. The changes of production techniques influenced the evolution of depictions containing this motif. At an early stage the technique of wood- and antler-carving was applied to making wooden, antler, or wax patterns for clay moulds.

The methods worked out in wax processing were then applied to moulding: first, the models were executed in the simplest postures, while the final compositional scheme was attained at the last stage, by bending and soldering the elements.

In Scytho-Siberian art, deeply rooted in traditions, metal artifacts appeared later than carved objects, applications and the like. Therefore, the methods of metal processing are poor in comparison with those in older civilizations. At the archaic stage, Scytho-Siberian art was not subject to external influences. Motifs similar to those of the Near East may be accounted for by the common, i. e. Iranian, origin and hence, world outlook and mythology of the Near Eastern peoples and Scytho-Siberian tribes.

E. Chezhina

METHODS OF ART RESEARCH AND THEIR APPLICATION
TO THE STUDY OF THE ANIMAL STYLE

The artifacts of the Scytho-Siberian animal style, besides being archaeological materials, are objects of art and bearers of ideological information. Therefore they can be studied using the typological methods applied in archeology and the methods of art research.

Since the classification of objects may be based on formal elements, the investigation of the latter, in spite of some limitations, seems expedient in the study of the animal style, as has been shown by M. I. Rostovtsev, H. Borovka, M. A. Artamonov, and others.

The methods of structuralism and semiotics have recently been successfully applied—individually or in combination—to the study of

Scytho-Siberian animal style (D. S. Rayevsky, E. E. Kuzmina, A. K. Akishev, Ya. A. Sher, E. V. Perevodchikova).

The iconographic method, specific of art research, has also been used in the study of the animal style (N. D. Chelnova, V. A. Ilyinskaya, A. I. Shkurko), while another similar method, iconological, has practically been neglected.

The „aesthetic“ approach which G. K. Wagner has applied to the study of Old Russian art, can be used in other spheres of the history of art, including the animal style, though the goals of this approach are essentially the same as those of the above methods.

I. Bazhan, M. Shchukin

ORIGIN OF THE POLYCHROMOUS CLOISSONNE STYLE
OF THE MIGRATION PERIOD

In Soviet archaeological literature there are two points of view on the origin of the Migration period *cloissonné* style. According to A. K. Ambroz, the style appeared in the middle Danube basin at the time of Attila, while I. P. Zasetzkaya and others maintain that in the fourth and early fifth centuries the centre of production of polychromous objects was Bosphorus. Neither of the theories, however, can trace the origin of the style in question, but this can be done using some Georgian finds.

Interment I of the Armazikhevi burial, datable on the basis of the coins of Hadrian (117—138), has yielded no polychromous artifacts using *cloissonné*, though there were enamel objects. In the objects yielded by interments 6 and 7 (with Marcus Aurelius's coin of 190), enamelling was limited to granet and

turquoise. *Cloissonné* objects begin to appear in interments with Hostilius's (251) Valerianus's (253—260) coins (Armazikhevi 2 and 3, Aragvispiri 13), and those with Tacitus's coin (275—76). The present authors date the complexes in question to the 3rd or early 4th c., while according to Lordkipanidze they belong to the 4th or early 5th c. The next stage of the evolution of the style is represented by fourth-century finds from Kerch.

At present, polychromous Sasanian finds are few and they should be regarded as a „Western“ element in Sasanian art. B. Arrhenius's suggestion concerning Constantinople as a *cloissonné* centre seems plausible, provided its productions reflect the stage following the one discussed in the present paper.

I. P. Zasetzkaya

RELATIVE CHRONOLOGY OF THE BURIALS OF BOSPORUS NECROPOLIS.
LATE-CLASSICAL — EARLY-MEDIEVAL PERIOD
(4th to early 5th c.)

Bosphorus necropolis of the Migration Period, from the late fourth to early seventh A. D., is located in Kerch.

In spite of the scholars' interest to this necropolis, no study embracing all its materials has been carried out so far. Nor has the chronology of individual burials or the entire necropolis been worked out.

The present study is concerned with the differentiating of individual successive periods in the necropolis. This periodisation is based on three categories of finds, fibulae, buckles, and glass vessels. Each category, besides being represented by numerous finds, is characterized by

considerable divergencies reflecting a certain evolution of form.

Comparison of finds within one and the same burial, as well as those of different burials, has yielded three successive periods characterized by respective groups of finds: 1st period, late-fourth to mid-fifth centuries; 2nd period, second half of the fifth to first half of sixth centuries; 3rd period, second half of the sixth to early seventh centuries. Within each group there are older and younger burials, as well as the burials that can be regarded as transitional in nature.

E. Oyateva

BRONZE BEAR OF THE STROGANOV COLLECTION.
AN ATTEMPT OF SEMANTIC INTERPRETATION

The bronze bear figurine of the Stroganov collection, found near the village of Iyinskoye, Province of Perm, belongs to the Kama basin metal productions of the first millennium A. D., representing complex zoo-anthropomorphic deities. The basis of it is a true-to-life portray-

al of a male-bear with four-claw paws, cross-like sign on the right paw, with bracelets of the upper and lower limbs and there anthropomorphic images on the body. The signs help disclose the semantics of their tribal fetish.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ЛИМ	Археологические исследования в Молдавии (Кишинев)
ЛО	Археологические открытия (Москва)
АСГЭ	Археологический сборник Государственного Эрмитажа
АЭБ	Археология и этнография Башкирии (Уфа)
БСЭ	Большая Советская Энциклопедия (Москва)
ВАУ	Вопросы археологии Урала (Свердловск)
ВГМГ	Вестник Государственного музея Грузии (Тбилиси)
ВДИ	Вестник древней истории (Москва)
ВЯ	Вопросы языкознания (Москва)
ГИМ	Государственный Исторический музей (Москва)
ГЭ	Государственный Эрмитаж
ЗНМ	Зборник Народног музеја (Београд)
ЗООИД	Записки Одесского общества истории и древностей
ЗОРСА РАО	Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества (Петербург)
ИАК	Известия Археологической комиссии (Петербург)
ИБАД	Извѣстия на Българского археологическо дружество (София)
ИИМК	Институт истории материальной культуры им. Н. Я. Марра Академии наук СССР (Петроград, Москва — Ленинград)
ИЛАН	Известия лаборатории археологических исследований (Кемерово)
ИЭАН	Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР (Москва — Ленинград)
КСИА	Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии Академии наук СССР (Москва)
КСИМК	Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра Академии наук СССР (Москва)
ЛОИА	Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР
МАГК	Материалы по археологии Грузии и Кавказа (Тбилиси)
МАР	Материалы по археологии России (Петербург)
МАЭ	Музей антропологии и этнографии им. Петра Первого Академии наук СССР (Ленинград)
МДАПВ	Материалі і дослідження по археології Прикарпаття та Волині (Київ)
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР (Москва—Ленинград)
МИИ	Малая история искусств (Москва)
МИТО	Материалы по изучению Тагильского округа (Нижний Тагил)
ОАК	Отчеты Археологической комиссии (Петербург)
ПА	Проблемы археологии (Ленинград)
ПГЭ	Памятники Государственного Эрмитажа
ПДИ	Памятники древнего искусства (Москва)
ПОК	Публикация одной коллекции (Ленинград)
РВМ	Рад Војвођанских музеја (Нови-Сад)
СА	Советская археология (Москва)

САИ	Свод археологических источников (Москва—Ленинград)
СГЭ	Сообщения Государственного Эрмитажа
СМАА	Сборник материалов по археологии Адыгеи (Майкоп)
СЭ	Советская этнография (Москва)
ТАС	Труды археологического съезда
ТГИМ	Труды Государственного Исторического музея (Москва)
УЗ ТГУ	Ученые записки Томского государственного университета им. В. В. Куйбышева
хут.	хутор
ААН	Acta Archeologica Hungaricae (Budapest)
АЕ	Archaeologiai Értesítő (Budapest)
АНг	Archaeologia Hungarica (Budapest)
АМ	Archéologie Médiévale (Paris)
АМold	Archeologia Moldovei (București)
ВАR	British Archaeological Reports (Oxford)
ВАVА	Beiträge zur allgemeinen und vergleichenden Archäologie (München)
ВJ	Bonner Jahrbücher
ВOAS	Bulletin of Oriental and African Studies (London)
ЕSА	Eurasia septentrionalis antiqua (Helsinki)
ЈAK	Jahrbuch für Altertumskunde (Wien)
МZМ	Mitteilungen des Zentralmuseums der ASRR der Wolgadeutschen (Pokrowsk)
РZ	Praehistorische Zeitschrift (Berlin)
RL	Revue de Louvre (Paris)
SAUC	Studie Archeologického Ústava Československé Akademie ved v Brně
SCIV (SCIVA)	Studii și cercetări de istorie veche (și arheologie) (București)
SK	Seminarium Kondakovianum (Praha)
ST	Studia Thracica (Sofia)
TD	Thraco-Dacica (București)

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ,
ПОМЕЩЕННЫХ В «АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ СБОРНИКЕ»
ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА

Выпуски 21—30

Алексеев А. Ю. О скифском Аресе.— 1980, вып. 21, с. 39—47.

Алексеев А. Ю. К вопросу о дате сооружения Чертомлыкского кургана (по керамическим материалам).— 1981, вып. 22, с. 75—83.

Алексеев А. Ю. О наконечниках стрел из Чертомлыкского кургана.— 1983, вып. 24, с. 73—77.

Алексеев А. Ю. О месте Чертомлыкского кургана в хронологической системе погребений скифской знати IV—III вв. до н. э.— 1984, вып. 25, с. 65—75.

Алексеев А. Ю. Хронография Скифии второй половины IV в. до н. э.— 1987, вып. 28, с. 38—51.

Анисюткин Н. К. О взаимодействии среднепалеолитических культурных единств на территории Юго-Запада СССР.— 1984, вып. 25, с. 19—23.

Бажан И. А., Шукин М. Б. К вопросу о возникновении полихромного стиля клуазонне эпохи Великого переселения народов.— 1989, вып. 30, с. 83—96.

Баркова Л. Л. Курган Шябе. Предметы материальной культуры из погребальной камеры.— 1980, вып. 21, с. 48—58.

Баркова Л. Л. Изображения свернувшихся хищников на золотых пластинах Маймира.— 1983, вып. 24, с. 20—31.

Баркова Л. Л. Изображения рогатых и крылатых тигров в искусстве древнего Алтая.— 1985, вып. 26, с. 30—44.

Баркова Л. Л. Образ орлиноголового грифона в искусстве древнего Алтая (по материалам Больших Алтайских курганов).— 1987, вып. 28, с. 5—29.

Баркова Л. Л. Образ оленя в искусстве Древнего Алтая (по материалам Больших Алтайских курганов).— 1989, вып. 30, с. 55—66.

Барцева Т. Б. Результаты спектроскопического изучения комплексов Посулья.— 1983, вып. 23, с. 92—96.

Волков И. Г. Скифские прорезные напершия из Прикубанья.— 1983, вып. 23, с. 57—59.

Виноградов В. Б., Дударев С. Л. К этнокультурной интерпретации некоторых материалов VII в. до н. э. из Предкавказья.— 1983, вып. 23, с. 49—54.

Галанна Л. К. Раннескифские уздечные наборы (по материалам Келермесских курганов).— 1983, вып. 24, с. 32—55.

Галанна Л. К., Алексеев А. Ю. Новые материалы к истории Закубанья в раннескифское время.— 1989, вып. 30, с. 34—54.

Грач А. Д. Историко-культурная общность раннескифского времени в Центральной Азии.— 1983, вып. 23, с. 30—35.

Грязнов М. П. О монументальном искусстве на заре скифо-сибирских культур в степной Азии.— 1984, вып. 25, с. 76—82.

Горбунова Н. Г. О типах ферганских погребальных памятников первой половины I тысячелетия н. э.— 1981, вып. 22, с. 84—99.

Горбунова Н. Г. Некоторые особенности формирования древних культур Ферганы.— 1984, вып. 25, с. 99—107.

Горбунова Н. Г. Памятники Керкидонской группы в Южной Фергане (Мыкты-Курган и Чун-тепе).— 1987, вып. 28, с. 71—102.

Горбунова Н. Г., Оболдуева Т. Г. Поселение Арал-тепе в Фергане.— 1988, вып. 29, с. 82—96.

Давидан О. И. Бронзолитейное дело в Ладоге.— 1980, вып. 21, с. 59—67.

Давидан О. И. Ткани Старой Ладоги.— 1981, вып. 22, с. 100—113.

Давидан О. И. Янтарь Старой Ладоги.— 1984, вып. 25, с. 118—126.

Давидан О. И. Этнокультурные контакты Старой Ладоги VIII—IX вв.— 1986, вып. 27, с. 99—105.

Давидан О. И. Весовые гирьки Старой Ладоги.— 1987, вып. 28, с. 119—129.

Давидан О. И. Скарабей из Старой Ладоги.— 1988, вып. 29, с. 112—116.

Доманский Я. В., Марченко К. К. Поселение Ольвийской хоры Козырка 2.— 1980, вып. 21, с. 20—38.

Засецкая И. П. Некоторые итоги изучения хронологии памятников гунинской эпохи в южнорусских степях.— 1986, вып. 27, с. 79—91.

Засецкая И. П. Относительная хронология склепов позднеантичного и раннесредневекового боспорского некрополя (конец IV—начало VII в.).— 1989, вып. 30, с. 97—106.

- Ильинская В. А. Скифы и Кавказ (тез. докл.).—1983, вып. 23, с. 55—56.
- Исмагилов Р. Б. Погребение Большого Гумаровского кургана в Южном Приуралье и проблема происхождения скифской культуры.—1988, вып. 29, с. 29—47.
- Калашник Ю. П. Стекланный флакон из Херсонеса и некоторые настольные надписи.—1985, вып. 26, с. 71—76.
- Калинина И. В. Позднеэнеолитическая керамика I Саузовского поселения.—1984, вып. 25, с. 24—30.
- Калинина И. В., Устинова Е. А. Опыт использования метода экспериментального моделирования для технологического анализа керамики (по материалам неолитических памятников Полудьика I и Хуторская стоянка).—1988, вып. 29, с. 5—17.
- Калинина И. В., Устинова Е. А. Технологическая классификация орнаментов неолитическо-энеолитической керамики Уральского региона.—1989, вып. 30, с. 7—19.
- Каспарова К. В. Зарубинская культура в хронологической системе культур эпохи Латена.—1984, вып. 25, с. 108—117.
- Каспарова К. В. Зарубинское поселение Ремель в Белорусском Полесье.—1987, вып. 28, с. 52—70.
- Качалова Н. К. О локальных различиях полтавской культурно-исторической общности.—1983, вып. 24, с. 4—19.
- Качалова Н. К. О взаимодействии поволжских срубных и абашевских племен.—1984, вып. 25, с. 31—35.
- Копейкина Л. В. Расписная керамика арханского времени из античных поселений Нижнего Побужья и Поднепровья как источник для изучения торговых и культурных связей.—1986, вып. 27, с. 27—47.
- Куклина И. В. Аракс Геродота.—1983, вып. 23, с. 36—42.
- Львова З. А. Признаки способа изготовления изделий из стекла.—1980, вып. 21, с. 75—84.
- Львова З. А. Типологизация по технологическому основанию стеклянных бус Варнинского могильника как основа их относительной и абсолютной датировки.—1983, вып. 24, с. 90—110.
- Львова З. А., Семенов А. И. К проверке оснований реконструкции перещепинского меча.—1985, вып. 26, с. 77—87.
- Марсадолов Л. С. Памятники ранних кочевников в Усть-Куюме на Алтае (по раскопкам Г. П. Сосновского и Г. П. Сергеева).—1981, вып. 22, с. 11—22.
- Марсадолов Л. С. О последовательности сооружения пяти больших курганов в Пазырыке на Алтае.—1984, вып. 25, с. 90—98.
- Марсадолов Л. С. Хронологическое соотношение Пазырыкских и Семибратских курганов.—1987, вып. 28, с. 30—37.
- Марсадолов Л. С. Дендрохронология больших курганов Саяно-Алтая I тысячелетия до н. э.—1988, вып. 29, с. 65—81.
- Марченко К. К., Доманский Я. В. Античное поселение Старая Богдановка 2.—1981, вып. 22, с. 62—74.
- Марченко К. К., Доманский Я. В. Комплекс вещественных находок на античном поселении Старая Богдановка 2.—1983, вып. 24, с. 56—72.

Марченко К. К., Доманский Я. В. Античное поселение Куцуруб I.—1986, вып. 27, с. 48—60.

Мачинский Д. А. Некоторые географические и исторические предпосылки возникновения севернорусского протогосударства.—1988, вып. 29, с. 117—128.

Микляев А. М. Археологическая география: предмет, задача, метод.—1984, вып. 25, с. 127—130.

Микляев А. М., Беспалова Т. И. О методике поиска и разведки свайных поселений III—II тысячелетий до н. э. на территории Восточноевропейской равнины.—1981, вып. 22, с. 5—10.

Микляев А. М., Долуханов П. М. Из истории развития хозяйства древнего населения на правобережье Западной Двины и в верховьях Ловати (X тысячелетие до н. э.—начало II тысячелетия н. э.).—1986, вып. 27, с. 3—7.

Миколайчук Е. А. Исследование состава тканей и войлоков из раскопок Старой Ладуги.—1981, вып. 22, с. 114—121.

Минасян Р. С. Четыре группы ножей Восточной Европы раннего средневековья.—1980, вып. 21, с. 68—74.

Минасян Р. С. О появлении пашенного земледелия в Верхнем Поднепровье и северо-западных областях РСФСР.—1983, вып. 24, с. 81—89.

Минасян Р. С. Литые бронзовые котлов у народов степей Евразии (VII в. до н. э.—V в. н. э.).—1986, вып. 27, с. 61—78.

Минасян Р. С. К вопросу о влиянии техники производства на происхождение некоторых особенностей скифо-сибирского звериного стиля.—1988, вып. 29, с. 48—58.

Минасян Р. С. Изображение свернувшегося хищника и лежащего оленя в творчестве скифо-сибирских племен.—1989, вып. 30, с. 67—76.

Оятева Е. И. Систематизация древней кожаной обуви.—1980, вып. 21, с. 85—90.

Оятева Е. И. Бронзовая фигурка медведя из собрания Строгановых (опыт семантической дешифровки).—1989, вып. 30, с. 107—115.

Петренко В. Г. Скифская культура на Северном Кавказе.—1983, вып. 23, с. 43—48.

Пиотровский Б. Б. Отделу истории первобытной культуры — 50 лет.—1984, вып. 25, с. 3—6.

Пиотровский Ю. Ю. Комплекс антропоморфных изображений Ульского аула и вопросы контактов населения Северного Кавказа в эпоху средней бронзы.—1984, вып. 25, с. 36—42.

Попова Т. А. Антропоморфная пластика трипольского поселения Поливанов Яр на Днестре.—1980, вып. 21, с. 7—19.

Раевский Д. С. Антропоморфные и зооморфные мотивы в репертуаре раннескифского искусства.—1983, вып. 23, с. 8—15.

Сапунов Б. В. Семантика зооморфной подвески XI в. из кургана у деревни Калиновщина.—1983, вып. 24, с. 111—116.

Семенов А. И. Микроскопическое исследование древков стрел из кургана Чертомлык. Некоторые параллели и комментарии. (Прил. к ст. А. Ю. Алексеева).—1983, вып. 24, с. 78—80.

Семенов А. И. К реконструкции состава комплексов перещепинского круга.—1986, вып. 27, с. 92—98.

Семенов А. И. К выявлению центральноазиатских элементов в культуре раннесредневековых кочевников Восточной Европы.—1988, вып. 29, с. 97—111.

Смирнова Г. И. Новые данные о поселении у с. Долиняны (по материалам раскопок 1977—1978 гг.).—1981, вып. 22, с. 40—61.

Смирнова Г. И. Всесоюзный симпозиум «Вопросы происхождения и хронологии скифской культуры».—1983, вып. 23, с. 5—7.

Смирнова Г. И. Материальная культура Григоровского городища (к вопросу о формировании чернолесско-жаботинских памятников).—1983, вып. 23, с. 60—72.

Смирнова Г. И. О формировании позднечернолесской культуры на Среднем Днестре.—1984, вып. 25, с. 43—60.

Смирнова Г. И. Поселение у с. Днестровка — памятник чернолесской культуры на Днестре.—1985, вып. 26, с. 5—29.

Смирнова Г. И. Последний сезон работ на чернолесском поселении Днестровка-Лука и вопросы хронологии позднего Чернолесья.—1986, вып. 27, с. 8—26.

Смирнова Г. И., Кашуба М. Т. О двух локальных группах культуры позднего Чернолесья на Среднем Днестре.—1988, вып. 29, с. 18—28.

Смирнова Г. И. Памятники типа Кишинев—Корлатэнь в Днестро-Сиретском междуречье и группа Белегиш II в югославском Подунавье.—1989, вып. 30, с. 20—33.

Сорокин С. С. К вопросу о толковании внекурганных памятников ранних кочевников Азии.—1981, вып. 22, с. 23—28.

Столяр А. Д. Об основных аспектах изучения палеолитического изобразительного искусства как исторического источника.—1984, вып. 25, с. 7—18.

Томенчук Б. П. Древнерусский могильник на Среднем Днестре.—1985, вып. 26, с. 88—95.

Чежина Е. Ф. Художественные особенности звериного стиля Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху.—1983, вып. 23, с. 16—29.

Чежина Е. Ф. Изображения свернувшегося в кольцо хищника в искусстве Нижнего Поволжья в скифскую эпоху.—1984, вып. 25, с. 61—64.

Чежина Е. Ф. История и современное состояние проблемы «савроматского» звериного стиля.—1988, вып. 29, с. 59—64.

Чежина Е. Ф. О возможных методических подходах к изучению скифо-сибирского звериного стиля.—1989, вып. 30, с. 77—82.

Шевченко А. В. Несколько слов о черепках из славянского могильника Днестровка.—1985, вып. 26, с. 96—99.

Шрамко Б. А. Арханская керамика Восточного укрепления Бельского городища и проблема происхождения его обитателей.—1983, вып. 23, с. 73—92.

Щукин М. Б. О трех путях археологического поиска предков раннеисторических славян. Перспективы третьего пути.—1987, вып. 28, с. 103—118.

Поправки

В подписи к рис. 4 статьи А. И. Семенова (АСГЭ, 1988, [вып.] 29, с. 103) допущены неточности.

1) *Напечатано* (2-я строка снизу): 72 — Джангар, курган 11, дирхем 721 г.;

следует читать: 72 — Джангар, курган 6 (раскопки Н. А. Николаевой 1985 г.), дирхем, чекан. не позднее 710 г. (определение В. Н. Настича);

2) *Напечатано* (1-я строка снизу): Верхний Чирюрт, солиды Иаврикия (582—602) с оригиналов Ираклия (613—625 гг.);

следует читать: Верхний Чирюрт, солиды Маврикия (581—602 гг.); подражания с оригиналов Ираклия (613—625 гг.).

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
<i>И. В. Калинина, Е. А. Устинова.</i> Технологическая классификация орнаментов неолитической—энеолитической керамики Уральского региона	7
<i>Г. И. Смирнова.</i> Памятники типа Кишинев—Корлатэнь в Днестро-Сиретском междуречье и группа Белегиш II в югославском Подунавье	20
<i>Л. К. Галанина, А. Ю. Алексеев.</i> Новые материалы к истории Закубанья в раннескифское время	34
<i>Л. Л. Баркова.</i> Образ оленя в искусстве древнего Алтая (по материалам Больших Алтайских курганов)	55
<i>Р. С. Минасян.</i> Изображения свернувшегося хищника и лежащего оленя в творчестве скифо-сибирских племен	67
<i>Е. Ф. Чежина.</i> О возможных применениях методов искусствознания в исследованиях звериного стиля	77
<i>И. А. Бажан, М. Б. Шукин.</i> К вопросу о возникновении полихромного стиля клуазонне эпохи Великого переселения народов	83
<i>И. П. Засецкая.</i> Относительная хронология склепов позднеантичного и раннесредневекового боспорского некрополя (конец IV—начало VII в.)	97
<i>Е. Н. Оятева.</i> Бронзовая фигурка медведя из собрания Строгановых (опыт семантической дешифровки)	107
Summaries	116
Список сокращений	119
Указатель статей, помещенных в «Археологическом сборнике» Государственного Эрмитажа, вып. 21—30 (1980—1989 гг.)	121

CONTENTS

Preface	5
<i>I. Kalinina, E. Ustinova.</i> Technological Classification of the Ornaments of Neolithic and Eneolithic Pottery from the Ural	7
<i>G. Smirnova.</i> Sites of the Kishinev—Korlaten Type in the Interfluvium of the Dniester and Siret and Belegish II Group in the Yugoslavian Danube Basin	20
<i>L. Galanina, A. Alexeyev.</i> New Materials of the History of the Transkuban Region in the Early-Scythian Time	34
<i>L. Barkova.</i> Deer in the Art of the Ancient Altai (Great Altai Barrows)	55
<i>R. Minasian.</i> Depictions of the Coiled Beast of Prey and the Lying Deer in the Art of Scytho—Siberian Tribes	67
<i>E. Chezhina.</i> Methods of Art Research and Their Application to the Study of the Animal Style	77
<i>I. Bazhan, M. Shchukin.</i> Origin of the Polychromous cloisonné Style of the Migration Period	83
<i>I. Zasetzkaya.</i> Relative Chronology of the Burials of Bosphorus Necropolis. Late-Classical — Early-Medieval Period (4th to early 5th c.)	97
<i>E. Oyateva.</i> Bronze Bear of the Stroganov Collection. An Attempt of Semantic Interpretation	107
Summaries	116
Abbreviations	119
Index to vols. 21—30 of the <i>Arkheologicheskii Sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha</i>	121

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК

Выпуск 30

Зав. редакцией Г. К. Черлинка. Редактор В. Л. Афанасьев. Переводчик текстов резюме на английский язык Ю. А. Клейнер. Художественный редактор Г. Г. Ябкевич. Технический редактор В. Г. Лошкарева. Корректор В. О. Кондратьева.

ИБ № 3086

Сдано в набор 17.07.89. Подписано к печати 24.05.90. Формат 70×108 1/16. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 11,2. Уч.-изд. л. 13,08. Усл. кр.-отт. 11,38. Изд. № 717. Тираж 2000. Заказ № 1258. Цена 2 р. 70 к. Издательство «Искусство». Ленинградское отделение. 101186, Ленинград, Невский пр., 28. Ленинградская картографическая фабрика ВСЕГЕИ. Ленинград, Средний пр., д. 72

В ЛЕНИНГРАДСКОМ ОТДЕЛЕНИИ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «ИСКУССТВО»

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ

очередной 31-й выпуск

**«АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО СБОРНИКА
ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА»**

Издание предполагается выпустить в конце 1990 г.
Ориентировочная цена — 2 р. 60 к.

В сборнике публикуются исследования по проблемам истории и культуры древних племен, обитавших на территории СССР в I тысячелетии до н. э.— I тысячелетии н. э., а также материалы раскопок, проводившихся экспедициями Эрмитажа в последние годы. В центре внимания авторов статей — проблемные вопросы хронологии и культурных контактов скифских племен с окружающими их племенами и с древневосточными государствами, а также вопросы культурного взаимодействия народов Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии в античную эпоху и в раннее средневековье. Публикуются статьи, посвященные анализу развития производств и ремесел в указанных регионах в древности.

Издание иллюстрировано.

В ЛЕНИНГРАДСКОМ ОТДЕЛЕНИИ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «ИСКУССТВО»

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ

очередной 32-й выпуск

**«АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО СБОРНИКА
ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА»**

Издание предполагается выпустить в конце 1991 г.
Ориентировочная цена — 2 р. 60 к.

Очередной выпуск сборника, как и предыдущие, содержит статьи по широкому кругу вопросов, связанных с историей и культурой древних народов, обитавших в различных регионах нашей страны.

Публикуются исследования о колчанных наборах Келермесских курганов, об искусстве скифского «звериного стиля» и так называемого «пермского звериного стиля», о стеклянных бусах из Прикубанья, о раннем неолите северо-запада Европейской части СССР, о памятниках эпохи бронзы в Фергане и о других древнейших культурах Восточной Европы и Сибири.

Издание иллюстрировано.

В ЛЕНИНГРАДСКОМ ОТДЕЛЕНИИ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «ИСКУССТВО»

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ

очередной XXIX том
«ТРУДОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА»

Издание предполагается выпустить в 1992 г.
Ориентировочная цена — 3 руб.

Том подготовлен научными сотрудниками отдела истории античного мира Государственного Эрмитажа. Тематический охват и хронологические рамки тома отличаются широтой и разнообразием, с достаточной полнотой отражая тематику, традиционно разрабатываемую в музее.

Ряд статей посвящен культуре доримской Италии — древнейшим италийским памятникам, представленным в музее, этрусским ювелирным изделиям, кампанским расписным вазам. Другая группа статей рассматривает вопросы истории и эстетики греческой скульптуры — проблемы творческого осмысления традиций греческими мастерами, новой атрибуции и датировки статуи стоящего Геракла; в этом же разделе впервые публикуется сохранившаяся в архиве статья О. Ф. Вальдгауера об образе Геракла. Значительное место в томе занимают статьи, подготовленные на основе результатов археологических раскопок боспорских городищ и на о-ве Березань. Одна из публикаций посвящена истории русского коллекционирования.

Издание иллюстрировано.

1438